

уральский 1
СЛЕДОПЫТ 1992

Чудо рукотворное

Лет десять назад, когда Гуров получил в Тарасково участок под дачу, царило здесь запустение. Остатки бывшего лукохранилища превращены были в свалку. Склад этот, как какая-нибудь пирамида Хеопса, возводился на вечном каменном основании, и Виктору Филипповичу с женой и сыновьями пришлось вдосталь повыкорчевывать камней да повозить землицы, чтобы устроить на месте свалки самый обычный огород.

Гуров по натуре своей строитель. Много домов на подуеку построил. А в ту пору работал по найму в химлесхозе. Двухквартирные домики в Пальниках, Починке Невьянского района — дело рук его бригады. И вот на неухоженном еще дачном участке возмечталось ему и себе выстроить дом. Да не простой, а чтобы можно было жить по-людски, хозяйство держать. И чтобы было красиво. Ну вот как жизнь человека в идеале представляется и какую человек заслуживает, — такой чтобы и домик был.

Думал, мечтал, проектировал, потом рассказал жене Тамаре Васильевне. Долго еще не решились начать.

Как мы живем, в самом деле! Страна богата, нас самих Бог талантами не обидел, а посмотришь вокруг по деревням и поселкам — глазу остановиться не на чем. Серость, бедность, прими-

тив. А вернее сказать, лень несусветная.

Вот и в Тарасково как стало на глазах людей возникать из ничего чудо рукотворное, насторожились вокруг глаза и уши: откуда материал? Не увел ли, где плохо лежало? Ишь, куркуль, какой дворец закладывает. Денег, поди, некуда девать... То ему дай, это представь. Гурову дадим, другие, не будь дураки, тоже запросят. И пойдут государство с молотка...

Плюнет, бывало, Гуров и под укоризненные взгляды, смешки и прибаутки от пилорамы, что рядом, везет свой брус пилить в Первоуральск...

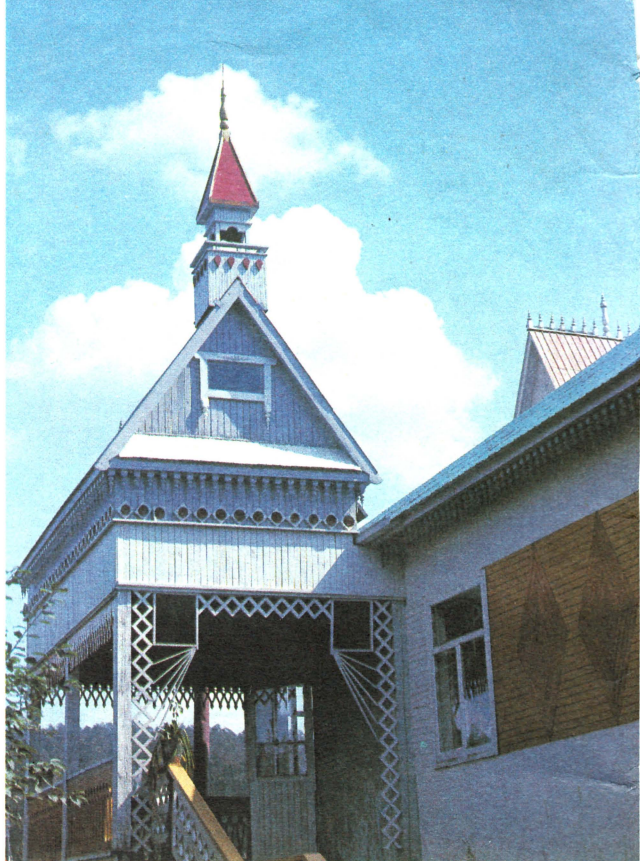
— Столько всего было, — говорит Тамара Васильевна. — Да не стоит ворошить.

И растет в Тарасково дом. С гаражом и баней, цветником и котельной, садом и экзотическими фонтанами и еще многим, чего лишен человек в нашей серой обыденной жизни. Дом еще у Гурова не готов, работа в самом разгаре, и не любит Виктор Филиппович показывать неготовое. Да нам повезло: приехали, а хозяйина дома нет.

— Ну и достанется мне! — сокрушалась на прощанье Тамара Васильевна.

Ю. Сентябрьев

фото Олега Капорейко

Учредители —
Союз писателей РСФСР,
Ассоциация советских
книгоиздателей,
трудовой коллектив журнала
Издатель —
Средне-Уральское
книжное издательство

2

ЗЕЛЕНАЯ ВЕТКА НА ФОНЕ ЗИМЫ

«Уральский следопыт» начинает поиск библиотек, созданных в России книгоиздателем и просветителем Ф. Ф. Павленковым.

Ю. Горбунов

5

НЕТИПИЧНЫЙ ДЕМИДОВ

Продолжение серии о династии уральских заводчиков.

Н. Мезенин

8

СКОРБНЫЙ ПУТЬ РОМАНОВЫХ

Начало серии очерков о пути царской династии от отречения до трагической гибели в Екатеринбурге, Алапаевске и Перми.

Т. Павлова, В. Хрусталева

19, 57

ФУФЕЛЬ. Детективный роман. Начало История знаменитых «алмазов шаха», бывших яблоком раздора во время революции и ставших «лакомым кусочком» для сегодняшней мафии.

А. Ромов

25, 55

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

27

ЛОЦМАН. Фантастическая повесть.

Продолжение цикла повестей о Великом кристалле.

В. Крапивин

71

МАРИЯ

Рассказ о настоящей большой любви, переросшей в страсть и приведшей в гибельный тупик.

Г. Григорьев

75

ВЛЮБЛЕН В... СНЕГУРОЧКУ

Интервью с Костей Пахомовым, и его продюсером Алексеем Ляховым. Ответы на вопросы наших читателей.

Ю. Шинкаренко

79

А Я ЛЮБЛЮ ИНДИЙСКОЕ КИНО...

С. Хлынова

уральский
1
СЛЕДОПЫТ
1992

Всероссийский родиноведческий поиск

ЮНИЙ
ГОРБУНОВ

Зеленая ветка на фоне ЗИМЫ

БИБЛИОТЕКИ-СЕСТРЫ. В начале нынешнего века в деревнях и селах необъятной Российской империи то тут, то там одиночными лампадками затеплились бесплатные народные библиотеки. Одни нашли приют в избе зажиточного крестьянина, другие заняли комнатку в начальном народном училище, а третьи так и вовсе довольствовались шкафом под висячим замком в школьном коридоре. В назначенное время учительница-библиотекарь открывала шкаф, и небольшая очередь из учащихся, крестьян и прочих представителей деревенского люда выбирала для прочтения книгу...

Поначалу книг в такой библиотеке было сотни две — три. В дешевых народных изданиях стояли Толстой, Тургенев, Успенский, Вересаев.. Книги научно-популярные, например, тоненькие брошюры Валериана Лункевича с описанием разных природных явлений и обитателей Земли. Сказки, слетевшиеся со всего света. Жизнеописания великих людей всех времен и народов в тоненьких книжечках «ЖЗЛ» (выходила такая серия в последнем десятилетии прошлого века)...

Даже жители соседних селений тянулись на огонек таких библиотек.

Потом по-разному они пополнялись, по-разному заботились о них сельские власти, но все они были кровными сестрами по отцу: носили имя Ф. Павленкова, а появились на свет там, где до того времени библиотек никогда не существовало. С портрета на стене избы или шкафа неодолимо, как с креста, смотрел седобородый человек, открыв стужам и ветрам свою обширную лысину.

Эти маленькие книжные островки стали теплыми одиночными свечками, поставленными на алтарь культуры и народного просвещения в российском деревенском захолустье.

Кто же был этот человек с незащищенной головой и неистовыми глазами? Флорентий Федорович Павленков, поручик конной артиллерии в отставке. Автор нескольких учебников для самообразования. Петербургский книгоиздатель с миллионным оборотом. Нестандартный миллионер, не наживший в столице даже собственного дома.

ТРЕТИЙ ПУТЬ ИЗДАТЕЛЯ ПАВЛЕНКОВА. Что же было необычного в Павленкове-издателе? Да сама практика его предпринимательства. Она всю спорила с капитализмом. Павленков не признавал прибыль за главную цель земного существования, и в то же время не принимал назревавшей в то время революции, которая, по его мнению, неизбежно разъединит общие культурно-просветительские усилия людей. Своей работой и жизнью Павленков как бы предлагал современникам третий путь.

Давайте приглядимся к принципам этого нестандартного миллионера.

Вот нынче среди деловых людей в большом ходу такая практика: прежде чем дать читателю хорошую книгу, пушчу-ка я сначала нечто такое-разэтакое на разживу. Деньжата появятся, а тогда уж облагодетельствую человечество. Прием не новый. Им грешили даже такие прогрессивные русские дельцы на книжной ниве, каким был современник Павленкова Иван Дмитриевич Сытин.

А вот как начинал Павленков. На первые расходы он занял у брата тысячу рублей. Потом долго изучал спрос, искал ту единственную книгу, которая позарез необходима его демократическому читателю. Такая книга, наконец, нашлась, но не в России, а во Франции. Это был очень популярный и основательный учебник физики парижского профессора А. Гано, приносивший автором

к самостоятельному изучению предмета. Ничего подобного в России тогда не выходило.

Павленков уселся за перевод 400-страничного труда. Не спал ночей, махнул рукой на свою военную карьеру, снисался с автором, и тот охотно консультировал его работу. (Папка его писем на французском языке донныне пылится в анналах одного столичного архива).

Работа длилась несколько лет. А когда она близилась к концу, Павленков дал будущей книге повсеместную рекламу и организовал подписку на нее, чтобы получить первичный капитал — на бумагу, типографские расходы. Книга печаталась частями и раскупалась вмиг. Тотчас же потребовались переиздания — одно, другое, третье... Учебник, которого так ждал молодой разночинный читатель, оказался золотым дном.

Вот так, с первой своей книги Павленков поставил рядом с чистоголоном общественную пользу. И этому принципу не изменил ни разу в жизни. Полезность книги у него всегда шла в ногу с материальной выгодой, но неизменно на полшага впереди. Он, как никто другой, умел тут держать дистанцию. Каждая его книга становилась результатом кропотливого труда и изучения спроса, но каждая же и убеждала его, что доброе, общественно полезное дело может и должно быть доходным.

Таким был первый павленковский нестандарт, можно сказать, первая пощечина господствующим отношениям. И первый шаг к предпринимательству, поставленному на новых началах.

Второй шаг был сделан им в практике трудовых отношений.

Когда бегло познакомишься с издательской работой Павленкова, возникает ощущение, что все предприятие затевалось им только из благого желания дать интересное и выгодное дело автору, переводчику, художнику, всем помочь, никого не оставить внакладе. Впечатление, конечно же, обманчивое, но не на пустом месте оно и возникает. Возьмем опять пример из практики Павленкова.

Однажды к нему попала рукопись начинающего автора из Тифлиса. Как всегда, не откладывая, ночью он просмотрел ее, а утром уже летела в Тифлис телеграмма: «Рукопись прочел. В восторге. Пишу. Павленков». Так появилась на свет первая книга будущего ученого и блестящего популяризатора науки Валериана Викторовича Лункевича. Разглядев в юноше литературное дарование и чувствуя его неумное желание работать, Павленков целый год выплачивает ему аванс, чтобы тот написал следующую книгу. Ученая критика, однако, приняла ее в штыки. А Павленков, видя убитого горем автора, заказывает ему целую серию научно-популярных книжек. И они тотчас же, одна за другой, выходят в свет. Издатель поощряет желание Лункевича поехать за границу, чтобы продолжить образование. Но на это нужны деньги, и автор предлагает Павленкову купить у него в полную собственность научно-популярную библиотеку. Бог мой, сколько русских издателей воспользовались этим нехитрым приемом обогатиться за счет человеческой нужды! А Павленков как всегда ворчливо ответил Лункевичу: «Поезжайте. Насчет денег не беспокойтесь — буду высылать гонорары в счет печатания книжек. Библиотеку вашу я не куплю. Она всю жизнь будет вас кормить».

И она не только кормила Лункевича. Она несколькими поколениям молодых людей открыла путь к знаниям, в науку.

Что это, исключительный случай издательской благотворительности? В том-то и дело, что подобным примерам в практике Павленкова несть числа. Я только выбрал тот, который можно покороче рассказать.

Но в чем же тут секрет? Откуда у демократического издателя-бессребренника брались средства для благотворительности?

А секрет в том, что никакой благотворительности не было и в помине. Павленков только справедливо платил за работу. Он сам без остатка отдавался книге — подби-

рал для автора нужную литературу, редактировал переводы и оригинальные тексты, был художественным и техническим редактором своих изданий, неизменно вычитывал гранки... Но такой же ответственности и обязательности требовал от каждого, кто входил в орбиту его деятельности. В его демократическом авторском кругу не было сибаритов, он не поощрял нустые намерения. Авторы необязательные, ленивые, сытые не выдерживали темпа, предложенного Павленковым, и отступались. Зато и весь доход от книги со скрупулезной справедливостью распределялся между автором и тем демократическим читателем, интересы которого представлял издатель. Книга должна была окупить себя, дать материальную поддержку следующей, все остальное — тем, кто создавал ее. И не удивительно, что на фоне тогдашней полуфеодальной-полукапиталистической зимы эти новые отношения выглядели чуть ли не бескорыстной благотворительностью.

Следуя этим принципам, Павленков вызвал к жизни, привлек к литературной работе массу разночинной демократической интеллигенции, заложив начала принципиально новых общественных отношений, в которых личное и общественное были словно бы двумя руками одного человека. Одно благословляло на жизнь другое.

Никогда до Павленкова в числе сотрудников издательства не было такого обилия женщин. В пору женской эмансипации Павленков оказался одним из немногих, кто не на словах, а на деле предоставил им экономическую и духовную самостоятельность. Десятки женщин раскрыли у него свои дарования писателей, популяризаторов, переводчиков.

Можно еще и еще говорить о нововведениях, что внес в практику предпринимательства издатель Павленков — о его своеобразных отношениях с цензурой, о принципах рекламы, о том, как извечное противостояние работодателя и наемного рабочего обретало у него признаки товарищества и сотрудничества. Быть может, к этому у нас еще будет повод вернуться.

ДОМ НА МАЛОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ. Ф. Ф. Павленкову суждено было прожить жизнь в Петербурге, в основном на одной его улице — Малой Итальянской (ныне Жуковского), в большом, наичинанном жильцами доме № 6, в квартире с двух комнатах. Дом стоит и поныне, не останавливая внимания прохожих хотя бы мало-мальской памятной доской. А между тем, этот адрес во второй половине прошлого века знал весь разночинный Петербург. Глеб Успенский, Михайловский, Гаршин, Щелгунов, Скабичевский... Да кто только не перебивал здесь, в непрезентабельной мебелировке Павленкова!

Ничем внешне не примечательный дом... Но мне на Малой Итальянской видятся контуры другого здания, возведенного талантом, упорством и бескорытием этого человека. Павленков оставил после себя небольшую и неброскую на вид, но поистине замечательную полку книг.

Представим себе юного робинзона, заброшенного в раннем детстве на остров, населенный исключительно книгами, созданными Павленковым. По учебникам, начиная с азбуки, составленной, кстати сказать, самим издателем, робинзон научится читать и писать; во изящным книжечкам научно-популярных серий познакомится с азами всех без исключения наук; по дешевым томикам стихов и прозы Пушкина, Гоголя, Лермонтова полюбит прекрасную русскую литературу; из книжек современной публицистики проникнется самыми острыми научными и общественными проблемами; по биографиям замечательных людей усвоит историю развития мировой цивилизации; познакомится с сочинениями зарубежных властителей дум; получит для самостоятельной работы удобный и компактный энциклопедический словарь...

Словом, из робинзона без посторонних вмешательств образуется человек самостоятельно мыслящий, всесторонне развитый, идущий в ногу со временем, не страдающий односторонностью взглядов, но имеющий возможность выбрать в жизни свою стезю...

Вот такое вполне оригинальное здание — всеобъемлющую библиотеку книг для самообразования — всю свою жизнь последовательно и неуклонно возводил Павленков. Выпестованный им читатель спрашивал в магазине книгу не по автору или тематике, а интересовался, нет ли чего павленковского?

Полезная народу, тревожащая ум и сердце, доступная по цене книга была для Павленкова той чудотворной иконой, с которой он шел по жизни неустово и безоглядно, сжигая себя в повседневной работе.

ЗАВЕЩАНИЕ НЕОБЫЧНОГО МИЛЛИОНЕРА. Едва перешагнув шестидесятилетие, Флорентий Федорович скончался. Друзья похоронили его на Литераторских мостках Волковского кладбища.

Когда вскрыли пакет с завещанием, то оказалось, что весь свой миллион Павленков передал на открытие в российской провинции двух тысяч бесплатных народных библиотек. Часть средств пожертвовал он Литературному фонду и малую толику — племяннице своей, дочери того самого брата, который некогда одолжил ему деньги на начало издательского дела.

Итак, две тысячи бесплатных народных библиотек... На каждую по воле покойного назначалось по 50 рублей. Замысел был таков: небольшим денежным вкладом разбудить инициативу земства, благотворительных организаций и лиц и таким образом положить начало народной библиотеке. Формирование начального книжного фонда душеприказчики издателя должны были взять на себя. Уходя из жизни, он позаботился о том, чтобы созданная им библиотека для самообразования попала в руки того читателя, которому предназначалась.

Душеприказчиков у Павленкова было трое: друг и соратник издателя В. Д. Черкасов и два деятельных сотрудника — В. И. Яковенко и Н. А. Розенталь. Последний по нездоровью вскоре отошел от дел. Черкасов занялся выполнением издательских обязательств. А весь колоссальный труд по созданию в деревнях и селах Российской империи бесплатных народных библиотек лег на плечи Валентина Ивановича Яковенко.

Еще не заросла травой могила покойного, а все уездные российские земства уже получили письма с предложением содействовать осуществлению последней воли издателя: выбрать населенные пункты, где откроются библиотеки, найти помещение и ответственного, выделить из земских средств еще по крайней мере 50 рублей на начало библиотеки. Из списка книг, предложенных душеприказчиками, отобрать подходящую литературу.

В начатую работу попыталось вмешаться министерство внутренних дел. Заместитель министра вызвал Яковенко на ковер и стал внушать ему, что вместо двух тысяч маленьких библиотек лучше бы скомплектовать 10—20 солидных... Но душеприказчики остались верны воле завещателя.

В том же 1900 году в русской провинции появились первые народные библиотеки имени Ф. Ф. Павленкова, а через десять лет завещание было практически выполнено: более двух тысяч библиотек закрепились в деревнях и селах от Белого до Черного морей и от Западного Буга до Тихого океана. Об этом В. И. Яковенко доложил Первому всероссийскому съезду по библиотечному делу в июне 1911 года.

Уже по своей инициативе душеприказчики начали затем пополнять библиотеки книгами и продолжали открывать новые. Это длилось до 1915 года, когда ушел из жизни В. И. Яковенко.

Никто и никогда не считал павленковских библиотек. Никто не интересовался тем, как жилось им до революции и после. Никто не брал на себя труда выяснить их значение в жизни российской провинции. В этой связи мне вспоминаются слова одного из друзей издателя: родись Павленков где-нибудь в Швейцарии, ему стоял бы там памятник как национальному герою. А мы, россияне, такой расточительный народ. Всего-то у нас в избытке...

ЖУРНАЛ «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» НАЧИНАЕТ ВСЕРОССИЙСКИЙ РОДИНОВЕДЧЕСКИЙ ПОИСК ПОД ДЕВИЗОМ «ПАВЛЕНКОВСКАЯ БИБЛИОТЕКА».

Цель поиска — содействовать культурному возрождению российского села путем восстановления пренебреженно обрушенного мостика между прошлым и будущим.

Нам предстоит отыскать дожившие до наших дней павленковские библиотеки и вернуть им имя издателя-демократа.

Воскресить память о людях, что стояли у истоков этих библиотек.

Выявить книжный репертуар первых очагов сельской культуры.

Поднять в глазах общественности значимость сельской библиотеки как очага культуры; обратить внимание на ее нужды; возродить традицию благотворительности и первостепенной заботы по отношению к культуре села со стороны государства, общественности и частных лиц.

Находить и делать всеобщим достоянием зеленые побеги нового в сельской культуре.

Мы приглашаем к поиску краеведов, школьников, историков, библиотечных работников, активистов сельской культуры; просим отозваться ученых, архивистов, писателей и журналистов — всех, кто хотел бы принять живое участие в возрождении села.

Периодически редакция будет подводить итоги поиска и найдет возможность поощрять активных его участников. Мы намерены создать Совет поиска, который бы практически им руководил.

Просим читателей высказывать свои возражения, предложения, мнения.

Итак, мы располагаем далеко не полной, но конкретной цифрой открытых в России библиотек имени Павленкова — 2020 (она вытекает из доклада В. И. Яковенко 1911 года). От нее и будем «плясать» в нашем поиске. А теперь наш первый наводящий вопрос.

СТЕПАН ФЕДОТОВ И ДЕРЕВНЯ ХМЕЛЕВКА. В Государственном архиве Пермской области обнаружился отсуик штемпеля Хмелевской павленковской библиотеки-читальни. Из того же архивного источника удалось узнать, что библиотека в деревне Хмелевке бывшей Нижнемуллинской волости Пермского уезда открылась на средства издателя 1 апреля 1904 года. Сначала располагалась она в школе, которая к тому времени существовала уже седьмой год, а в 1908-м переведена в дом заведующего библиотекой Степана Михайловича Федотова. Об этом свидетельствует договор об аренде дома, заключенный уездной земской управой с крестьянином М. А. Федотовым, видимо, отцом Степана.

Библиотеке была отведена в доме отдельная свободная комната, в которой к 1908 году разместилось 489 томов книг на сумму 162 рубля 76 коп. Причем на 25 рублей книг было куплено в том же 1908 году. А выдано для чтения в течение года 783. В числе 172 читателей библиотеки было 29 учащихся, 67 человек взрослого населения, остальные — бывшие школьники.

Эти цифры сохранил нам «Журнал Пермского уездного земского собрания 1908 года», изданный в Перми.

В земском отчете сказано, что население к библиотеке относится весьма хорошо и довольно устроившись в Хмелевке.

Ныне деревня входит в состав Новоильинского сельсовета Пермского района. В 1969 году, как утверждает статистика, в ней проживало 70 человек.

Вот те скудные сведения, что есть в нашем распоряжении. Остальное за вами, уважаемые участники поиска. Просим также отозваться всех, у кого в деревне Хмелевка был отчий дом или кого так или иначе связывала с ней судьба. Любые свидетельства будут нам полезны.

Кстати сказать, на территории Пермского района есть еще один населенный пункт, где некогда открылась павленковская библиотека — это село Рождественское. Но о нем нам вообще ничего не известно.

Нетипичный ДЕМИДОВ

Николай
МЕЗЕНИН

Рисунок Алексея Лебедева

ГОДЫ МОЛОДЫЕ. В роду Демидовых есть особо любопытные личности, и одна из них — Григорий Акинфиевич, средний сын Акинфия. Его называют самым нетипичным из Демидовых.

Спокойная жизнь отрока Григория кончилась со смертью матери. Отец женился вторично. Отношения пасынка с мачехой сразу не заладились: они часто спорили и даже дрались. Отец решил поскорее женить сына, хотя тому не было и шестнадцати. В 1730 году Акинфий Никитич купил в Соликамске «запустелый соляной промысел», чтобы использовать подворье как свою перевалочную базу. Через год соликамский летописец сообщал: «Мая 23 дня... дворянин Акинфий Никитич Демидов женил сына своего Григория на дочери богатейшего солепромышленника Павла Суровцева Наталье. Свадьба была пивна и винна, что старикам не в память».

Григорию отец поручил хозяйничать в здешних владениях, но сын не оправдал отцовских надежд. Он с детства увлекся ботаникой и посвятил ей всю свою жизнь. Когда год спустя Акинфий приехал в Соликамск, то обнаружил, что сын даже не бывал на пристани, не интересовался прибытием и отправкой товаров. Вместе с женой он сажал вокруг дома деревья, кусты смородины, жимолости, какие-то диковинные цветы.

Отец уговаривал сына заняться делом. Свозил его на Суксунский завод, знакомил с мастерами, приказчиками. Но Григорий к его делу остался равнодушным. Акинфий всерьез пригрозил сыну проклятием и лишением наследства. Тот промолчал и продолжал делать по-своему. Воля у него оказалась твердая — демидовская. Так и отступился Акинфий, даже заезжать к сыну перестал.

РЕВДИНСКАЯ КАТОРГА. По наследству Григорию досталась Ревдинская часть в составе Ревдинского, Уткинского, Рождественского и Тульского заводов. К нему же отошли все медеплавильные заводы в Кунгурском уезде. К полученному наследству он сумел добавить два новых завода — Тисовский и Бисертский.

Главным достоянием Григория Акинфиевича был Ревдинский завод, основанный Акинфием Никитичем еще в 1734 году. Сами Демидовы редко бывали на заводе. Жили обычно за границей или в столицах. Фактически руководил заводом управляющий. Ссылаясь на хозяина, он по-

ступал так, как ему хотелось. При всех Демидовых труд на заводе был крайне тяжелым. Прimitивная техника, близость огня и раскаленного металла... Однако главным было зверство Демидовых и их приказчиков. Еще первый владелец ввел на заводе каторжный режим. За малейший проступок — телесные наказания. Провинившиеся работали с железной рогулькой на шее, с кандалами на ногах. Завод служил местом ссылки, каторги. Рабочие не получали даже той скудной пенсии, которая полагалась на казенных заводах. Только некоторые мастеровые, уволенные за нетрудоспособность, имели от 80 копеек до 6 рублей в год. Большая часть состарившихся рабочих жила подаями или лиш устраивалась сторожами на завод или в церковь.

СОЛИКАМСКИЙ САД. Григорий Акинфиевич прожил в Соликамске 30 лет и создал здесь ботанический сад, один из первых в стране. Раньше его был основан лишь «Аптекарский огород» в Петербурге по указанию Петра I. Хлебосольный хозяин приглашал к себе всех примечательных людей, едущих в Сибирь или оттуда.

В 1733 году по Каме прошла флотилия с товарами для 2-ой Камчатской экспедиции Витуса Беринга. С нею прибыли молодые ученые — 28-летний Герард Миллер, будущий известный историк, 24-летний профессор Петербургской академии наук Иоганн Гмелин с помощником Степаном Крашенинниковым, русским исследователем Камчатки. Натуралист и ботаник Гмелин предложил Демидову построить оранжерею для теплолюбивых плодовых растений. Гости оставили наброски теплиц, список растений, которые можно попытаться развести, обещали доставить из дальнего путешествия семена и отводки сибирских и камчатских растений.

18-летний садовод Григорий Демидов горячо взялся за дело, им завладела мысль создать невиданный сад. Скоро он раздобыл первую партию семян и растений в горшках и кадках. Для заморских растений ставили теплые избы, прорубали в них широкие окна, часть крыш заменяли стеклом. Весь город дивился метелкам пальм, колючкам кактусов, разнообразию цветов. Каждый год прибывали новые растения, строились новые оранжереи, пока не сложился целый комплекс строений.

Через 10 лет экспедиция возвращалась с Камчатки и

ДИНАСТИЯ ДЕМИДОВЫХ

снова гостила у Григория. К тому времени в саду росла почти полная коллекция деревьев и кустарников Урала и Западной Сибири, а в оранжерее — экзотические растения из Италии, Греции, с африканского побережья. Гмелин и Крашенинников, как и обещали, поделились находками с Камчатки и из Сибири, оставили семена и дубликаты гербария.

В 1739 году три месяца провел у Демидова адъютант Петербургской академии наук Георг Стеллер. Посланный для участия в экспедиции Беринга, он почти три месяца провел у Демидова. Ученый работал в саду, рассаживая и систематизируя растения. Он научил уходу за теплолюбивыми культурами, помог составить опись и завел таблички. Уезжая в экспедицию, Стеллер оставил хозяину сада собранные им образцы засушенных растений, семена и корневища, попросив отправить все это в Швецию Карлу Линнею, знаменитому классификатору природы.

Экспедиция Стеллера затянулась. С богатыми коллекциями ученый почти год двигался через Сибирь. Будучи серьезно больным, он добрался только до Тюмени и там в 1746 году скончался. Извещенный об этом, Григорий Акинфиевич сумел сохранить все имущество путешественника, рассортировал его коллекцию. Первые образцы гербария отправил в Петербургскую академию наук, а дубликаты — Линнею. В сопроводительном письме Демидов рассказал о судьбе Стеллера, выразил готовность сотрудничать. Так завязалась оживленная связь между Соликамском и шведским городом Упсалой. В саду шведского ботаника насчитывалось 118 видов уральских и сибирских растений. Все они прибыли из Соликамска.

Процветал и ботанический сад в Соликамске. В него зачастили гости. Демидов заразил своей страстью весь город. Не было ни одного купеческого дома, где бы не выращивали экзотические растения. Многие заводили свои теплицы. Соликамск в те годы был одним из самых зеленых городов в России.

Недавно Президиум АН СССР принял почти фантастическое решение: в Соликамске создается первый в стране музей истории ботанических садов России. Разместится он в здании церкви Иоанна Предтечи, построенной на месте бывшего демидовского сада. В 1987 году там начались реставрационные работы. Рассматривается возможность создания в Соликамске и ботанического сада — рядом с музеем, на берегу реки Усолки, где стояла старинная демидовская вотчина.

Естественнонаучные интересы Григория Акинфиевича сказались на судьбе его сыновей — Александра, Павла и Петра. Отец делал всё, чтобы они посвятили себя науке. Всех троих он послал в 1760 году учиться в Швецию к Карлу Линнею. Говорят, что знаменитый шведский ботаник высоко отозвался об одаренности всех троих.

НАСЛЕДНИКИ. В ноябре 1761 года Григорий Акинфиевич скончался, оставив наследниками трех сыновей. Сначала братья владели всем имением «без раздела», а затем «для лучшего в экономии наблюдения согласно и любовно оно между собою разделили» на три равные части.

Старшему сыну Александру Григорьевичу досталась Суксунская часть, включавшая три медеплавильных завода (Суксунский, Бымовский, Ашапский), Шайтанский моло-

товый, Тисовский кожевенный и запущенный Тульский завод. Ему отошло 2843 крепостные души.

Младший брат Петр получил по жребию Ревдинский и Бисертский молотовые заводы и 2977 душ крепостных крестьян.

Уткинская часть, доставшаяся среднему брату Павлу, включала Уткинский завод с домной, четырьмя действующими и двумя запасными молотами, а также не завершённый постройкой Камбарский завод и вотчины с 3209 душами. Павел Григорьевич не имел никакой склонности к предпринимательству и вскоре уступил свою часть в пользу братьев. Александру продал Уткинский и строившийся Камбарский заводы, а Петру — Рождественский молотовый.

Наиболее предприимчивым оказался Александр. «Генеральная ведомость» Берг-коллегии за 1797 год зарегистрировала за ним семь заводов вместо четырех полученных. Три завода он построил сам. Однако судьба их была незавидной. Бедность руд и долги наследников обрекли заводы на прозябание.

ПЕТР ГРИГОРЬЕВИЧ. В 1800 году Петр Григорьевич Демидов был назначен обер-директором С.-Петербургского коммерческого училища, как сказано в рескрипте императрицы Марии Федоровны: «по совершенной доверенности, а равномерно из признательности к памяти родственника», т. е. Прокопия Акинфиевича Демидова, основателя училища. На этом посту Петр Григорьевич проявил себя талантливым администратором, сумевшим поставить училище, переведенное из Москвы, все устроить в нем заново. Почетный опекун не щадил трудов, сам входил во все подробности, обеспечил училище лучшими преподавателями, жертвовал значительные суммы, когда не хватало казенных средств. В 1805 году императрица с большим сожалением уступила многократно повторявшейся просьбе Демидова об отставке ввиду болезни и домашних дел.

Однажды Петр Григорьевич принял неожиданное участие в завершении научного эксперимента. 30 июня 1804 года Петербургская академия наук организовала полет на воздушном шаре с двумя наблюдателями — академиком Я. Д. Захаровым и профессором Робертсоном. Целью полета было проведение научных опытов в высоких слоях атмосферы. Шар поднялся на заданную высоту и благополучно опустился в 60 верстах от Петербурга, в деревне Сиворичи, принадлежащей тайному советнику Петру Григорьевичу Демидову. Он встретил воздухоплателей с распростертыми объятиями и долгое время не хотел отпускать.

А что же Ревдинский завод? После смерти Петра Григорьевича он перешел к наследникам, сыновьям Акинфию и Алексею. Последний его владелец из рода Демидовых совсем не заботился об улучшении техники, хищнически истреблял природные ресурсы. Чугун по-прежнему выплавлялся на древесном угле в домах с холодным дутьем. Рабочим подолгу не выдавалась зарплата. Сразу после Октябрьской революции Ревдинский завод был национализирован. Ныне это действующий Ревдинский метизно-металлургический завод.

ПАВЕЛ ГРИГОРЬЕВИЧ. В 1803 году Павел Григорьевич Демидов пожертвовал 100 тысяч рублей на открытие университетов в Киеве и Сибири с такой припиской на документе: «Но пока приспелет время образования сих последних, прошу, дабы мой капитал положен был в государственное место с тем, чтобы он возрастал в пользу тех университетов». Время Киевского университета «приспело» через 31 год. Решение о строительстве Томского было принято лишь в 1878 году. Вот тут-то и пригодился демидовский фонд, возросший до 190 тысяч. Еще 210 тысяч присвоили к нему иркутский миллионер, известный полярный исследователь А. М. Сибиряков и томский купец З. М. Цибульский. 125 тысяч собрали люди малоумные.

Павел Григорьевич был самым образованным из Демидовых.

Первоначальное образование он получил в Ревеле, потом слушал курс естественных наук и металлургии в Геттингенском университете и Фрейбергской академии (Германия), курс химии — в Упсале (Швеция) у Карла Линнея. Позже он дружил и переписывался с ним, а также с Бюффеном и другими учеными. С научно-образовательной целью Демидов предпринял путешествие по Европе и в течение шести лет посетил многие страны. Побывал он во всех частных и казенных екатеринбургских заводах, а также в Туле, Петербурге, Шлиссельбурге и Ладого, изучая горнозаводское дело. П. Г. Демидов оставил труды по химии, математике, минералогии, металлургии. Владел богатейшими коллекциями минералов и художественных редкостей. Свой кабинет естественной истории, большое собрание книг и рукописей, а также коллекции монет и медалей всех времен и народов он подарил Московскому университету. Коллекция занимала в университете три «демидовских зала». К сожалению, многое погибло во время пожара в Москве 1812 года.

Богатое и разнообразное книжное собрание П. Г. Демидова изучал известный библиограф В. М. Ундольский, в будущем лауреат Демидовской премии. «У Демидова, — писал Ундольский, — были такие книги, которые напрасно станете искать, даже известия о них, пожалуй, не сыщите ни у библиографов, ни в истории литературы». Одна из ценнейших рукописных книг демидовского собрания, спасенная от пожара, — латинская библия XIII века. Ныне она хранится в фонде редких книг библиотеки МГУ.

ДЕМИДОВСКИЙ ЛИЦЕЙ. Постоянно работая на научном поприще, П. Г. Демидов хотел дать такую возможность и другим. В 1803 году он начал хлопоты по учреждению университета в Ярославле. Он пожертвовал стоимость 3578 душ крепостных на содержание профессоров и другие надобности по университету, 100 тысяч рублей на содержание беднейших студентов. На его средства 29 апреля 1805 года было открыто Ярославское Демидовское высших наук училище.

К открытию училища пришлось выписать пять студентов Московского университета, а для того, чтобы обеспечить его слушателями в будущем, был создан пансион, в который принимали дворянских детей от 9 до 13 лет. Семь профессоров преподавали в училище словесность, древние языки, философию и право, математику, естественную историю, химию и науку финансов. В 1811 году аттестаты училища были приравнены к университетским.

Уставом 2 августа 1833 года училище было преобразовано в Демидовский лицей, а пансион присоединили к ярославской гимназии. Теперь в лицей принимались молодые люди, окончившие курс в гимназиях или сдавшие нужные экзамены. Курс обучения стал трехлетним. Со временем пестрота программы все более усиливалась. Лицей стал приходить в упадок, мало привлекал молодых людей и еще менее — ученых для преподавания. Необходимость преобразования лицея становилась очевидной.

В 1870 году состоялось открытие Демидовского юридического лицея. Учебные предметы — те же, что на юридических факультетах университетов. Курс обучения четырехлетний. Плата за учение 40 рублей, допускались на лекции и посторонние слушатели. При лицее существовало 35 стипендий, из них 20 демидовских — по 200 рублей каждая. Лицей имел богатую библиотеку, издавал три журнала. В Демидовском училище (1805—1834) окончили курс 327 человек, в Демидовском лицее (1835—1871) — 550, в Демидовском юридическом лицее со времени первого выпуска в 1874 году по 1891 год — 705 человек. Ярославское дворянство в знак признательности воздвигло Павлу Григорьевичу Демидову памятник: бронзовую колонну со сферой и вызолоченным парящим орлом. Открыт он на Ильинской площади в Ярославле 6 марта 1829 года.

В связи с реорганизацией высшего образования в 1918 году Демидовский лицей был преобразован в Ярославский университет, позднее закрытый.

СКОРБНЫЙ ПУТЬ

Татьяна
ПАВЛОВА,
Владимир
ХРУСТАЛЕВ

Интерес к событиям крушения монархии в России и последующей гибели представителей династии Романовых возрастает в наши дни пропорционально растущему числу публикаций на эту тему. Однако в них довольно часто содержатся отрывочные и порой противоречивые сведения, базирующиеся не на документальных фактах, а на предположениях и логических умозаключениях. Иной раз некритически используются публикации из эмигрантской печати, а также литература, вышедшая на Западе и носящая прежде всего сенсационный характер. А между тем, многие стороны этих драматических событий так и остаются неизвестными.

Т. Ф. Павлова, заместитель директора Центрального государственного архива Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), и В. М. Хрусталева, ведущий научный сотрудник архива, в очерках, предложенных нашему журналу, используют исключительно документы, подкрепленные мемуарными и иными источниками. В очерках будет прослежен весь путь царской династии — от отречения до трагической гибели в Екатеринбург, Алапаевске и Перми.

ОТРЕЧЕНИЕ

Штрихи к портрету императора

В мятежное время Февральской и Октябрьской революций, да и после расстрела Николая II, периодическая печать и многочисленные мемуары отмечали фатальность судьбы бывшего царя. Газеты и журналы пестрели такими, например, заметками:

Число 23 в жизни Николая II. «..Видите ли, — серьезно ответил мне астролог, — в жизни Николая II, несомненно, странную роль играет 23. Родился он 6 мая (по старому стилю) 1868 г.; 23 апреля по ст. стилю как раз будет 6 мая по нов. ст.; сумма цифр года рождения $1+8+6+8$ тоже = 23. Если затем к году рождения — 1868 — прибавим 23, то получим — 1891, год, когда на Николая — и именно 23 апреля — в Токио покушался японец Санзо Цуда.

Далее: Николай вступил на престол в 1894 году, если к этому числу прибавить 23, то получим — 1917 г., год его отречения. Царствовал он 23 года. Наконец — именины женщины, сыгравшей такую роль в его жизни, Александры Федоровны — 23 апреля...

Интересно, что сумма цифр 1917 равна 18-ти, то же, что у другого трагического для русского абсолютизма года — 1881-го, года был убит Александр II, и, собственно говоря, началась русская революция...»

Заметка относится к середине 1917 года, заканчивается прозрачным намеком на обреченность бывшего «помазанника божия». Надо сказать, что в заметке отсутствует еще одна деталь, неизвестная к тому времени: ровно 23 ступени прошел Николай II, ступив в подвальную комнату Ипатьевского дома, где завершился его земной путь.

Наличие религиозного мистицизма в характере Николая II отмечал французский посол в России Морис Палеолог. В воспоминаниях «Царская Россия накануне революции» он приводит следующее свидетельство: «Однажды Столыпин предлагал государю важную внутривластную меру. Задумчиво выслушав его, Николай Второй делает скептическое беззаботное движение, которое как бы говорит: это или что-нибудь другое — не все ли равно... Наконец он заявляет:

— Знаете ли вы, когда день моего рождения?
— Разве я мог бы его не знать?
— Шестого мая. А какого святого праздник в этот день?

— Простите, государь, не помню.
— Иова Многострадального.
— Слава Богу, царствование Вашего Величества завершится со славой, так как Иов, претерпев самые ужасные испытания, был вознагражден благословением Божьим и благополучием.

РОМАНОВЫХ

ЦАРСКОЕ СЕЛО

Фотоснимки
из фондов ЦГАОР

— Нет, поверьте мне, Петр Аркадьевич, у меня более чем предчувствие. У меня в этом глубокая уверенность. Я обречен на страшные испытания...»

В самом деле, царствование Николая II, начавшись Ходынской, было отмечено печатью многих трагических вех истории российской: русско-японская война, революционные события 1905—1907 годов и завершилось бойней 1-й мировой войны, всепожирающим пламенем революций 1917 года и пожаром гражданской междоусобицы.

Ни задатки юного отрока Николая, ни начало жизненного пути наследника престола, казалось, не предвещали трагического финала. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов, находившийся долгое время при императоре, описывал случай, рассказанный ему учителем английского языка цесаревича К. И. Хиссом: «Однажды мы читали вместе с маленьким Николаем Александровичем один из эпизодов английской истории, где описывается въезд короля, любившего простонародье, и которому толпа восторженно кричала: «Да здравствует король народа!» Глаза у мальчика заблестели, он весь покраснел от волнения и воскликнул: «Ах, вот я хотел бы быть таким...» Это интимное желание быть любимым «многими», «всеми», по преимуществу простыми людьми и притом только русскими, хотя и было запрятано у Николая Александровича глубоко, все же чувствовалось во многих случаях и впоследствии...»

Однако судьба порой жестоко испытывает идеалы своих избранников. В октябре 1890 года наследник престола в сопровождении свиты и своего брата Георгия (средний сын Александра III, умерший от туберкулеза летом 1899 года в возрасте 27 лет) начал длительное заграничное путешествие, посетив на крейсере Балтийского флота многие страны мира. Круз завершил в Японии покушением на наследника. Лишь благодаря моментальной реакции оказавшегося рядом двоюродного брата, греческого принца Георгия, подставившего под удар сабли самурая свою трость, нападение не завершилось смертельным исходом.

Рана оказалась поверхностной, но шрам от нее на голове Николая Александровича остался на всю жизнь. А главное, идеалу «всемирного» и «всеобщего» обожания был нанесен чувствительный урон.

Николай Александрович был среднего роста, выделялся пропорциональностью сложения и стройной спортивной фигурой. Волосы имел золотисто-рыжеватого цвета, несколько темнее была тщательно подстриженная, холотая борода. Украшением его красивого продолговатого лица, на котором часто светилась очаровательная улыбка, были голубые глаза. Все отмечали его как примерного семьянина, но сильно зависящего от влияния своенравной и властолюбивой супруги Александры Федоровны¹. Брак царской четы оказался счастливым. После рождения до-

¹ Урожденная немецкая принцесса Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса Гессен-Дармштадская

Июнь 1917 г. Царское Село
Николай II и Александра Федоровна

черей Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии, 30 июля 1904 года «Бог даровал России цесаревича»...

Командир лейб-гвардии Кирасирского полка генерал Раух, поздравляя на другой день государя с рождением наследника, осведомился, какое имя будет дано ему при крещении.

«— Императрица и я решили дать ему имя Алексея. Надо же нарушить линию Александров и Николаев...»

Государыня звала сына Солнечным лучом, Крошкой, Беби, Аганюшкой. Николай Александрович в своем дневнике называет его «наше маленькое сокровище». Однако с долгожданным семейным счастьем соседствовало неоправданное несчастье. Сын унаследовал таинственную болезнь Гессенского дома — гемофилию (несовместимость крови). Жизнь мальчика ежечасно была под смертельной угрозой.

В 1913 году, в дни трехсотлетия Дома Романовых, больного царевича пронесли пред войсками на руках: «Его рука обнимала шею казака, было прозрачно-бледным его исхудавшее лицо, а прекрасные глаза полны грусти...»

«Когда он был здоров, — вспоминал учитель наследника П. Жильяр, — дворец как бы перерождался: это был луч солнца, освещающий всех. Это был умный, живой, сердечный и отзывчивый ребенок».

Отчаяние родителей, надежда на чудесную силу исцеления их сына Григорием Распутиным позволили этому человеку порочным поведением и циничным хвастовством о близости к царской семье, в конце концов, дискредитировать Романовых. Феномен Распутина и «распутинщины» породил целый поток литературы. Однако, по свидетельству А. А. Вырубовой (Танеевой), «Судебное расследование Чрезвычайной Следственной Комиссии Врем(енного) правительства доказало, что политикой Распутин не занимался и у Их Величеств разговоры с ним были всегда на отвлеченные темы и о здоровье маленького наследника». Тем не менее, загадочная и скандальная фигура Григория Распутина в общественном мнении была тесно связана с именем императрицы Александры Федоровны, что снимало с царской семьи остатки ореола...

В усложняющейся обстановке 1-й мировой войны, в разрастающемся революционном движении, непрекращающейся министерской чехарде, многие видели кризис власти и неспособность Николая II справиться с ситуацией. Вызрели варианты дворцового переворота. Морис Палеолог в дневниковой записи от 13 августа 1915 года излагал (со слов бывшего гвардейского офицера) один из таких вариантов. Суть его состояла в том, чтобы Николая II оставить на троне как своего рода декорацию, а царицу Александру Федоровну и ее сестру, московскую игуменью Елизавету Федоровну, сослать в монастырь на Урал: «распутинскую клику» запятать еще дальше, в «глубь Сибири».

Строились и более радикальные планы, даже после убийства «святого» и «всемогущего» Григория Распутина. 5 января 1917 года на банкете у миллионера Богданова фабрикант Путилов прямо предложил, обращаясь к князю Гавриилу Романову: собрать нечто вроде «земского собора» (всю царскую фамилию, лидеров партийных фракций в Думе, представителей дворян, командующих армиями и т. д.), «торжественно объявить императора слабоумным, непригодным для лежащей на нем задачи, неспособным дальше царствовать и объявить царем наследника под регентством одного из великих князей».

Все эти разговоры стали известны царю и его приближенным. Конечно, Николай II хорошо осознавал, что значит угроза дворцового переворота. По свидетельству некоторых очевидцев: «Казалось, будто он предчувствовал великую катастрофу. Он был подобен человеку, который неудержимо, и решившись на все, идет навстречу таящейся опасности».

Однако еще большую опасность не только для династии Романовых, но и для всех устоев строя представляли неумолимо надвигающиеся революционные события.

«Кругом измена, и трусость, и обман!»

Существует мнение, что Николай II легко, без борьбы отказался от российского престола, как будто (по крылатому выражению генерала Д. Н. Дубенского) «сдал эскадрон». Так ли было на самом деле? Воспроизведем хронологию событий.

Убийство Григория Распутина заставило императора 19 декабря 1916 года спешно покинуть Ставку в Могилеве и вернуться в Царское Село. Насильственная смерть «друга» семейства потрясла императрицу, которая уверовала в предсказание Распутина, что с его смертью «для ее семьи начнутся все беды — муж ее потеряет трон, сын умрет и т. д.».

Несмотря на нарастающий размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступление войск против правительства невозможным, во всяком случае, до окончания войны. В этом убеждали царскую семью командующий Петроградским военным округом генерал Хабалов и министр внутренних дел Протопов. Изменив решение о созыве 22 февраля 1917 года совещания об «ответственном министерстве», вечером 21-го Николай II выехал на фронт в Могилев. В связи с обострением политического положения в стране царь принял решение прервать заседание Государственной думы. Сообщения из Петрограда о стачках и беспорядках он оценил как бунтарскую вспышку голодного народа и проявление недовольства разрывом с Думой. Когда в Ставку пришла телеграмма председателя Государственной Думы М. В. Родзянко о начале революции, Николай II, по некоторым свидетельствам, сказал министру двора Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать». Тем не менее, вечером 25 февраля Хабалов и Протопов получили от царя из Ставки телеграфное предписание: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией». Тут же последовал приказ командующего Петроградским военным округом применять против демонстрантов огнестрельное оружие. «Когда на флагах надпись: «Долой самодержавие!» — никакой хлеб не успокоит», — заявил генерал Хабалов.

События развивались по туго закрученной спирали. Революция в Петрограде началась 23 февраля. Но только 27-го власти сообщили в Ставку о своей неспособности контролировать ситуацию и запросили помощи с фронта. По распоряжению Николая II в ночь на 28 февраля в столицу направляются карательные войска под командованием генерала Н. И. Иванова. С фронта было снято несколько кавалерийских полков. В Царское Село выезжает и сам царь.

Тактику жестких мер против революционного народа разделяла и императрица Александра Федоровна: «Если мы хоть на йоту уступим, завтра не будет ни государя, ни России, ничего!.. Надо быть твердыми и показать, что мы господа положения».

В непримиримой схватке столкнулись силы, требовавшие более или менее радикальных общественных перемен, и силы, попытавшиеся сохранить самодержавную систему. Страна раскалывалась на лагерь Обер-гофмейстерина Е. А. Нарышкина констатировала: «Император думает и работает только для своей неограниченной власти. Увы, увы, — у него в будущем отнимут гораздо больше, чем он должен был бы отдать добровольно, обеспечив себе популярность и любовь своего народа...»

Обстановка в стране за несколько часов круто изменилась не в пользу самодержавия. 1 марта Николай II сделал запись в дневнике: «Ночью повернули с М. Вишеряи назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остано-

видяся на ночь. Видел Рузского... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского (Села) не удалось. А мысли и чувства все время там! Как бедной Алике должно быть тяжело одной переживать все эти события! Помогите нам Господь!».

Дневник свидетельствует, что на Николая Александровича легла и тревога за благополучие семьи. Когда он уезжал из Царского Села, то один за другим тяжело заболели корью сын и дочери, что накладывало дополнительную гнетущую печать на его душевное состояние. А впереди предстояла серьезная политическая борьба.

Николай II, которому восставший народ и революционные части фактически закрыли путь на Петроград, пытается поменять тактику. Политический компромисс, уступка оппозиции в создании «ответственного министерства» (перед Государственной Думой) даются императору в нелегкой борьбе с самим собой. Генерал А. И. Деникин в «Очерках русской смуты» вспоминал: «Вечером 1 марта в Пскове. Разговор с генералом Рузским; государь ознакомился с положением, но решения не принял. Только в 2 часа ночи 2-го, вызвав Рузского вновь, он вручил ему указ об ответственном министерстве. «Я знал, что этот компромисс запоздал,— рассказывал Рузский...— но я не имел права высказать свое мнение, не получив указаний от исполнительного комитета Государственной Думы».

Затем была предпринята еще одна отчаянная попытка к спасению трона. 1 марта 1917 года появился «Манифест великих князей, в котором от имени царя предлагалось провозгласить следующее: «...Поручаем Председателю Государственной Думы немедленно составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с нами озаботится созывом Законодательного собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющего быть внесенным правительством проекта новых основных законов Российской империи». Под документом поставили свои подписи великие князья: Михаил Александрович, Кирилл Владимирович и Павел Александрович. Однако время ушло. Проект остался только проектом.

В Пскове оппозиция фактически предъявила Николаю II ультиматум.

«Утром 2-го (марта) Рузский представил государю мнения Родзянко и военных вождей. Император выслушал совершенно спокойно, не меняя выражения своего как будто застывшего лица; в 3 часа дня он заявил Рузскому, что акт отречения в пользу своего сына им уже подписан...»

Разговор Николая II с представителями Думы описан в мемуарах В. В. Шульгина, А. И. Деникина и других. Царь заявил делегатам: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я готов был пойти на отречение в пользу моего сына, но затем я понял, что расстаться со своим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете? Поэтому я решил отречься в пользу моего брата». Еще до отречения он дал распоряжение генералу Иванову не предпринимать никаких военных действий и вернуть кавалерийские части на фронт.

Отречение Николая II от престола за себя и несовершеннолетнего Алексея в пользу Михаила явилось для всех полной неожиданностью. Это решение было простым и для самого Николая Романова. В дневнике он записал: «Утром пришел Рузский и прочел свой длинный разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется соц(иал)-дем(ократическая) партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение... Во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился... В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман!»

С дороги в Могилев он посылает телеграмму: «Пе-

троград. Его императорскому величеству Михаилу Второму. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Остаюсь навсегда верным и преданным братом. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. Ники».

А. И. Деникин позднее так описал переживания Николая Александровича после отречения: «Поздно ночью поезд уносил отрекшегося императора в Могилев. Мертвая тишина, опущенные шторы и тяжкие, тяжкие думы. Никто никогда не узнает, какие чувства боролись в душе Николая II — отца, монарха и просто человека, когда в Могилеве, при свидании с Алексеевым, он, глядя на него усталыми, ласковыми глазами, нерешительно сказал:

— Я передумал. Прошу вас послать эту телеграмму в Петроград.

На листке бумаги отчетливым почерком государь писал собственноручно о своем согласии на вступление на престол сына своего Алексея...

Алексеев унес телеграмму и... не послал. Было слишком поздно.

Телеграмму эту Алексеев, «чтобы не смущать умы», никому не показывал, держал в своем бумажнике и передал мне в конце мая, оставаясь верховное командование. Этот интересный для будущих биографов Николая II документ хранился затем в секретном пакете в генерал-квартирмейстерской части Ставки.

Растерянность и смятение Николая Романова можно объяснить его ответственностью не только за будущее России, но и за судьбу сына Алексея. Имел ли он моральное право решать за него?! Это и накладывало определенную печать на последующие действия Николая II. Возможно, он вспомнил отдых в Крыму, где маленький наследник лепетал: «Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных, я хочу, чтобы все были счастливы». Любимой пищей царевича были там щи, каша и черный хлеб, как он говорил, «который едят все мои солдаты».

Вместе с тем, отречение Николая II за себя и за своего сына Алексея было очевидным нарушением закона о престолонаследии, т.к. царь не мог отречься за прямого наследника.

Имеется любопытный документ, уточняющий историческую обстановку — записка Николая Романова от 3 марта 1917 года, посланная им генералу Алексееву для сношения с Временным правительством. Она была опубликована в журнале «Красный архив» (1927, № 3). В записке бывшего царя говорилось:

«Потребовать от Временного правительства след(ующих) гарантий:

- 1) О беспрепятственном проезде моем с лицами, меня сопровождающими, в Царское Село.
- 2) О безопасном пребывании в Царском Селе до выздоровления детей с теми же лицами.
- 3) О беспрепятственном проезде до Романова на Муроме с теми же лицами.
- 4) О приезде по окончании войны в Россию для постоянного жительства в Крыму — в Ливадии».

Тревожные известия об отречении докатились между тем до императорской семьи в Царском Селе. Александра Федоровна болезненно переживала это известие. Пьер Жильяр, находившийся при наследнике Алексее, вспоминал: «Около полудня до дворца доходит весть об отречении императора. Императрица об этом тоже узнает, но с негодованием отвергает этот слух как злостную выдумку. Немного погодя приходит великий князь Павел и эту весть подтверждает. Сомнений нет. Император отрекся накануне вечером в Пскове в пользу своего брата Михаила Александровича. Отчаяние императрицы беспредельно, но ее огромное мужество ее не оставляет. Она пришла, как обычно, к своим детям, чтобы ничего не смущало больных, которые ничего не знают о том, что произошло со времени отъезда государя в ставку. Поздно ночью мы узнаем, что великий князь Михаил тоже отрекся, что

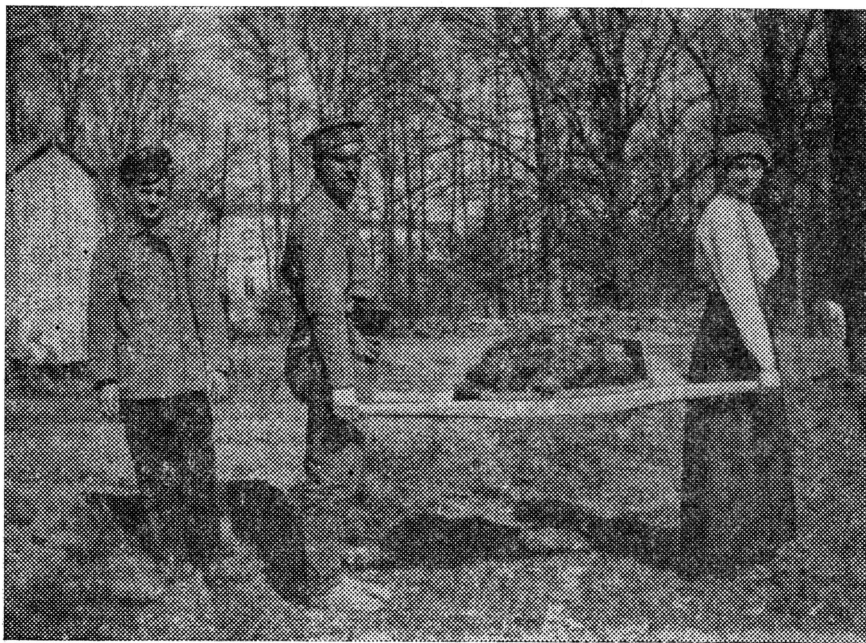
судьбу России должно решить Учредительное собрание. На следующий день я встречаю императрицу у Алексея Николаевича. Она спокойна, но очень бледна...».

Под арестом в Царском Селе

Уже на второй день после отречения Петроградский исполком, учитывая требования многочисленных митингов и собраний, постановил арестовать царскую семью. Под давлением Петросовета 7 марта Временное правительство принимает постановление: «Признать отреченных императора Николая II и его супругу лишенными свободы и доставить отрекшегося императора в Царское Село».

Как констатировал позднее первый управляющий делами Временного правительства В. Д. Набоков, «актом лишения свободы царя была завязан узел, который был развязан потом в Екатеринбурге».

Документы восстанавливают хронику событий. В дневнике Николая II читаем запись от 8 марта 1917 года:

Работы в царскосельском парке

«Последний день в Могилеве. В 10 1/4 ч. подписал прощальный приказ по армиям (который не был обнародован — прим. авт.). В 10 1/2 ч. пошел в дом дежурства, где простился с всеми чинами штаба и управлений. Дома простился с офицерами и казаками конвоя и Сводного полка — сердце у меня чуть не разорвалось! В 12 час. приехал к маме в вагон, позавтракал с ней и ее свитой и остался сидеть с ней до 4 1/2 час. Простился с ней, Сандро, Сергеем, Борисом и Алеко. Бедного Нилова не пустили со мною. В 4.45 уехал из Могилева, трогательная толпа людей провожала. 4 члена Думы сопутствуют в моем поезде!»

Поехал на Оршу и Витебск. Погода морозная и ветреная. Тяжело, больно и тоскливо.

Своим чередом разворачивались события в Царском Селе. Камердинер императрицы А. А. Волков в воспоминаниях «Около царской семьи» (Париж, 1928) дает описание первых дней революции: «До сих пор из Петрограда никто не появлялся. Но вот приехал генерал Корнилов, вместе с несколькими офицерами, среди которых были Ко-

цебу, офицер гвардейского уланского полка и полковник Кобылинский... Корнилов просил доложить о нем государыне, которая и приняла его в присутствии графа Бенкендорфа. Корнилов сказал императрице, что на него возложена тяжелая обязанность объявить об аресте, и просил государыню быть спокойной; ничего не только опасного, но даже особых стеснений арест за собою повлечь не может...»

Выйдя от императрицы, он объявил, что все, окружающие царскую семью, могут по собственной воле остаться. Кто же не хочет, волен уйти. На принятие решения было дано два дня, после которых для отстающих с царской семьей также наступал арест.

Комендантом был назначен Коцебу, а начальником охраны полковник Кобылинский».

В сопровождении четырех членов Гос. Думы и военной охраны поезд с Николаем II прибыл 9 марта в Царское Село. Не успел бывший император сойти на перрон Царскосельского вокзала, как многие из его свиты и флигель-адъютанты поспешили незаметно удалиться, чтобы покинуть своего «опального» покровителя навсегда.

Волков подробно описывает приезд Николая II: «Около 10 часов утра собрались во дворе и нестройно встали в вестибюле какие-то офицеры. Дежурный по караулу офицер вышел наружу. Через некоторое время от железнодорожного павильона подъехал автомобиль государя. Ворота были закрыты, и дежурный офицер крикнул: «Открыть ворота бывшему царю». Ворота открылись, автомобиль подъехал ко двору. Из автомобиля вышли государь и князь Долгоруков (генерал-адъютант свиты).

Когда государь проходил мимо собравшихся в вестибюле офицеров, никто его не приветствовал. Первый сделал это государь. Только тогда все отдали ему привет.

Государь прошел к императрице. Свидание не было печальным. Как у государя, так и императрицы, на лице была радостная улыбка. Они поцеловались и тотчас же пошли наверх к детям».

О том, какое впечатление произвел этикет встречи на бывшего императора, читаем в его дневнике за 9 марта 1917 г.: «Скоро и благополучно прибыл в Царское Село — в 11 1/2. Но, Боже, какая разница, на улице и кругом дворца внутри парка часовые, а внутри подъезда какие-то прапорщики! Пошел наверх и там увидел душку Аликс и дорогих детей. Она выглядела бодрой и здоровой, а они все лежали в темной комнате. Но самочувствие у всех хорошее, кроме Марии, у которой корь недавно началась. Завтракали и обедали в игральной у Алексея...»

Камердинер Волков, близко наблюдавший жизнь царской семьи в эти дни, позднее вспоминал: «В течение некоторого времени никто из членов правительства не заезжал во дворец. Первым приехал Керенский, небрежно одетый, в куртке... Пробыл недолго. Государь представил его императрице...» После того, как уехал Керенский, продолжал Волков, «вышел государь и обратился ко мне: «Знаешь, кто это был? — Керенский. — Знаешь, как он ко мне обращался: «То Ваше Величество, то Николай Александрович...»

В течение всего времени пребывания бывшего государя в Царском Селе Керенский во внутреннюю жизнь дворца не вмешивался, был выдержан и корректен.

Однако относительная свобода Романовых вызывала

тревогу и протест со стороны революционно настроенного населения.

Керенский, чтобы как-то успокоить общественность, от лица Временного правительства сделал в печати следующее заявление: «Что касается Николая II, то бывший царь сам обратился к новому правительству с просьбой о покровительстве. Сейчас Николай II в моих руках, в руках генерал-прокурора! И я скажу вам, товарищи: русская революция прошла бескровно, и я не позволю омрачить ее. Маршом русской революции я никогда не буду. Но в самом непродолжительном времени Николай II под моим личным наблюдением будет отправлен в гавань и оттуда на пароходе отправится в Англию...»

В этом акте правительства Петросовет увидел угрозу реставрации монархии в России с помощью Великобритании. В Совете разгорелись бурные дебаты: «Революция должна оградить себя от всякой возможности восстановления монархии; перчатка, брошенная Временным правительством, решившим этот — сущевнейший для судеб Революции — вопрос единолично, за спиной Исполкома, — должна быть поднята...»

По решению Исполкома Петросовета от 8 марта 1917 года бывшая царская семья была взята под надежную охрану. В Царское Село направили роту пулеметчиков и отряд семеновцев...

А в Петросовет по-прежнему продолжали поступать заявления и доносы. Часто они исходили от лиц, наблюдавших непосредственно жизнь царской семьи. Вахмистр А. П. Данилов 7 апреля сообщил: «1) Николай II здоровается с караулом, и ему отвечают, как отвечали раньше. 2) ...допущено неизвестное штат(ское) лицо, который беседовал несколько часов с Николаем II. 3) Пропущен штатский господин... 4) Караульный начальник был пьян...»

Во дворце, занимаемом царской семьей, среди прислуги и окружения процветало фискальство. По доносу была арестована и удалена из дворца Анна Вырубова, отстранен от должности коменданта П. Коцебу.

Напряжение вокруг царской семьи нарастало. Керенский обратился к царской чете с просьбой по возможности проводить время раздельно, так как на этом настаивает Совет рабочих и солдатских депутатов. П. Жильяр по этому поводу записал в дневнике 26 марта: «После обеда Керенский объявляет государю, что он должен отделить его от императрицы... Государь может ее видеть только за обеденным столом и при условии разговора непременно по-русски. Чай можно также пить вместе, но в присутствии офицера».

Порой доходило до небольших эксцессов. Об одном из них упоминает А. А. Волков: «Когда менялся караул (это происходило во время завтрака царской семьи), то оба офицера — прежний и новый начальники караула — приходили к государю. Однажды вошли оба офицера. Государь протиснулся с уходящим и протянул руку вновь вступающему на караул. Тот, отступив назад, отказался от рукопожатия. Государь подошел к нему, положил на плечо руку и спросил: «За что же, голубчик?» — «Я из народа, — был ответ. — Вы не хотели протянуть народу руку, не подам ее и я».

Но постепенно жизнь царской семьи вошла в определенный ритм. П. Жильяр свидетельствовал: «Мы ходим в парк, где нам теперь разрешают гулять в сопровождении офицеров охраны и солдат. Желая немного заняться

спортом, мы начинаем оживленно разбивать лед на шлюзах пруда. Толпа солдат и других лиц тотчас же собирается у решетки парка, — смотрят, как мы работаем. Некоторое время спустя офицер охраны подходит к государю и говорит, что начальник царскосельского гарнизона прислал сказать, что он боится враждебной демонстрации и даже покушения на царскую семью, и поэтому просит нас уйти в другое место. Государь отвечает, что он нисколько не боится, и эти люди его не стесняют...»

Однообразные и размеренные дни в своем дневнике фиксировал и Николай Александрович: «8-го апреля. Суббота. Тихо справляли 23-ю годовщину нашей помолвки! Погода простояла весенняя и теплая. Утром долго гулял с Алексеем. Узнали, почему вчерашний караул был такой пакостный: он был весь из состава солдатских депутатов. Зато его сменил хороший караул от запас(ного) бат(альона) — 4-го стрелкового полка. Работали у пристани из-за толпы и наслаждались теплым солнцем...»

«Когда земля оттаяла — свидетельствует камердинер А. Волков, — стали выходить на прогулку поправлявшися дети. Государь предложил желающим работать. Работа-

Дети Николая II.

ли, все: и семья, и свита, и служащие. Вначале работа состояла в копании грядок, на которых были посеяны разные овощи. Императрица не работала, но когда стало потеплее, лежала близ места работ на ковре. Иногда в это время к ней подходили солдаты, садились близко к ней и подолгу разговаривали. Держали себя солдаты в присутствии царской семьи вполне прилично...»

Позднее П. Жильяр горестно писал в своих воспоминаниях: «Мы были только в нескольких часах езды от финляндской границы, а потому казалось, что действуя решительно и тайно, можно было бы без большого труда достичь одного из финляндских портов и вывезти затем царскую семью за границу. Но никто не хотел брать на себя ответственность, и каждый боялся себя скомпрометировать».

А в Петросовет продолжали поступать резолюции и телеграммы с требованием принять жесткие меры к членам императорской семьи. Собрание делегатов фронта

требовало перевести «бывшего царя и обеих бывших царниц в Петропавловскую крепость». Совет рабочих депутатов Константиновских заводов призывал «немедленно лишить свободы всю династию Романовых. С изменниками поступать как с военными шпионами».

Нездоровый ажиотаж вокруг царской семьи подогревала периодическая печать. В телеграмме, направленной 21 мая 1917 года из Очакова в исполком Петросовета, читаем: «В «Одесских новостях» № 10421 помещено: «Охрана Николая Романова пьет вино вместе с ним, матросы сами возят Александру (Федоровну) на прогулку». Крайне возмущены этим. Солдаты Николаевской приморской батареи Очаковской крепости просят немедленно перевести Николая, Александру и семью в Петропавловскую крепость; установить строгий надзор и всех сочувствующих Романовым преследовать как изменников свободе Российского государства».

Против «желтой прессы», пытавшейся внушить обывателю, что с искоренением «распутинского маразма» последних Романовых страна решит все свои проблемы, выступал М. Горький: «Хохотать над большим и несчастным человеком (имеется в виду Александра Федоровна — прим. авт.), — кто бы он ни был — занятие хамское и подленькое. Хохочут русские люди, те самые, которые пять месяцев тому назад относились к Романовым со страхом и трепетом, хотя и понимали — смутно — их роль в России...»

Выезд царской семьи за границу так и не состоялся. Позднее А. Ф. Керенский, находясь в эмиграции, в одном из интервью так объяснял причины этого: «Что же касается эвакуации царской семьи, то мы решили отправить их через Мурманск в Лондон. В марте 1917 года получили согласие британского правительства, но в июле, когда все было готово для проезда на поезде до Мурманска и министр иностранных дел Терещенко отправил в Лондон телеграмму с просьбой выслать корабль для встречи царской семьи, посол Великобритании получил от Ллойда Джорджа ясный ответ: британское правительство, к сожалению, не может принять царскую семью в качестве гостей во время войны».

Временное правительство считало, что в сложившейся обстановке надо найти более безопасное место ссылки для царской семьи, удалить ее от революционного Петрограда. Строились различные планы. Об одном упоминается в дневнике Николая II: «11-го июля. Вторник. Утром погулял с Алексеем. По возвращении к себе узнал о приезде Керенского. В разговоре он упомянул о вероятном отъезде нашем на юг, ввиду близости Ц(арского) Села к неспокойной столице».

Тобольский архимандрит Гермоген предложил Керенскому направить бывшего царя и его семью в захолустный губернский город Тобольск, где Советы не имели заметного влияния, а вся власть находилась в руках губернского комиссара Временного правительства. Сам же Керенский позднее объяснил ситуацию так: «Разрешение этого вопроса было поручено мне. Я стал выяснять эту возможность. Первоначально я предполагал увести их куда-нибудь в Центр России; останавливался на имениях Михаила Александровича или Николая Михайловича. Выяснилось абсолютная невозможность сделать это... Немыслимо было увести их и на юг. Там уже проживали некоторые из великих князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов я остановился на Тобольске и назвал его министром...»

Вопрос об увозе царской семьи в Тобольск был решен окончательно на совещании четырех министров: князя Львова, Терещенко, Некрасова и Керенского. Остальные члены Временного правительства, по утверждению

Керенского, «не знали ни о сроке, ни о направлении».

Свои соображения о мотивах ссылки царской семьи в Сибирь высказал П. Жильяр: «Когда Керенский сообщил об этом императору, он объяснил необходимость переезда тем, что Временное правительство решило принять самые энергичные меры против большевиков; в результате, по его словам, неминуемо должны были произойти вооруженные столкновения, в которых первой жертвой могла бы оказаться царская семья... Другие же, напротив, предполагали, что это решение было лишь трусливой уступкой по отношению к крайним левым, требовавшим изгнания императора в Сибирь».

Накануне отправки царской семьи в ссылку, утром 31 июля, в Царское Село приехал Керенский, который сообщил, что вечером будет подан поезд в Тобольск. За час до назначенного времени во дворец приехал попрощаться великий князь Михаил Александрович. При свидании братьев присутствовал Керенский, который в разговор не вмешивался, но, однако, не разрешил Михаилу Романову попрощаться с племянником и племянницами. В дневнике Николая II читаем: «Мы ходили взад и вперед, ожидая подачи грузовиков. Секрет о нашем отъезде соблюдался до того, что и моторы и поезд были заказаны после назначенного часа отъезда. Извод получился колоссальный. Алексею хотелось спать, — он то ложился, то вставал. Несколько раз происходила фальшивая тревога, надевали пальто, выходили на балкон и снова возвращались в залы. Совсем рассвело...»

Суматошную обстановку отъезда подробно описывает и камердинер А. А. Волков: «Мы всю ночь в поле (между Царским Селом и станцией Александровской — прим. авт.) прождали поезд, который был подан в шесть часов утра. К этому времени от дворца пришли два автомобиля, окруженные кавалерийским конвоем с ружьями наизготовку. Вместе с царской семьей прибыл и Керенский. Все разместились в поезде. Керенский зашел в вагон, где находилась государь с семьей, со всеми вежливо попрощался, пожелал счастливого пути, поцеловал у государыни руку, а государю, обменявшись с ним пожатием руки, сказал: «До свидания, Ваше Величество. Я придерживаюсь, пока, старого титула...»

К солдатам, сопровождавшим поезд, Керенский обратился с такой речью: «Вы несли охрану Царской семьи здесь. Вы же должны нести охрану и в Тобольске, куда переводится царская семья по постановлению Совета министров. Помните: лежачего не бьют. Держите себя вежливо, а не по-хамски...»

Есть воспоминания еще одного очевидца отъезда царской семьи в Тобольск полковника Н. А. Артабалева, командовавшего тогда 2-м Гвардейским стрелковым запасным полком: «Царская семья начала свой страдальный путь, и толпа русских людей, их подданных, свидетельствовала его своим священным молчанием и тишиной... В окне снова показались Государь и Цесаревич. Государыня взглянула в окно и улыбалась нам. Государь приложил руку к козырьку своей фуражки. Цесаревич кивал головой. Также кивали головой царевны, собравшиеся в соседнем окне. Мы отдали честь, потом сняли фуражки и склонили головы. Когда мы их подняли, то все окна вагона оказались наглухо задернутыми шторами. Вдоль вагона медленно прошел Козьмин, подошел к нам и, ничего не сказав, встал около нас, точно настороже... Поезд медленно тронулся. Серая людская толпа вдруг всколыхнулась и замахала руками, платками и шапками. Замахала молча, без одного возгласа, без одного всхлипания...»

Путь лежал на восток, навстречу восходящему солнцу, в полную неизвестность...

ПРОДОЛЖЕНИЕ В № 3, 1992 г.

Николай II

Последний русский самодержец Николай Александрович родился 6(19) мая 1868 года в день Иова Многострадального. «Позтому мне ничего не удается»,— любил он повторять. Старший сын императора Александра III и его жены Марии Федоровны, урожденной датской принцессы Дагмары (1847—1928). Взошел на престол 21 октября (3 ноября) 1894 года. Женился на Алисе Гессен-Дармштадской, принявшей в православии имя Александры Федоровны.

23 августа 1915 года Николай II стал Верховным главнокомандующим русской армии.

2(15) марта 1917 года во избежание гражданской войны отрекся от престола в Пскове. 8(21) марта арестован в Могилеве.

Следователь по особо важным делам Соколов в своей книге «Убийство царской семьи» писал о Николае II: «Николай получил воспитание, какое обычно давала среда, в которой он родился и жил. Она привила ему привычку быть всегда ровным, сдержанным, не проявлять никаких чувств. Он любил книгу и много читал по общественным наукам и по истории. Был прост и скромен в своих личных привычках, любил природу и охоту, был весьма религиозен. Самой типичной чертой его натуры, поглощавшей все другое, была доброта его сердца, его душевная мягкость, утонченная деликатность. По своей природе он был совсем не способен причинить лично кому-нибудь зло».

Письма Николая II

Тобольск. 5-го Ноября, 1917 г.¹⁾
Милая дорогая моя Ксения,²⁾
От всей души благодарю Тебя за доброе письмо от 15-го окт., доставившее мне огромную радость.

Все, что ты пишешь о здоровье Мама,³⁾ теперь успокоило меня. Дай Бог, чтобы силы Ее вполне восстановились и чтобы Она берегла здоровье свое.

Мы только что вернулись от обедни, кот. для нас начинается в 8 час. при полной тишине.

Для того, чтобы попасть в нашу церковь, нам нужно пройти город-

ской сад и пересечь улицу— всего шагов 500 от дома. Стрелки стоят редкою цепью справа и слева, и когда мы возвращаемся домой, они постепенно сходят с мест и идут сзади, а другие вдали сбоку, и все это напоминает нам конец загона, так что мы каждый раз со смехом входим в нашу калитку.

Я очень рад, что у вас сократили охрану—«дюже надоело» и вам и им понятно.

Бедные сбитые с толку люди. Постараюсь написать Мише⁴⁾, никаких известий о нем не имел, кроме как от Тебя.

Зима никак не может наступить настоящая; два дня идет снег при небольшом морозе, потом все тает и снова то же повторяется. Но воздух отличный, чистый, дышется очень хорошо.

Тут мы живем как в море на корабле и дни похожи один на другой, поэтому я Тебе опишу нашу жизнь в Ц. Селе.

Когда я приехал из Могилева, то как Ты знаешь, застал всех детей очень большими, в особенности Марию и Анастасию.

Проводил разумеется весь день с ними, одетый в белый халат. Доктора приходили к ним утром и вечером, первое время в сопровождении караульного офицера. Некоторые из них входили в спальню и присутствовали при осмотре докторами. Потом это сопровождение врачей офицерами было прекращено.

Я выхожу на прогулку с Валей Д.⁵⁾ и с одним из офицеров или самим караульным начальником. Так как парк перестали чистить с конца Февраля, гулять было из-за массы снега—для меня явилась прекрасная работа—очищать дороги.

Цепь часовых стояла—одна вокруг дома, а другая вокруг пруда и решетки маленького сада против окон комнат Мама.

Гулять можно только было внутри и вдоль второй цепи.

Когда стал лед и сделалось тепло, бывший комендант полк. Коровиченко⁶⁾ объявил, что он отодвинет цепь подальше.

Прошло три недели и никакой перемены. В один прекрасный день со мною последовали четыре стрел-

* Сохранены орфография и пунктуация оригинала.

¹ Впервые опубликовано: «Православная жизнь», январь 1961, № 1, с. 6—9.

² Ксения Александровна (1875—1960) великая княгиня, сестра Николая II, жена вел. кн. Александра Михайловича.

³ Императрица Мария Федоровна (1847—1928), урожденная Мария-София-Фридерика-Дагмара, дочь датского короля Христиана IX, жена Александра III, мать Николая II.

⁴ Михаил Александрович (1878—1918), великий князь, третий сын Александра III, генерал-адъютант, член Государственного совета. Во время первой мировой войны командовал Кавказской туземной дивизией, 2-м кавказским корпусом, затем был назначен генерал-инспектором кавалерии. Расстрелян в Перми в 1918 году. Долгоруков, Василий Андреевич, Валя, князь, пасынок обер-гофмаршала графа П. К. Бенкендорфа; генерал-майор свиты, испол-

нял должность гофмаршала Высочайшего двора (придворный чин III класса—гофмаршальская часть ведала довольством императорского двора, хозяйством дворца и организацией разного рода празднеств и церемоний). Добровольно разделил заключение с царской семьей в Тобольске, сопровождал Николая II в Екатеринбург, где сразу по прибытии был отправлен в тюрьму и вскоре расстрелян.

⁶ Коровиченко, Павел Александрович, подполковник, военный юрист, друг Керенского, назначенный им комендантом Александровского дворца в Царском Селе, где находилась в заточении царская семья,—на место уволенного штабс-ротмистра Коцебу. Оставил свой пост добровольно, будучи назначен командующим войсками сначала Казанского, а затем Ташкентского военного округа, где и был убит.

ка с винтовками; этим я воспользовался и, ничего не говоря, пошел дальше, в парк. С тех пор начались ежедневные большие прогулки в парк, а днем рубка и распилка сухих деревьев. Выходили мы все из дверей круглой залы, ключ от нея хранился у караульного, на(альника).

Балконом ни разу не пользовались, так как дверь к нему была заперта.

Выход наш в сад вместе со всеми нашими людьми, для работы или на огороде или в лесу, должно быть напоминал оставление зверями Ноева Ковчега, потому что около будки часового у схода с круглага балкона собиралась толпа стрелков, насмешливо наблюдавшая за этим шествием. Возвращение домой тоже происходило совместно, т. к. дверь сейчас же запиралась. Сначала я здоровался по привычке, но затем перестал (потому) что(то) они плохо и вовсе не отвечали.

Летом было разрешено оставаться на воздухе до 8 час. вечера; я катался с дочерьми на велосипеде и поливал огород, т. к. было очень сухо. По вечерам мы сидели у окон и смотрели, как стрелки возлежали на лужайке, курили, читали, возились и попевали.

Стрелки, приехавшие с нами сюда, совсем другие — это почти все побывавшие на фронте, очень много раненых и с Георг(иевским) Кр(естом) и мед(алями) — большую частью настоящие солдаты. Мы со многими перезнакомились.

Забыл упомянуть, что в Марте и Апреле по праздникам на улицах проходили процессии (демонстрации) с музыкой, игравшей Марсельезу и всегда один и тот же Похоронный Марш Шопена.

Шествия эти неизменно кончались в нашем парке у могилы «Жертв революции», кот(орую) вырыли на аллее против круглага балкона. Из-за этих церемоний нас выпускали гулять позже обыкновенного, пока они не покидали парк.

Этот несносный Похор(онный) Марш преследовал нас потом долго и невольно все мы посвистывали и попевали его до полного одурения.

Солдаты говорили нам, что и им надоели сильно эти демонстрации, кончавшиеся обыкновенно скверной погодой и снегом.

Разумеется за этот долгий срок с нами было множество мелких забавных и иногда неприятных про-

исшествий, но всего не описать, а когда-нибудь, даст Бог, расскажем Вам на словах.

Боюсь, что надоел Тебе, милая Ксения, черезчур долгим письмом, да и рука у меня затекла.

Постоянно мысли мои с Тобой, дорогою Мама́ и Твоею семьей. Крепко обнимаю Тебя и их всех, как люблю.

Бепуатоны Тебя нежно целуют.

Да хранит и благословит всех вас Господь. Как хотелось бы быть вместе. Прощай моя дорогая.

Всею душой Твоей старый Ники.

Тобольск. 24-го Января 1918 г.⁷⁾

Дорогая милая моя Ксения,

Сегодня день Твоих именин, хотя я не нашел этого в календаре. Поздравляю Тебя от всего сердца и шлю мои пожелания Тебе здоровья и всех благ. С утра я ощущал потребность поговорить с Тобою письменно именно сегодня. Как часто мы проводили этот день вместе всей семьей и при иных обстоятельствах, более счастливых, чем нынешних.

Бог даст и эти пройдут.

Я не допускаю мысли, что те ужасы, бедствия и позор, которые окружают нас всех, продолжались долго. Я твердо верю, как и Ты, что Господь умилосердится над Россией и умирит страсти в конце концов. Да будет Его Святая Воля. Живем попрежнему тихо и спокойно и постоянно вспоминаем о дорогой Мама́ и вас милых.

Все дети с нового года перебо-

лели легкою краснухою. Теперь уже давно здоровы и продолжают выходить во всякую погоду.

Последние были дни очень холодные, сильнейшая буря с 25—30 градусными морозами. Ветры проникают даже в дом и темп(ература) некоторых комнат доходила до 7—8° тепла, например в зале и в моем кабинете.

Эта темп(ература) в помещениях напомнила мне пребывание зимою у дорогого Георгия⁸⁾ в Абастуме. Но ко всему привыкаешь, одеваемся мы тепло и по утрам сидим в валенках — пока печи не растопятся. Отлично.

Время от чая до обеда обыкновенно занято репетициями разных пьес в разных комнатах, которыми занят весь наш кружок. Время проходит так незаметно. До сих пор играли франц(узскую) пьеску, теперь разучивают русскую и английскую. Я собираюсь играть с Ольгой и Мари в забавной шутке Чехова — «Медведь». Надеюсь, насмешим остальных.

Хорошее упражнение для памяти.

Ну вот, пока все.

Крепко тебя обнимаю. Моя Ксения-душка, милую Мама́ и всех с вами живущих.

Кланяюсь очень Финикину и Яшику⁹⁾.

Христос со всеми вами.

Всею душою Тебя любящий
Твой старый Ники.

Письма императрицы Александры Федоровны

Александра Федоровна

Последняя русская императрица. Алиса-Виктория-Елена-Луиза-Беатриса — таково ее полное имя. Родилась в Германии в г. Дармштадте 25 мая (7 июня) 1872 года и была четвертой дочерью герцога гессенского Людвига и его жены герцогини Алисы Английской, младшей дочери королевы Викто-

ри. 6 лет от роду Алиса потеряла мать и воспитывалась у своей бабушки при английском дворе. С ранних лет тянулась к литературе, постоянно читала книги по философии. Ее знания в этой области увенчаны степенью доктора философии Кембриджского университета.

Под покровительством Александры Федоровны находились императорское женское патристическое общество и попечительство о домах трудолюбия. 14(27) ноября 1894 года совершилось ее бракосочетание с Николаем Александровичем. После принятия христианства стала называться Александрой Федоровной.

Пьер Жильяр, воспитатель ее сына Алексея, в книге «Император Николай II и его семья» (Вена, 1924) пишет: «Ее влияние на Государя было велико, но всегда губительно. Она сделала из политики вопрос чувства и личного предпочтения, часто руководилась симпатиями или антипатиями своими собственными или своих окружающих».

⁷ Впервые опубликовано: «Православная жизнь», январь 1961, № 1, с. 10—11.

⁸ Георгий Александрович (1871—1899), великий князь, второй сын императора Александра III, скончался в Абастумане, на Кавказе от туберкулеза.

⁹ Казак, состоящий при императрице Марии Федоровне.

К А. А. Вырубовой¹⁰⁾
21 октября 1917. Тобольск.¹¹⁾
Милая моя Аня,

Несказанно обрадована дорогами известиями, нежно целую за всю любовь Вашу. Да, любовь родных душ не имеет преград, расстояния для нее... не существует, но сердце человеческое все-таки жаждет вещественного знака этой любви. Это как раз то, что я усердно желала, чтобы Вы Зину¹²⁾ видали. Да, глаза Ваши оставили на меня глубокое впечатление. Так рыдала, когда их увидела — Боже мой! Но Бог милостив и долготерпелив и своих не забудет. Мзда Ваша многа на небесах. Чем больше здесь страдания, тем ярче будет там на том светлом берегу, где так много дорогих нас ждут. Все мысленно все вместе переживаем. Родная моя, нежно Вас ласкаю и целую, Вы всегда в моем сердце, в наших сердцах, как за Вас молимся, о Вас говорим — но все в Божьих руках. Вдали ужасно трудно, невозможно помочь утешить, согреть страдальца любимого человека — большое испытание. И мы надеемся завтра приобщиться Святым Тайн — сегодня и вчера не позволили быть в церкви — но служба дома, вчера зауспокойная всенощная, сегодня обедница, всенощная и исповедь. Вы будете как всегда с нами, родная моя душа. Как много хотелось бы сказать, спросить. О Лили¹³⁾ давно ничего не слыхала. Мы здоровы, я очень страдала зубами и нерв. в лице. Теперь приехал Ко-

стр(ицкий)¹⁴⁾ нас лечить. Много о Вас говорим. В Кр.(ьму) ужасно жить теперь. Ольга А. страшно счастлива со своим маленьким Тихоном,¹⁵⁾ сама его кормит. Няни у них нет, так что она и Н. А. все сами делают. Живут все в Ай Т.¹⁶⁾

Дробязгин¹⁷⁾ умер от рака. Где бедная, бедная Е. В.,¹⁸⁾ как за них страдаешь и молишься. Это единственное, что всегда и везде можно. Погода не особенная; последнее время не выхожу, так как сердце себя нехорошо ведет. Сколько утешений в чтении Библии. Я теперь много с детьми читаю и думаю, что Ты дорогая тоже. Нежно целую и благословляю родное, любимое дитя. Мы все вас целуем, пишите. Господь Бог сохранит и подкрепит. Сердце полно, но слова слабыя.

Всем сердцем Ваша М. Мад.¹⁹⁾ и Аннушка²⁰⁾ еще в Петрограде. Привет родителям.²¹⁾ Кофточка греет и радует. Окружена дорогими подарками: голуб.(ой) халат, кр(асные) туфли, серебряное блюдечко, ложка, палка, на груди образа. Не помню Твоих хозяев. Видела ли Ты отца Иоанна из Петергофа? Христос с Тобой.

Доктору В. Н. Деревенко²³⁾
в Тобольск
19 апр. (2 Мая 1918. Екатеринбург)²⁴⁾
Христос Воскресе!

Мы все сердечно поздравляем Вас и всю Вашу семью светлым праздником. Надеемся, что Колобов²⁵⁾ к Вам приходил. Уже 4 дня ничего о всех не знаем — очень тяжело. Можно ли уже наступить (на) ноги. Как силы, аппетит, самочувствие? Лежит ли на балконе? Все хочется знать.²⁶⁾ Не знаем, куда переедем, но вероятно близко. Погода чудная. Очень устала, сердце увеличено. Живем ничего, скучаем. Храни Бог.

¹⁰⁾ Вырубова, Анна Александровна (1884—1964), рожденная Танеева, бывшая фрейлина императрицы Александры Федоровны.
¹¹⁾ Впервые опубликовано: «Русская летопись», книга 4, с. 198—199.
¹²⁾ Манштейд, Зинаида Львовна, жительница города Смоленска.
¹³⁾ Ден, Юлия Александровна (Лили, Тили), жена капитана 1-го ранга К. А. Дена, дочь генерала Измаила Селим Бек Смольского. Личный друг Александры Федоровны.
¹⁴⁾ Кострицкий, Сергей Сергеевич, придворный зубной врач.
¹⁵⁾ Великая княгиня Ольга Александровна и ее сын Тихон от морганатического брака с полковником Н. А. Куликовским.
¹⁶⁾ Ай-Тодор — имение Романовых в Крыму.
¹⁷⁾ Дробязгин, Сергей Аркадьевич, офицер лейб-гвардии Уланского полка.
¹⁸⁾ Сухомлинова, Екатерина Викторовна, рожденная Гашкевич, по

первому мужу Бутович, жена военного министра генерал-адъютанта В. А. Сухомлинова.
¹⁹⁾ Занотти, Магдалина Францевна, (Маделен), камер-юнгфера императрицы.
²⁰⁾ Романова, Анна Павловна — комнатная девушка императрицы.
²¹⁾ А. С. и Н. И. Танеевы — родители Анны Вырубовой.
²³⁾ Деревенко, Владимир Николаевич, доктор медицины, почетный лейб-хирург. Был при царской семье в Тобольске.
²⁴⁾ В настоящее время известно три письма царственных узников, написанных членами царской семьи из Екатеринбурга. Это письмо впервые напечатано в книге «Письма царской семьи из заточения», США, 1974, с. 392.
²⁵⁾ Колобов — один из восьми солдат отряда особого назначения.
²⁶⁾ Речь идет о здоровье наследника Алексея.

Письма Алексея, наследника престола

Алексей Николаевич

Последний наследник русского престола, цесаревич, единственный сын императора Николая II. Родился 30 июля (12 августа) 1904 года. Расстрелян в Екатеринбурге в возрасте 13 лет.

Атаман всех казачьих войск, шеф лейб-гвардии Атаманского полка. С младенчества страдал гемофилией — болезнью, при которой не свертывается кровь. Малейшее ранение или ушиб могли привести ребенка к гибели. По отзывам всех, знавших Алексея Николаевича, он отличался необыкновенным умом, добротой, сердечным отношением к людям. «Ребенок был на редкость красив, обаятелен и с малых лет стал проявлять свою волю. Сильную волю он унаследовал от деда, обаяние — от отца, красоту — от своей матери» — из воспоминаний С. Я. Афросимовой. Часто у него вырывалось восклицание: «Когда я буду царем, не будет бедных и несчастных. Я хочу, чтобы все были счастливы».

К А. А. Вырубовой
Тобольск. Ноябрь 1917 г.²⁷⁾
Милая, дорогая, надеюсь что Ты получила мою открытку. Очень, очень благодарю за грибок. Души так Тебя напоминают. Я каждый день молю Бога, чтобы мы опять жили все вместе. Храни тебя Господь.

Твой А.
Тобольск, 22 Января 1918 г.
Дорогая моя милая Аня,
Радуюсь опять иметь от Тебя известия и что Ты наши вещи по-

²⁷⁾ Впервые опубликовано: «Русская летопись», кн. 4, с. 238.

СКОРБНЫЙ ПУТЬ РОМАНОВЫХ

лучила. Сегодня 29 град(усов) мороза, и сильный ветер и солнце. Гуляли — ходили на лыжах, по двору. Вчера играл с Татьяной²⁹⁾ и Жиликом³⁰⁾ французскую пьесу.³¹⁾ Все готовят еще другие комедии. Есть у нас хороших несколько солдат, с ними я играю в караульном помещении в шашки. Коля Д.³²⁾ бывает по праздникам у меня. Нагорный³³⁾ спит со мною. Седнев,³⁴⁾ Волков, Труп³⁵⁾ и Чемодуров с нами. Пора идти к завтраку. Целую и люблю. Храни Тебя Господь.

К Коле Деревенко³⁶⁾

Тобольск, март 1918 г.

Дорогой Ялок,³⁷⁾

Принеси твою пулю, которую ты нашел в Ц(арском) С(еле). Я тоже принесу мои две. Прощай.

Иескела.³⁸⁾

P. S. завтра!

Тобольск, апрель 1918 г.

Дорогой Ники!

очень благодарю Тебя за пушку. Надеюсь, что сможем скоро увидеться. Кланяйся Маме, Бабушке и Феферу. Пишу плохо, п(отому ч(то) лежу в постеле. Нога болит,³⁹⁾ но думаю, что она скоро пройдет.

Твой Иескела.

Посылаю Тебе просфору.

(Тобольск, вторая половина апреля 1918 г.)

Дорогой мой Коля,

Спасибо за письма и рисунки. Мне теперь лучше. В саду ужасная грязь. Повсюду положены доски. Посылаю Тебе просфору. Синий говорит, что он ругал феффера, так ей и надо, х-ха-ха!!!! Синий — это Твой Папа, я его назвал так в Крыму. Поклон всем. Целую.

Твой Иескела.

(Тобольск, апрель 1918 г.)

Дорогой Коля,

Какое слово оканчивается на три е. Напиши его и дай Жилику.

А.

Кланяйся Маме, Бабушке, и Фефферу. Да хранит Тебя и Всех Твоих Господь Бог.+

Крепко целую и крещу.+

Твой Алексей.

Письма к П. В. Петрову⁴¹⁾

Тобольск, 27 ноября 1917.

Дорогой Петр Васильевич.

Очень благодарю Вас за письмо, все читали. Я очень извиняюсь, что я Вам не писал раньше, но я в самом деле очень занят. У меня каждый день 5 уроков, кроме приготовлений, и как только я освобожусь я бегу на улицу. День проходит незаметно. Как Вы знаете я занимаюсь с Клавдией Михайловной⁴²⁾ по русск(ому) по ариф(метике) по ист(ории) и геогр(афии). Крепко обнимаю. Поклон всем. Часто вспоминаю вас. Храни Вас Бог.

А.

Как Пулька!!!

Тобольск, 19 декабря 1917 г.

Дорогой мой Петр Васильевич

Поздравляю Вас с наступающим праздником и новым годом. Надеюсь, что Вы получили мое первое письмо. Как Ваше здоровье?

Пока у нас очень мало снега и по этому трудно выстроить гору, Джой⁴³⁾ толстеет с каждым днем, потому что он ест разные гадости из помойной ямы. Все его гонят палками. У него много знакомых в городе и поэтому он всегда убегает. Я Вам пишу во время французского урока потому что у меня почти нет свободного времени, но когда будут каникулы я Вам буду писать чаще. Поклон и поздравления учителям. Храни Вас Господь!

Ваш пятый ученик.

Алексей.

Публикацию писем царской семьи подготовил историк и журналист И. НЕПЕИН

Для передачи
Николаю Владимировичу
Деревенко.

(Тобольск, 4/17 (9) мая 1918 г.)

Дорогой Коля,

Все сестры Тебе, Маме и бабушке кланяются. Я чувствую себя хорошо. Как здоровье бабушки? Что делает Фефер? Днем болела голова, а теперь и совсем прошла. Крепко обнимаю Тебя и даваю ногами. Кланяйся Боткиным⁴⁰⁾ от нас всех.

Всегда Твой Алексей.

разрешено
Хохряков.

(Тобольск, май 1918 г.)

Дорогой Коля,

Посылаю Тебе мою любимую пушку взамен Твоей. Кажется не увидимся с Тобой до нашего отъезда.

²⁸⁾ Впервые: «Русская летопись», кн. 4, с. 238.

²⁹⁾ Татьяна Николаевна, сестра Алексея.

³⁰⁾ Жилик — прозвище губернатора наследника П. Жильяра.

³¹⁾ 21 января была сыграна комедия в одном действии Южена Верконсена «У подъезда». Роли исполняли: Ролан Деланье, художник — П. Жильяр, Бальтазар и извозчик — Алексей Николаевич.

³²⁾ Коля Деревенко, сын доктора В. Н. Деревенко, личный друг Алексея.

³³⁾ Нагорный, Климентий Григорьевич, бывший матрос Гвардейского экипажа, плававший на императорской яхте «Штандарт», «дядька» Алексея. Отбыл с царской семьей в Тобольск, сопровождал детей из Тобольска в Екатеринбург, был взят из Ипатьевского дома, отправлен в тюрьму, в июне 1918 г. расстрелян в окрестностях Екатеринбурга.

³⁴⁾ Седнев — лакей.

³⁵⁾ Труп, Алексей Егорович, лакей, расстрелян вместе с царской семьей в подвале Ипатьевского дома.

³⁶⁾ Письма к Коле Деревенко впервые опубликованы в книге «Письма царской семьи из заточения», с. 319.

³⁷⁾ Имя Коля, написанное наоборот.

³⁸⁾ Имя Алексей, написанное наоборот.

³⁹⁾ В конце марта 1918 года Алексей заболел сильным припадком гемофилии.

⁴⁰⁾ Дети доктора Евгения Сергеевича Боткина, которые жили в Корниловском доме. После отъезда Е. С. Боткина с Николаем II и его женой в Тобольске остались его дети Татьяна и Глеб.

⁴¹⁾ Петр Васильевич Петров, тайный советник. Учитель русского языка всех детей Николая II. Письма хранятся в фонде № 611 ЦГАОР. Публикуются впервые.

⁴²⁾ Клавдия Михайловна Битнер — учительница царских детей в Тобольске.

⁴³⁾ Джой — пес, любимая собака Алексея. Джой в переводе с английского — радостный, веселый. Прозвище псу придумала императрица Александра Федоровна. После убийства царской семьи охранник Михаил Иванович Летемин украл множество вещей, принадлежащих царственным узникам, а большей частью Алексею. Он забрал и Джоя. Следствие обнаружило пса в доме Летемина, едва живого от тоски и голода.

ФУФЕЛЬ

Роман

Анатолий
РОМОВ

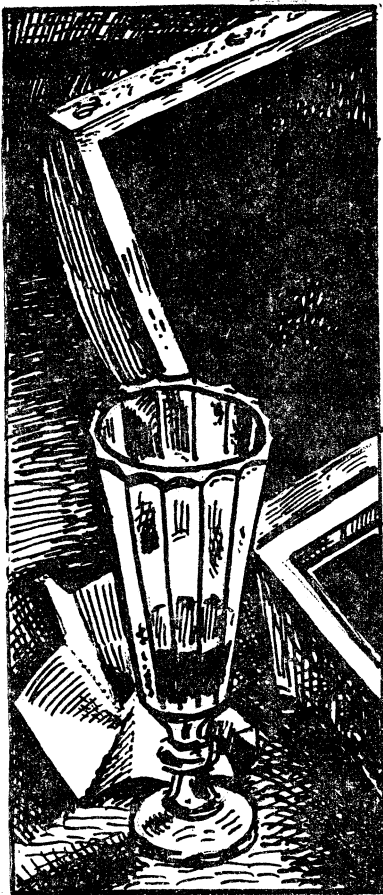
Рисунки
Арсения Сергеева

В этот весенний день 1918 года на полустанке в Эмишлы, небольшом поселке недалеко от ирано-азербайджанской границы, было оживленно. Минут за двадцать до прихода бакинского поезда тихую привокзальную жизнь нарушило событие, не очень привычное для Эмишлы: к вокзалу подъехал щегольский дорожный фаэтон. Перед самым перроном одетый в черкеску возница-курд слегка натянул вожжи. Красавцы-рысаки застыли, изредка встряхивая головами.

Наконец поезд подошел. Группа, вышедшая из единственного вагона первого класса, привлекла всеобщее внимание. Первым, пока состав еще двигался, на перрон прыгнул высокий человек лет тридцати пяти в черном кителе без знаков отличия и черных брюках, заправленных в черные же сапоги. Подождя, пока вышедшие вслед за ним камердинер и горничная помогут сойти госпоже и господину, одетым по-европейски, и их дочке-подростку в матросском костюмчике, человек в черном быстро пошел к фаэтону. Подойдя к вознице, бравому парню с лихо закрученными усами, тихо сказал по-курдски:

— Фаэтон для господ Ларионовых?

Услышав родную речь и встретив взгляд, не предвещавший ничего хорошего, возница поклонился:

— Да, господин, фаэтон подан для господ Ларионовых.

Усадив высокого господина средних лет, его жену, которая явно была намного моложе, и их дочку — точнее, пронаблюдав, как их усаживают горничная и камердинер — человек в черном сел рядом с возницей. Подождав, пока тот, чмокнув, тронет лошадей, сказал бесстрастно:

— Знаешь, куда везти?

— Мне было сказано: к границе. На пропускной пункт в Араксу-базар.

— Как повезешь?

— Здесь только один путь: по Муганскому тракту, а там перевал Болгар-Даг и все, граница.

— Сразу по выезде из Эшмилы свернешь направо. Поедем через Акер-Даг.

— Через Акер-Даг? — Возница недоуменно посмотрел на соседа. — Но это же на двенадцать верст дальше? Зачем нам крюк?

— Делай, что говорят.

Когда они выехали на Акердагский перевал, возница наконец проник в ход мыслей человека в черном. В связи с революцией и продолжавшимися до сих пор стычками враждующих группировок там, в накатанном ближнем пути через горы, можно было ожидать чего угодно. Вплоть до вооруженного нападения на фаэтон и ограбления. Здесь же, на заброшенном объездном маршруте, они могли чувствовать себя сравнительно спокойно.

После того, как ахалтекинцы встали перед шлагбаумом погранзаасты, человек в черном, спрыгнув с облучка, прошел в домик начальника погранотряда, официально называвшегося усташибаши. Войдя в комнату, сказал уже по-азербайджански:

— Салам алейкум, Рустам-бек. Я сопровождаю господ Ларионовых, мужа и жену. С дочерью. Вот бумаги. Мы едем в Тегеран.

Услышав имена родственников самого шаха Ирана, усташибаши покачал головой. Появление Сардара Мохаммеда Мусави, военного атташе посольства Ирана в Азербайджане¹, в качестве сопровождающего, говорило обо всем лучше всяких документов. Усташибаши улыбнулся:

— Уважаемый Сардар-бек, никаких бумаг не нужно. Проезжайте.

— Спасибо, Рустам-бек. — Сардар Мохаммед Мусави спрятал один конверт и достал другой. — На всякий случай я все же оставлю вам копии. Мало ли, вдруг нужно будет отчитаться.

Положив конверт на стол и прижав левую руку к сердцу, Мусави вышел. В окно усташибаши было хорошо видно, как фаэтон, проехав на иранскую сторону под поднятыми шлагбаумами, остановился возле давно ожидавшего знатных путешественников авто. Ларионовы и сопровождавшие их люди пересели в авто, и, чихнув бензином, лимузин уехал. Дождавшись, пока стихнет шум мотора, офицер заглянул в конверт. Увидел он там то, что и ожидал: несколько крупных купюр конвертируемой иранской валюты.

После того, как фаэтон пересек границу, Петр Николаевич Ларионов, пересев вместе с женой и дочерью в сверкающий медью «Даймлер-Бенц», погрузился в весьма непростые раздумья. Он думал о том, что в эти дни, когда в России идет смертельная борьба, судьба окончательно развела его с братом, Николаем Ларионовым, некогда близким ему и горячо любимым. Брат по-прежнему решительно стоит на стороне монархии, он же, как убежденный социалист-утопист, всем сердцем поддерживает борьбу, которую ведет с белогвардейцами Ленин. Да, он, Петр Ларионов, на стороне большевиков, левых эсеров, левых меньшевиков и анархо-синдикалистов. Конечно, со всеми этими партиями у него есть несколько принципиальных расхождений. И все же в главном, а именно во взглядах на будущее устройство общества, они сходятся. Но несмотря на все это, он, Петр Ларионов, вынужден эмигрировать. Он не может рисковать жизнями тех, кто ему дорог — жены и горячо обожаемой дочери.

Сейчас, пока машина катила по хорошо знакомой дороге в Тегеран, Петру Николаевичу фактически пришлось заново подытожить всю свою жизнь. Его идеалом давно уже стало учение о справедливом обществе, разработанное еще в 1516 году Томасом Мором и много позже поддержанное в России Белинским, Герценом, Чернышевским и Добролюбовым — равенство всех граждан, коллективная собственность на все ценности, произведенные человеком, и обязательность труда для всех. Увы, брат Ларионова, Николай Николаевич, держался мнений прямо противоположных — последовательно поддерживал Добровольческую армию, Деникина и Врангеля. А² поддерживать белое движение Николаю Николаевичу было чем: ему принадлежали многочисленные нефтепромыслы в Азербайджане и Иране.

Петр Николаевич был богат ничуть не меньше брата. Он владел рыбными промыслами на всем побережье Каспия, в России, Азербайджане и Иране. Кроме того, поскольку сестра его жены, урожденная Новицкая, официально числилась женой Верховного Иранского правителя, Петр Ларионов приходился довольно близким родственником Его величеству Шах-ин-Шаху. Именно поэтому никаких проблем с эмиграцией у семьи Петра Ларионова не возникло. И именно поэтому их на всем пути от Баку до Тегерана сопровождал высокопоставленный контрразведчик, военный атташе Ирана в Азербайджане Сардар Мусави.

В Тегеране семье Петра Ларионова пришлось задержаться на несколько дней, главным образом для улаживания имущественных дел и нанесения визитов. Сейчас, на девятом году отречения, высочайший родственник Ларионова Мамед Али Каджар Шах давно уже вел сугубо частную жизнь в Лондоне. Однако правительство Ирана по-прежнему высоко ценило хозяйственную деятельность русского промышленника-миллионера. В день отъезда Петр Николаевич был принят самим премьер-министром Ирана³. Премьер в конце аудиенции вручил Петру Николаевичу инкрустированную шкатулку, в которой лежало семнадцать крупных необработанных алмазов. Этот дар шах пожаловал

¹ С 1918 по 1920 гг. Азербайджан был самостоятельным государством, не входящим в состав Союза Советских Республик.

² Т. е. Мохаммедом Резой Пехлеви, будущим шахом Ирана.

своюку еще в годы своего правления. Шкатулка с алмазами дождалась своего хозяина в государственной сокровищнице.

В первые месяцы в Париже Ларионовы снимали особняк в аристократическом районе недалеко от Булонского леса. Дела на рыбных промыслах в России из-за продолжавшейся революции пока шли неважно, но переводы от прибыли на предприятиях в Иране поступали на банковские счета Ларионовых бесперебойно. К тому же вскоре из России пришло известие о смерти Николая Ларионова. Как один из наследников Петр Николаевич получил четвертую часть состояния брата, упрочив свое и без того крепкое материальное положение.

И все же, несмотря на кажущееся благополучие, в 1921 году, на третьем году жизни в Париже, Петр Николаевич Ларионов чувствовал себя глубоко несчастным. Безусловно, этому его состоянию в немалой степени способствовала тоска по родине. И все же главным было другое. В России наконец-то победила революция! Революция, поражение которой давно уже считалось в Европе, да и во всем мире, делом абсолютно решенным! Та самая революция, которая, как тут ни крути, поставила своей целью осуществление идеалов, провозглашенных когда-то Томасом Мором! Чудо, в которое он, Петр Ларионов, отказывался верить даже в самых смелых своих мечтах, свершилось... А он, Петр Ларионов, тратит жизнь на бессмысленное существование здесь, в Париже...

Осенью 1921 года решение созрело окончательно. Петр Ларионов написал письмо на имя Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ленина, в котором сообщал главе советского правительства, что, как истинный патриот и убежденный социалист-утопист, готов отказаться в пользу Советского государства от всей своей недвижимости. За это он просит разрешения вернуться в Россию и работать по специальности, а именно инженером-строителем. Никаких особых льгот для себя он не требует. Единственное — поскольку он хотел бы вернуться на родину вместе с дочерью, он просит позволить ему взять с собой некоторые фамильные драгоценности.

Довольно скоро Ларионов получил ответное послание, подписанное лично Предсовнаркомом; в письме сообщалось, что Советское правительство высоко ценит патриотический поступок известного промышленника и в ответ на этот жест готово в любой момент предоставить ему советское гражданство, работу по специальности, а также выполнить его остальные условия.

Жена, не разделявшая в последнее время ни идеалов, ни тем более патриотического порыва мужа, решила остаться в Париже и охотно дала развод. Не возражала она и против отъезда дочери. Повзрослевшая за это время на три года, Надя выразила твердое желание уехать с отцом на родину. Чтобы обеспечить Ольге Павловне безбедное существование, бывший муж перевел на ее имя все свои банковские счета. Остальное же имущество фирмы «Ларионов и компания», а

именно нефтяные и рыбные промыслы в России и Иране, было безвозмездно передано в концессию Советскому правительству.

Ларионов с дочерью вернулся в Россию, в Москву. Им была предоставлена прекрасная многокомнатная квартира в новом доме на Бережковской набережной, недалеко от Воробьевых гор. В полной мере был обеспечен Петр Николаевич и работой, став ведущим инженером Московского Главного архитектурно-планировочного управления. В память о нем во многих московских домах, сохранившихся с тридцатых годов двадцатого столетия, до сих пор поражают воображение огромные многокомнатные квартиры, специально спроектированные как коммунальные. Наверняка никто уже не знает имени их автора, отдавшего таким своеобразным способом дань своим социально-утопическим идеалам...

Перед самой войной Петр Николаевич женился вторично — на известной в то время оперной певице Любови О-кой. Своих детей у них не было, но брак в целом был удачным. Во всяком случае, дочь своего мужа, Надежду Петровну Ларионову, ставшую к тому времени интересной и умной женщиной, Любовь Алексеевна всегда воспринимала как родную. Дочку же Надежды Петровны, Веронику, родившуюся в конце шестидесятых годов, Любовь Алексеевна в буквальном смысле этого слова вырастила, став для девочки единственным близким ей человеком.

Окончив институт, Вероника вышла вскоре замуж за своего бывшего сокурсника, инженера-строителя Владимира Чева. У них родилась девочка, но года через два отношения молодых супругов разладились, и они, как принято говорить, разошлись полюбовно. После того, как Владимир, забрав нужные ему вещи, переехал к родителям, его комната была просто заперта на ключ — и больше в нее никто уже не входил.

Итак, к началу нашего повествования, а именно на рубеже последнего десятилетия двадцатого века, из собственно рода Ларионовых в живых остались лишь два человека: Вероника и ее малолетняя дочь, названная в честь бабушки Надеждой. Само собой, с полным правом считала себя родственницей и наследницей Ларионова и вдова Петра Николаевича Любовь Алексеевна.

Глава вторая

Пригубив коньяк из бокала, Миша Каменский со странным для себя чувством оглядел зал. Вечер в «Красном»³ был в разгаре. В зале стоял шум, все столики были заняты. Только что кончился танец, кавалеры усаживали дам, мимо протискивались халдеи с подносами. Но он ничего этого не замечал. Все его существо пело, каждая жилка дрожала от возбуждения. Еще раз посмотрев на сидящего с ним за одним столиком Сашку Фуртушняка, Миша сказал глухо:

— Значит, это они и есть? «Алмазы шаха»?

— Они и есть. Причем, как Ленка расписала, камни крупные.

³ «Красный» — ресторан в Одессе.

— Что значит крупные?

— Самый мелкий карат на пять. А есть и по двадцать.

Конечно, Сашка Фарт мог иногда и приврать. И все же в таком деле обманывать его, Каменского, Фарту не имело смысла. Сашку Фартушняка он знает наизусть. В школе учились в одном классе, вместе поступили в Кораблестроительный. Схожими оказались их пути и после института. Еще до защиты диплома и он, и Фарт решили, что ишачить по специальности не будут никогда. Оба были убеждены, что копейки, выдаваемые в заводских кассах, нормального человека могут только унижить. Естественно, свои дела они решили делать сами, не связываясь ни с жучьем⁴, ни с одесскими крупняками⁵. Фарт, всегда тяготевший к искусству, зарабатывал перепродажей картин и фармазоном с антикварными цацками. Миша, которого отец, директор одесского автопредприятия, устроил к себе водителем, мог при желании выбивать до двух сотен в день одним лишь извозом — но в последнее время все чаще стал переключатся на скок⁶. Четыре колеса и стекло, снятые за ночь, сразу давали ему две штуки. Но с какого-то времени Миша понял: даже эти две штуки для него не деньги. Так, случайный заработок, утекающий сквозь пальцы в течение нескольких дней. Если хочешь считать себя настоящему обеспеченным человеком, а он этого хочет, он должен взяться за что-то серьезное.

Миша усмехнулся. Сейчас, кажется, сама судьба вместе с Сашкой Фартушняком преподносит ему настоящее дело.

— Где же они у них лежат, эти камни? — спросил Мишка. — В сейфе? В тайнике?

— Не знаю, не спрашивал. Ты же сам сказал: Ленка ни о чем не должна догадываться.

— Все правильно, — отцедив в бокал все, что осталось в бутылке, Миша подумал: липы здесь быть не должно. Впервые услышав о камнях три месяца назад, зимой, он попросил Фарта уточнить, верно ли, что «алмазы шаха» существуют. Уточняла Ленка, жена Фарта. Дружит же Ленка с этой самой крутой москвичкой, Верониной Ларионовой, давно — они вместе учились в московском институте.

Но если все так, и камни существуют... Шутка ли, несколько алмазов по двадцать карат. Да будь у него хотя бы один такой, Фима Лернер, его ближайший друг и лучший ювелир Одессы, пойдет на все, свяжется со своими людьми там — но отсчитает ему не меньше ста штук. Причем не в рублях, а в валюте.

Не в силах усидеть на месте, Миша встал со стула:

— Фарт, пойду пройдуся.

По-хозяйски оглядев зал, Миша двинулся по ресторану. Здесь, в «Красном», он знал всех и вся.

Остановившись у колонны, Миша вдруг застыл — увидев, кто сидит через столик от него. Ну и деваха, подумал он. Та самая москвичка, ко-

торую он утром случайно подбросил от вокзала до центра. Он ее еле узнал. Брюнетка с голубыми глазами, фигура без единого изъяна. Впрочем, при чем тут фигура... Дело в ней самой. Интересно, кто она. Прикинута по фирме, и вообще, все при ней. На путану непохожа. Черт, девка в самом деле высший класс. Хорошо хоть допер не брать у нее пятерку, которую она ему совала. Поколебавшись лишь секунду, Миша подошел к столику. Убедившись, что москвичка его видит, чуть пригнулся:

— Добрый вечер. Вы меня помните?

Москвичка ничего не ответила, лишь поставила бокал и, полуобернувшись в его сторону, чуть заметно улыбнулась. Миша, всегда действовавший в таких случаях решительно, посмотрел на сидящего рядом с москвичкой парня лет тридцати:

— Извините, вы не против, если я приглашу вашу даму?

Москвичка не очень дружелюбно повела плечом:

— Молодой человек, если честно — я сегодня не настроена танцевать.

— Я вас очень прошу. Это будет всего один танец. Пожалуйста.

Миша отлично знал, что со своим ростом, светлыми кудрями и голубыми глазами пользуется у женщин успехом — но сейчас совсем не был в себе уверен.

Неизвестно, что подействовало на девушку, Мишин взгляд или что-то еще, но она наконец улыбнулась:

— Хорошо, что с вами сделаешь...

В центре зала, взяв недотрогу за талию и сделав несколько шагов в такт музыке, Миша сказал:

— Меня зовут Михаил.

— Очень приятно... Галя.

Танцевала Галя прекрасно. Ощувив легкое сердцебиение и усмехнувшись самому себе: «Что это со мной?», Миша пригнулся к ее уху:

— Простите, Галочка, рядом с вами за столиком муж? Или просто партнер?

Сделав несколько па, Галя насмешливо улыбнулась.

— Вам это так важно?

— Представьте, важно.

— Это мои друзья. Я приехала к ним в гости, ну и... Они решили показать мне Одессу. Мало того, что вы приглашаете незнакомую девушку, вы к тому же тут же начинаете вмешиваться в ее личную жизнь. Нехорошо. — Она произнесла это, глядя ему прямо в глаза, с явной издевкой. Насмешница, подумал Миша. Но, кажется, ради этой насмешницы он будет готов на все.

— Галочка, я понимаю, что лезу не в свое дело. И все же клянусь: лучше меня Одессу вам никто не покажет. Как у нас говорят, чтоб я пропал. Вы мне позволите показать вам Одессу?

Несколько секунд Галя танцевала молча. Наконец сказала, все так же насмешливо взглянув ему в глаза:

— Но мы ведь договорились станцевать всего один танец? Разве не так?

⁴ «Жучье» — жуками в преступном мире называют воров в законе.
⁵ «Крупняки» — в данном контексте — главари мафии.
⁶ «Скок» — воровство.

— Все так. Но если бы я знал, что действительно буду танцевать с вами только один танец, я бы тут же застрелился. Честное слово.

— Ого. Так можно и испугать. — Галя снова улыбнулась.

— Что вы, Галочка. Если вы испугаетесь, да еще по моей вине, я опять-таки застрелюсь. Прощу только одного: позволения пригласить вас еще на один танец. Потому что... — Он замолчал, вспомнив о семнадцати алмазах. — Потому что вы даже не знаете, в какой момент мы с вами встретились.

— Интересно. И в какой же момент мы с вами встретились?

— В очень важный. Во всяком случае, в моей жизни.

После танца, усадив Галю, Миша тут же послал к ее столику двадцать пять роз, без звука выложив за них официанту сто пятьдесят рублей. Во время следующего подаренного ему танца Галя сообщила, что остановилась у своих друзей, известных одесских художников. Что сама она учится в Москве на художественном факультете театрального училища. И наконец, уступив Мишиным просьбам, назвала номер телефона, по которому он мог бы с ней связаться.

Через две недели, в начале июня, Миша подвез Галю к вагону «СВ» фирменного поезда Одесса — Москва «Черное море». За это время у них, как принято говорить, все состоялось — но тем не менее на душе у Миши было сейчас пусто и хмуро. И причина тому была одна: он отлично понимал, что безнадежно вторился. Он, Миша Каменский, о любовных похождениях которого в Одессе ходили легенды, вдруг в свои двадцать шесть лет влюбился, как последний школьник. Да, две недели, которые он провел вместе с Галей, были похожи на сказку: они целыми днями катались то на катере, то на яхте, жили вдвоем в бунгало на пустынном берегу, каждый вечер заказывали кабинеты в ресторанах, а случалось им зайти к кому-нибудь из одесских ювелиров, Миша покупал Гале все, что она хотела. Все было так — но то, что в эти дни у него с ней, насмешливой москвичкой с потрясающей фигурой, все происходило как в сказке, Мишу сейчас ничуть не утешало. Во-первых, эта сказка стоила ему около десяти тысяч, из-за которых он по уши влез в долги. А что в итоге? Да ничего. Он всего лишь безнадежно влюбился. Без расчета на взаимность.

У входа в вагон Галя остановилась. Миша смотрел на нее, как зачарованный. На ней был голубой сарафан-мини, подчеркивающий красоту загорелой фигуры. Светлые глаза улыбались. Помедлив, Галя склонила голову набок:

— Вот и все, Мишенька. Будешь писать?

Миша мрачно усмехнулся:

— Хорошие шутки.

— Нельзя пошутить?

Миша не ответил. Хотя их отношения доходили до предельной близости, он сейчас понимал, что почти ничего о ней не знает. Все, что он смог выяснить: ей двадцать лет, она дочь каких-то крутых родителей, окончила английскую школу, сей-

час учится в театральном. Ясно, такая девочка всегда будет на первом плане. И с будущим при такой внешности у нее все будет в полном порядке. Выскочит замуж за какого-нибудь фирмача, и все. Он же в лучшем случае останется для нее неким Мишей из Одессы, с которым хорошо было проводить время.

— Ты что молчишь? — сказала Галя. — Что-нибудь не так?

— Все так. Учти, я скоро приеду в Москву. Уже без шуток.

— Ну и приезжай. Сразу звони, буду рада. И... — Холодная рука дотронулась до его шеи. — Запомни, Мишенька: мне с тобой было чудесно.

Светлые Галины глаза говорили совершенно точно: она не обманывает. Но при этом они говорят и другое: она ничуть не огорчена, что уезжает. Что ж, подумал Миша, так и есть.

Когда поезд скрылся вдаль, Миша решительно пошел к вокзалу. И, разыскав ближайший телефон-автомат, набрал номер Фарта.

Наконец-то Москва, подумал Миша. Мимо проскочила Триумфальная арка. «Москвич» шел нормально, мотор работал без перебоев. И вообще, все пока было как будто в порядке. После полуторасуточного перегона он не чувствовал никакой усталости — хотя от самой Одессы они с Фартом гнали почти без остановок. Причем большую часть пути Миша, не очень доверявший Фарту, вел машину сам. Конечно, им повезло, что вчера ночью вместо того, чтобы плутать по Москве в поисках снятой Дегтярем квартиры, они неожиданно достали места в мотеле. Именно поэтому сейчас, после нормального сна и утреннего кофе, он чувствует себя как огурчик. Судя по виду Фарта, у того тоже настроение неплохое. Отлично. Лучшим выходом будет, если им удастся сделать дело уже сегодня. Не светясь у Дегтяря и вообще где бы то ни было. Одесст Костя Дегтярь, Мишин приятель, тусующийся сейчас в Москве, был как будто бы человеком проверенным. Но Миша твердо решил: в этом деле он не будет доверять никому. И встречаться не будет ни с кем — пока они не возьмут камни. Даже с Галей, хотя сегодня утром он с трудом удержался, чтобы ей не позвонить.

— Едем к Дегтярю? — спросил сидящий рядом Фарт.

— Зачем к Дегтярю? Поедем сразу на место. Фарт недоверчиво посмотрел на Мишу:

— Ты решил сразу?

— А что ждать? Если увидим, что старуха одна, сразу и пойдём. Возьмем камни, и с концами. — Миша посмотрел на Фарта: — Очко работает?

— Да нет, при чем тут очко. Мы же решили. Некоторое время оба молчали, разглядывая летящий навстречу Кутузовский проспект. В том, что предстоящая операция им удастся, Миша был абсолютно уверен. Процесс он разработал до тонкостей. Конечно, он чувствовал сейчас легкое волнение, но не больше. А вот состояние Фарта внушало ему некоторые опасения.

После довольно долгого молчания Фарт сказал:

— Ну а если она будет не одна?

— Подождем, пока останется одна. Ты же сказал, Вероники сейчас нет в Москве? Они где-то вместе с Ленкой?

— Да, они в пансионате в Рузе.

В сердце Фарта слова «они где-то вместе с Ленкой» отозвались болью. Именно сейчас, когда он вдруг понял, что влюблен в собственную жену по уши, в их отношениях наметились нелады. Но поскольку Фарт считал, что Миша пока не должен знать об их неладах, он решил своих переживаний не выдавать. Лишь добавил, изображая невозмутимость:

— Все же кто их знает, этих баб. Мало ли.

Кажется, Фарт действительно мандражит, подумал Миша. Что ж, придется терпеть. Ведь если бы не Фарт, он бы вообще не узнал о существовании камней. Покосившись, Миша выдавил:

— Мало, не мало, все равно едем сразу на место.

Перед Киевским вокзалом Фарт сказал:

— Сейчас направо, вдоль реки. Это и есть Бережковская набережная.

Свернув на набережную, Миша чуть сбавил ход и посмотрел на Фарта. Тот кивнул:

— Вон он, этот дом. Впереди справа, длинный девятиэтажный.

— Какой у них этаж?

— Третий.

— Окна выходят сюда?

— Часть сюда, часть во двор.

— Покажешь?

— От второго подъезда первые два окна. По ходу. Видишь?

— Вижу. — Мельком взглянув на указанные окна, одно из которых было открыто — значит, хозяйка дома — Миша заинтересовался: — Не помнишь, какие комнаты выходят сюда? Спальня, кухня?

— Сюда, кажется, выходит кухня. И еще одна комната, я в ней не был.

— А во двор?

— Во двор гостиная и спальня.

— Что у них за двор? Там что, другие дома?

— Нет, других домов там нет. Забор, потом котельная. И железнодорожные пути. Тут же рядом вокзал.

Некоторое время оба молчали, разглядывая давно проснувшуюся иконьскую набережную, речные трамваи на Москве-реке, надвигающийся железнодорожный мост. Наконец Фарт сказал:

— Только, Камень, смотри: делаем, как договорились.

— Что значит как договорились?

— Без мокрухи.

Миша знал, рано или поздно Фарт скажет что-нибудь подобное. Фарт всегда был трусоват, еще со школы. Что ж, с партнером ему не очень повезло. Конечно, убивать в его планы не входит, но если он поймет, что старуха сможет их заложить — он кокнет ее, не раздумывая. Когда дело касается семнадцати алмазов, надо быть готовым на все. Но Фарта нужно успокоить.

Помедлив, Миша сказал:

— Не дрейфь ты, не сделаем мы ничего твоей старухе. Я сам на мокрое не пойду, я же себе не враг. — Посмотрел направо: — По-моему, там есть где встать?

— Есть. Просто я предупредил: все, что хочешь, но без мокрухи. Запомнил?

— Запомнил.

Повернув сразу после моста направо, Миша въехал на насыпь. Довольно скоро он увидел удобное для наблюдения место: два дома старой постройки, один из которых, судя по выбитым стеклам, предназначался на снос. Поставив машину между ними и убедившись, что нужный им на той стороне реки дом виден отлично, Миша кивнул:

— Ну что, Фарт, бери бинокль. Наверняка она уже встала.

Вглядываясь сквозь окуляры в двигающуюся по кухне сухонькую фигурку хозяйки квартиры, Саша Фортуньяк думал сейчас лишь о том, как бы ему исхитриться, чтобы в этот свой приезд попасть в Рузу и объясниться наконец с Леной.

В свое время Фарт женился на Лене не столько по любви, сколько потому, что в те же сроки решил жениться и его друг Миша Каменский. Правда, через год после свадьбы Миша и его жена, известная одесская красавица и дочь академика Жанна Пустовойт, безболезненно разошлись. Миша, к которому женщины всю жизнь буквально липли, в результате развода ничего не потерял. Ему не помешало даже наличие годовалого сына, все заботы о котором взяла на себя семья академика. Он же, Фортуньяк, лишь теперь, на третьем году женитьбы, понял, как легкомысленно отнесся когда-то к будущим отношениям с Леной — одной из красивейших девушек Одессы. Тогда он видел в ней лишь «престижную невесту», дочь заместителя начальника пароходства — и только. Идиот. Для того, чтобы привлечь Лену, он в ту пору не нашел ничего лучше, чем наврать ей — назвавшись молодым художником. Для убедительности он даже несколько раз показал Лене чужие картины, выдав их за свои. Молодой художник... Да он и кисти как следует держать не умеет. Ясно, что Лена скоро поняла, что он никакой не художник. И все же, Фортуньяк был убежден, Лена бы ему все это простила. Да, простила — если бы не ее лучшая подруга Вероника Ларионова. Он мог поклясться, их отношения с Леной Вероника испортила умышленно. Собственно, об «алмазах шаха» Фортуньяк сообщил Мише именно потому, что хотел отомстить Веронике — делающей, как он считал, все, чтобы разлучить его с Леной. Конечно, он рисковал; ведь если бы Лена узнала о его предательстве, она никогда бы ему этого не простила. Но Фарт был уверен: если им с Мишей повезет и они возьмут

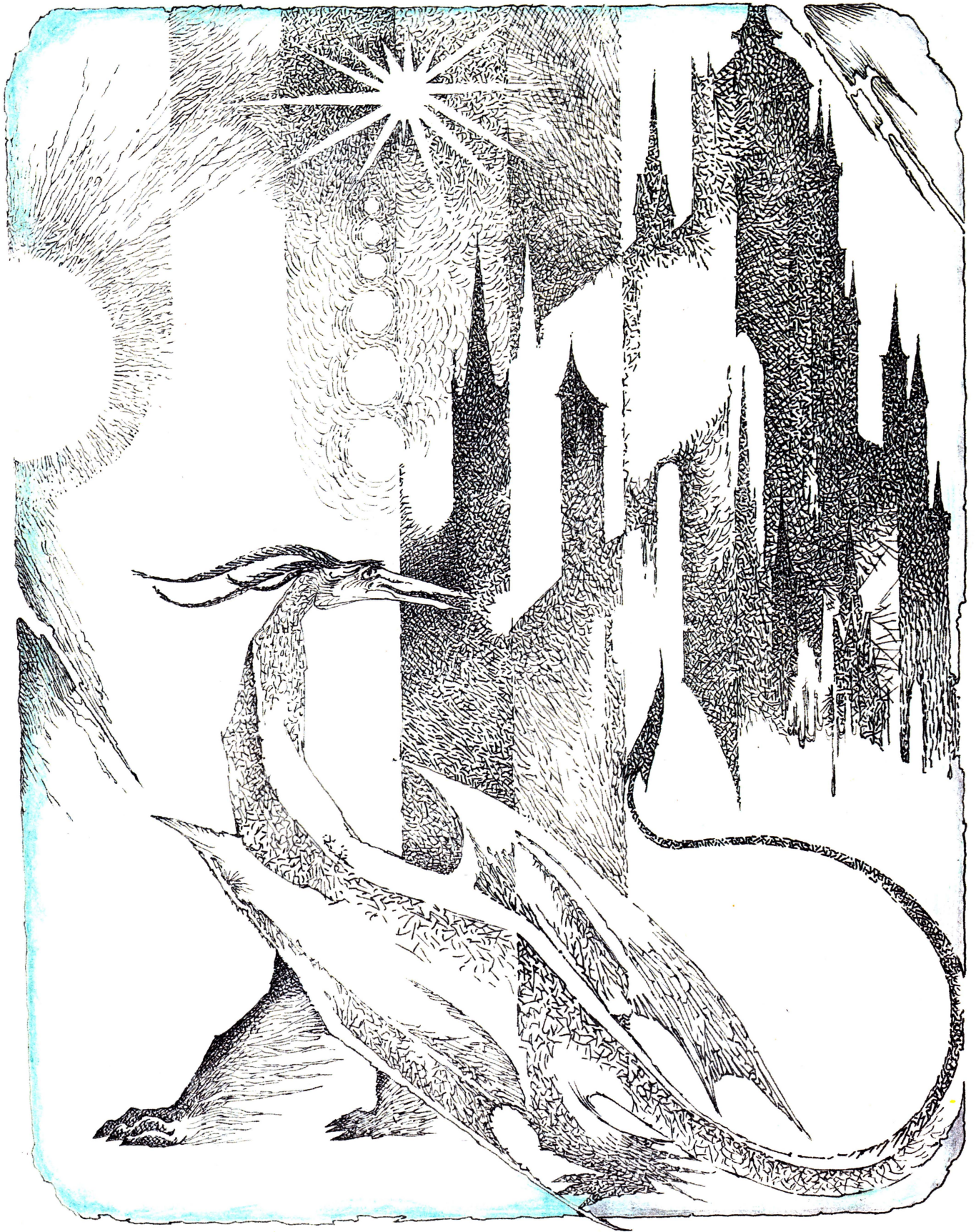
Продолжение на стр. 57

КНИГА ФАНТАСТИКИ
«УРАЛЬСКОГО СЛЕДОПЫТА»

„АЭЛИТА“

92

ФАНТАСТИКА ПОД МИКРОСКОПОМ

Викторина-92

Как и в прошлом году, наша викторина состоит из трех туров.

В первом туре вариант «А» содержит 14 конкретных вопросов, оцениваемых в 2 балла каждый. Вариант 1-Б представлен «рассказом» из цитат, дающим в сумме те же 28 очков.

Второй тур, как обычно, рассчитан на кропотливую работу с литературой — с самими произведениями, с различными критико-библиографическими изданиями. Здесь тоже два варианта. Каждая позиция в первом из них приносит 0,1 балла, а для второго будет введен уравновешивающий коэффициент.

Третий тур требует не столько количества произведений на заданную тему, сколько анализа, развернутой аргументации. Поэтому оценка здесь будет зависеть и от полноты ответа, и от стиля изложения.

В зачет читателям-одиночкам по-прежнему идет лишь один вариант в каждом туре. Если вы отвечаете вдвоем, вам необходимо выполнить двойную норму заданий; набранная сумма очков будет поровну поделена между вами.

Срок отправки ответов — 15 мая. Каждая лишняя неделя отнимает у вас 2 балла, а письма, отосланные после 1 июня, оцениваться не будут. Принимая во внимание «чудеса», происходящие со сроками доставки, мы учтем опоздание январского номера, если вы получите его существенно позже 15 февраля (желательно подтвердить это справкой из почтового отделения), однако более трех недель не сможем добавить вам и в этом случае.

Просим указывать свой возраст (а школьников — класс, в котором учитесь), полное имя и отчество, дату отправки письма — почтовый штемпель зачастую неразборчив, а то и вовсе отсутствует.

По итогам всех туров будут выявлены победители, каждый из них получит книгу с автографом отечественного писателя-фантаста. Это же ждет и тех, кто, участвуя в трех викторинах подряд и ни разу не попав за это время в список призеров, победит в борьбе за специальный приз — «за упорство и волю к победе».

Подобрать вопросы для викторины нам помогли на этот раз Е. Акулова (с. Рассказиха Алтайского края), Р. Гукова (Чистоозерное Новосибирской обл.), А. Ефимов (Тамбов), О. Лукошин, С. Некрасов (Каменск-Уральский), И. и В. Почиталины (Орск), А. Суторихин (Свердловск), А. Рубан (Стрежевой Томской обл.), О. Федоркин (Мытищи), А. Фисенко (Липецк), М. Чупин (Улан-Удэ); рассказ из цитат составил В. Ильин (Москва).

I-A

1. «...И пожелал господь, чтобы у человека было одно тело, одна голова, две руки и две ноги. Каждая рука должна оканчиваться ладонью, и каждая должна иметь пять пальцев, и на конце каждого пальца должен быть ноготь...» Где в ранг заповеди возведено столь необычное определение Человека?

2. «По городу пронесся нелепый слух о новых ограничениях: чтобы покончить с нехваткой продовольствия и обеспечить им деятельную, полезную часть населения, якобы решено предать смерти не приносящих пользы едоков — рантье, пенсионеров, стариков, безработных и прочих тунеядцев». Откуда эта столь злободневно звучащая цитата?

3. «Впервые облако антинейтрино было замечено, когда оно пересекало орбиту Юпитера 3 января 1993 года, и, поскольку трудности уже при его выявлении существовали немалые, даже астрономы в своих ранних докладах без особых угрызений совести называли объект «облаком». Лишь через месяц этот термин выпал из употребления, и появилось более точное, хотя и не совсем верное, определение...» Какое именно?

4. «Театр без зрителей... Сценой этого театра выбрали кусок казахских степей. Здесь будут играть полтора миллиона актеров. Большинство из них никогда не ступало ногой на сцену, даже на любительскую».

Три недели без перерывов и антрактов, три недели днем и ночью

должно длиться эпохальное представление «Гражданская война в России».

Кем предложен такой способ изучения отечественной истории?

5. «Ощущение счастья не зависит от масштабов события. Много лет ожидаемая победа, завершение бесконечного труда, окончание длительного путешествия могут вызвать усталость или даже разочарование. Неожиданная мелочь может переполнить человека счастьем». Откуда взято это рассуждение?

6. «— Как будто человек, — сказал он и выпрямился. — Пока что моя теория еще не доказана, но есть надежда, есть надежда. Однако не очень-то увлекайтесь этим зрелищем. Среди нас есть ведь некоторые, которым оно не по вкусу». Кто эти некоторые и какое именно зрелище им не по вкусу?

7. «Единственной защитой от человека был сам человек. И, осознав это, алмазный лес выработал свою линию поведения». В чем она заключалась?

8. «— Так вы говорите, человек-муха? Ха-ха-ха! До сих пор люди умели из мухи делать слона, а вы хотите из мухи сделать человека».

— Не из мухи человека...

— А из человека муху? Час от часу не легче. Ха-ха-ха!»

Где произошел этот диалог?

9. «Они уже начали высматривать по сторонам место для ночевки, когда сзади вдруг донесся отчетливый и памятный до ужаса стук копыт. Все разом оглянулись, но напрасно: дорога только что круто свернула. Стремглав бросились они вверх по склону...» Кто эти путники? И почему они так встревожились?

10. «Таким образом, в системе «человек — машина» компьютер берет на себя функции прежних правительств, причем, выполняя идеально их обязанности, оказывается полностью свободным от их недостатков. Он является совершенным орудием управления — бескорыстным и неутомимым — на службе у человека». Где можно найти это утверждение?

11. «Сгорел дом на Пушкинской, в шести других местах с трудом потушили пожары». Как говорится, где эта улица, где этот дом?

12. «— Я же не утверждаю, что все это правда. Я просто рассказываю тебе известную у нас на Пирре легенду о том, как мы туда попали. Но раз и у вас есть такая же легенда, значит, в ней есть хотя бы доля правды».

О какой легенде идет речь?

13. «— Я точно не знаю, — сказал он. — Я не очень-то в технике... Явление сверхпроводимости при обычных температурах. Что-то там с магнитным полем, как-то оно вытесняется куда-то наружу из тела. Ну, и возникает возможность пре-

одолеть гравитацию. Что-то вроде этого».

Где реализована эта возможность?

14. «Горбачев ехал как раз в тот район катангской тайги, где несколько лет назад погиб его дядя. Об этой трагической истории писали в газетах». Кто этот Горбачев, и что за история приключилась с его дядей?

I-B

В помещенном ниже «рассказе» некто от своего лица делится впечатлениями о прогулке по Городу, описание которого сложено, словно мозаика, из 28 отрывков, взятых из 16 произведений Аркадия и Бориса Стругацких.

Попытайтесь «опознать» цитаты; укажите, из каких произведений они взяты.

В странном городе

Я облачился в лучший свой костюм и вышел из дому без четверти два. Лифт не работал. То есть совсем не работал, ни большая кабина, ни малая.

Я пошел спускаться пешком. И кого же я повстречал на площадке между восьмым и седьмым этажом?

Между седьмым и восьмым этажами сидел, скорчившись на ступеньках, какой-то маленький жалкий человечек, положивши рядом с собою серую старомодную шляпу... Я увидел, что лицо у него вымазано чем-то черным — то ли грязью, то ли сажей, — смешные очки перекошены, а маленький рот плотно сжат, словно он терпит сильную боль. Это был огненно-рыжий горбун в душном черном костюме. Сорочка под пиджаком у него была тоже черная, а галстук — белый...

И кто-то забыл, или бросил за ненадобностью, или потерял в панике ветхий полуоткрытый чемоданчик на лестничной площадке четвертого этажа, и высовывалось из чемоданчика вафельное полотенце сомнительной свежести...

У подъезда толпился народ, стояли неподвижно и ерзали, пристраиваясь поудобнее, многочисленные автомобили: милицейская ПМГ с мигалкой, «скорые», газик и еще четыре «Волги» — три пропыленные, жеваные, черные и одна новенькая, ослепительно белая. Половина проезжей части была всем этим перегорожена. Проезжающие машины притормаживали, останавливались, гаишник с жезлом прогонял их прочь, покрикивая высоким голосом.

Никогда в жизни не видел столько милиционеров сразу, разве что на стадионе. И какая-то непривычная атмосфера всеобщего подъема, нервического, лихорадочного, нездорового, словно все слегка «приняли» то ли для смелости, то ли для бодрости. Такое впечатление, будто никто сегодня не пошел на работу. Атмосфера не то вокзала, не то банка. Атмосфера предвкушения.

На обширном газоне расположился странный лагерь. Прямо под дождем расставлены кровати, шкафы, столы и стулья, кресла — не походная мебель какая-нибудь, а дорогие спальни и кабинеты, безжалостно и противостественно извлеченные из особняков и апартаментов. Тут и там торчат роскошные торшеры, которые, разумеется, не горят, трюмо и трельяжи, по зеркалам которых толстой пленкой стекает вода. И здесь полно людей, которые ходят, лежат и даже, кажется, спят под пропитанным водой одеялами. Мужчины и женщины, старики и старухи, все в одинаковых плащах-балахонах в черно-белую шахматную клетку...

Главная улица была пуста и затянута тяжелым ночным туманом, хотя по часам было пять пополудни. Впереди туман имел красноватый оттенок и беспокойно мерцал. Время от времени там ярко вспыхивали пятна белого света — то ли прожектора, то ли мощные фары, — и оттуда, глухо сквозь туман, перекрывая иногда грохот колес и перестук копыт, доносилась пальба. Что-то там происходило.

Люди на тротуарах стояли столбом, закинув головы и выкатив глаза. Грузовик, мчавшийся навстречу, затормозил с диким визгом, врезался в газетный киоск, из кузова посыпались люди с лопатами и начали строиться в две шеренги. Какой-то охранник прошел мимо строевым шагом, держа винтовку на караул.

Проспект вливается в очередную площадь. Собственно, это не совсем площадь — просто справа располагается полукруглый сквер, за которым желтеет длинное здание с вогнутым фасадом, уставленным фальшивыми колоннами. Фасад желтый, и кусты в сквере какие-то вяло-желтые, словно в канун осени, и поэтому я не сразу замечаю посередине сквера еще один «стакан» — цилиндр высотой метра с два и метр в диаметре, из полупрозрачного, похожего на янтарь материала. Он стоит совершенно вертикально, и овальная дверца его плотно закрыта.

Через площадь медленно и совсем не производя никакого шума двигалась очень странная машина черного цвета, словно бы вовсе без колес, без окон и без дверей. За

нею с криками и свистом бежали мальчишки, некоторые пытались прицепиться к ней сзади, но она была совершенно гладкая, как роля, и прицепиться им было не за что. Очень необычная машина.

Тяжелое округлое здание мэрии возвышалось над площадью как пятиэтажный бастион. Почти все окна были темны, только в некоторых горел свет, и еще тускло и желтовато светились выведенные наружу колодцы лифтов. Лагерь фермеров окружал здание кольцом, между телегами и мэрией пролегало пустое пространство, освещенное яркими фонарями на фигурных чугунных столбах. Под фонарями толклись фермеры, почти все с оружием, а напротив них, у входа в мэрию, стояла шеренга полицейских — судя по знакам различия, преимущественно сержантов и офицеров.

Из дверей библиотеки торчал бесконечно длинный ствол пушки с толстым дульным тормозом, а на противоположной стороне улицы догорал сарай, и по пожарищу бродили озаряемые багровым пламенем люди в картонных масках и с миноискателями.

На площадь величественно, не пригнув собой ни единой травинки, опустился, весь золотистый и лоснящийся, словно гигантский караван, псевдограв класса «пума» из самых новых, суперсовременных, и тотчас же лопнули по обводу его многочисленные овальные люки, и высыпали из них на площадь длинные, загорелые, деловитые, громкоголосые — высыпали и потащили какие-то ящики с раструбами, потянули шланги с причудливыми накопниками, засверкали ближдетекторами, засуетились, забегали, замахали руками...

Обойдя площадь, я обнаружил: кинотеатр, где шла «Козара», книжный магазин, закрытый на переучет; горсовет, перед которым стояло несколько основательно пропыленных «газиков»; гостиницу «Студеное море» — как обычно, без свободных мест; два киоска с газированной водой и мороженым; магазин (промышленный) № 2 и магазин (хозяйственных) № 18; столовую № 11, открывающуюся с двенадцати часов, и буфет № 3, закрытый без объяснений.

Вечер был красив, и если бы не черные стены справа и слева, медленно растущие в синее небо, он был бы просто прекрасен: тихий, прозрачный, в меру прохладный, пронизанный косыми розоватыми лучами солнца. Людей на шоссе оставалось все меньше и меньше: многие ушли в степь...

Окончание на стр. 55

Владислав
Крапивин

ОЦМАН

Хроника неоконченного
путешествия

Рисунки П. Крапивина

ПОБЕГ

1. Санитарный переулок

Утро было прекрасное, сверкающее. Только росы — чересчур. Я, когда пробирался сквозь кусты больничного сада, то кряхтел и вздрагивал. Тренировочный костюм (он был у меня здесь вместо пижамы) промок, словно от дождика.

Я раздвинул в заборе две доски, подобрал живот и протиснулся на волю, в тихий Санитарный переулок. И сразу увидел милейшего Артура Яковлевича — главного, ведущего и руководящего специалиста нашей больницы. Какая холера принесла его в такую рань?

Докторские очки заискрились иронично и доброжелательно:

— О-о!.. Доброе утро. Как вы себя чувствуете?

— В данный момент — как полсотни лет назад, когда впервые забрался в чужой огород, был замечен, зацепился лямкой за штакетник и повис...

Артур Яковлевич хохотнул, колыхнул таким же, как у меня, животиком.

— Ну, зачем же так. В вашем поступке нет криминала, утренний променаж даже полезен.

Значит, он не догадался.

— Да, — подыграл я. — Маленький заряд бодрости для чахнувшего пенсионера.

— Какой же вы, батенька, пенсионер! Люди вашей профессии на пенсию, по-моему, вообще не уходят. Да и с возрастом вы пока не совсем дотянули.

— Дело не в возрасте, а в состоянии духа и тела...

— Дух — это сугубо зависит от вас. А что касается тела, то мы стараемся... И, кажется, не без успеха. Меня вдруг сильно царапнуло раздражение.

— Бросьте, доктор. Вы же знаете, что это неизлечимо.

— Голубчик мой... Все мы неизлечимы, если исходить из соображения, что всякий человек смертен.

— Вы прекрасно понимаете, что я не о том...

— А если иметь в виду «то»... Я уже объяснял вам, что острый процесс можно задержать и перенести в вяло текущее хроническое заболевание. Люди с этим живут и живут. И у вас есть все шансы дождаться правнуков...

— Ну-ну... Моей старшей внучке два с половиной года.

— Тем лучше для вас! — жизнерадостно воскликнул он.

— Пожалуй... — хмыкнул я. И согнул локти, приняв положение для бега трусцой.

— Только без перегрузок, Игорь Петрович, — с легкой тревогой предупредил доктор. — И недолго. Сегодня на обходе будет профессор Красухин, надеюсь, вы не опоздаете.

— Я тоже надеюсь, — ответил я светски. И надеялся в этот миг на обратное: что вижу ни в чем не виноватого Артура Яковлевича последний раз в жизни...

2. Развалины

Моя однокомнатная обитель оказалась в полном порядке. Даже грязная посуда была теперь вымыта. Кто-то приходил, прибирался. Возможно, Тереза...

Я переоделся (даже галстук надел), сунул во внутренний карман паспорт и все, какие были, деньги. Взял плащ и выволок из-за дивана свой «командировочный сидор» — объемистый портфель, в котором лежало все необходимое для многодневных поездок. В срочные командировки я давно уже не ездил, но по привычке держал «сидор» наготове.

Платком я стер с портфеля пыль, погладил, как кошку, свою старенькую пишущую машинку, на кухне закрыл потуже краны, вышел и, не оглянувшись, хлопнул за собой дверь.

Тут же из двери напротив юрко высунула голову соседка — остроносая, любопытная и молодящаяся старушка.

— Игорь Петрович! Как я рада! Вас выписали?

— Как видите, уважаемая Римма Станиславовна. Счастлив вас приветствовать...

— А у меня для вас целая груда почты... Всякие конверты из редакций! Заходите! А я чайку...

— К сожалению, весьма спешу. Бог с ней, с почтой... — Пустовато было у меня на душе. Но не печально. Бездумно...

— Только из больницы и сразу уезжаете куда-то.

— Что поделаешь, работа. Специально отпросился у врачей пораньше, — скользил я со своим враньем, как по гладкому стеклу. — Рад был вас видеть...

— Что передать Терезе Владимировне, если зайдет?

— Что я нашел вас еще более похорошевшей.

Старушка расцвела, а я, прихрамывая, спустился на первый этаж и вышел на двор. У подъезда цвели яблони и каталась на трехколесных велосипедах малышня, по-летнему пестрая и голоногая. Уже припекало, день обещал быть очень теплым.

Я пересек двор и вошел в полуразрушенный, ожидающий сноса квартал. Здесь было тихо, только шуршали крыльями воробьи. Кучи прошлогоднего мусора уютно покрывала свежая, яркая трава, в ней горели желтые огоньки мать-и-мачехи.

За остатками забора из кирпичных столбов и железных копий стоял двухэтажный особняк с выломанными рамами и полуразобранной крышей. Он был сложен не из кирпича, а из чужого в здешних местах пористого желтоватого туфа. Я вошел в разоренные комнаты. Солнце било в оконные проемы. Стараясь не смотреть на изрисованные мальчишками обои, на битые бутылки по углам, я поднялся на второй этаж. Глянул в окно (заранее знал, в какое, не первый раз).

Кирпичные башенки с флюгерами на крыше соседнего дома, причудливая верхушка тополя, далекая белая колокольня, голубятня над забором, несколько чердачных выступов и край моста над рельсами пригородной линии привычно сложились для меня в рисунок нездешнего города. Безоблачная, чуть дымчатая синева за крышами и башнями напоминала туманное море, когда оно в отдалении встает вертикально, как стена... Я закрыл глаза.

Может показаться, что я занимался игрой, не свойственной солидному человеку. Но, во-первых, множество взрослых людей живет, веря в приметы и соблюдая спасительные ритуалы, только никому не признается в этом. А во-вторых, без такой «игры» я за последние годы не написал бы ни одной стоящей строчки... И кроме того, именно взрослый опыт постепенно убедил меня, что граница между игрой и настоящими делами, между сном и хитрой реальностью кристаллических граней часто не прочнее мыльной пленки. Иначе какой был смысл думать о Тетради?

Итак, я закрыл глаза и среди запахов заброшенного жилья и плесени, сухого мусора и свежей травы на пустыре различил и вдохнул запах нагретых солнцем южных камней — тех, из которых был сложен дом... И — оказался в храме.

3. На берегу

На самом деле этот разрушенный храм стоял на краю раскопок древнего черноморского города, и я был в нем всего один раз, давно и случайно. Однако теплого запаха камней было сейчас достаточно, чтобы вспомнить пористые глыбы песочного цвета, плавные

закругления арок, выпуклые византийские кресты на фронтонах, пробитый лучами сумрак, тусклую смальту оспаляющихся мозаик и желтоватый мрамор колоннады... Не открывая глаз и оставаясь на месте, я в то же время быстро шагнул теперь к лестнице. И смотрел по сторонам.

В храме был обрушен купол, в сводчатых окнах не осталось переплетов и стекол. В проломе крыши я увидел очень синий зенит с волокнистым белым-белым облаком. Но глянул туда я лишь мельком, смотреть надо было под ноги. Деревянная (видимо, временная, хотя и очень старая) лестница вела на галерею, которая тянулась вдоль стены на уровне второго этажа. Я поднялся и пошел по галерее. Слева были деревянные перила с балясинами (как на антресолях в старом купеческом доме), справа — стена с мозаичным узором из листьев и провалы окон, за которыми холмы с серой полынью и море. Скоро я вышел на площадку с двумя колоннами. Солнце отражалось от дальней стены, и здесь был рассеянный прохладный полусвет.

Сколько мне лет? «Полсотни с большим хвостом»? Или двадцать? (Ничего не болит, и в мускулах под загорелой кожей веселая упругость.) Или я уже совсем мальчик, как в недавних детских снах. Не знаю, сейчас я не вижу себя. Я вижу картину, висящую низко над полом.

Не решаюсь назвать ее иконой. Скорее всего, это просто портрет. Видимо, копия (а возможно и подлинник) итальянского или голландского мастера. Какого — не знаю, никогда не видел репродукций. Это Мать со своим Мальчиком. Она, в зеленом платье и полупрозрачной накидке на волосах и плечах, сидит, облокотившись на низкий высеченный солнцем подоконник (а за окном — размытые в знойной дымке горы и убогие домики Назарета). Лицо у нее молодое — но не такое молодое, не полудетское, как часто бывает у изображений Мадонны. Спокойными светло-кариими глазами она смотрит перед собой, но каждой клеточкой тела, каждым нервом льнет к Сыну, словно любовью своей и тайной тревогой хочет окутать его, как силовым защитным полем, заслонить от грядущих бед.

А Мальчик ее — уже не дитя на руках у мамы, как мы привыкли видеть на многих картинах «Мадонна с Младенцем». Этакий непоседа лет восьми, тощенький, загорелый, с искорками в синих глазах. Мягкая холщовая тряпица обернута вокруг бедер, на коленке подсохшая ссадина, в руке корявая палка (небось от сухой смоковницы). Верхом на этой палке он, наверно, только что скакал с приятелями по плоским крышам и каменным ступеням. И вдруг спохватился, примчался к маме: «Ну что ты, я не так уж и баловался. Вот он я, ничего со мной не случилось». Встал рядом, щекой прижался к ее плечу. На лице — еще не остывший задор игры, но тут же и ласковость, и капелька виноватости... А позади этих чисто ребячьих настроений и чувств заметна, прячется легкой тенью, таится в зрачках недетская задумчивость. Ибо Мальчик ведает будущее. И свое, и других. И знает, что маме оно тоже предсказано.

«Ничего... Не бойся...»

Но сейчас они прервали свой молчаливый разговор и смотрят на того, кто подошел к ним. Смотрят с пониманием и без упрека, хотя никто из приходящих не бывает без вины.

Я встаю на колени, лбом касаюсь гладкой некрашеной рамы — от нее пахнет еловой смолой.

«...Простите меня, и пусть простят меня те, кого я оставляю: у меня ведь тоже нет обиды на них, просто пришел час пути... И на этом пути, который мне еще остался, дайте капельку радости и спокойствие души. И... если можно... пусть я найду то, что ищу...»

Что-то греет мне левую щеку. Это рядом с картиной на низком кованом кронштейне висит лампадка

из гладкого синего стекла. Похожая на чернильницу-непрорливашку, с какой я когда-то бегал в школу. В ней на поверхности масла качается круглый огонек (сквозь стекло он кажется голубым). Я окружаю хрупкую посудинку ладонями, не касаясь стекла. Тепло от огонька нарастает, пушисто щекочет ладони — значит, огонек набрал силу... Я снова трогаю лбом пахучее дерево еловой рамы. И будто слышу тихое: «Ладно уж, иди». Так говорила мама, когда я отпрашивался на речку или в ближний лес.

Я подымаюсь — легкий, счастливый, сбросивший весь ненужный груз. Вся моя ноша на плечах — выцветшая майка, замшевые помочи да невесомость десяти неполных лет жизни. Прямо с площадки, от возникшей рядом с картиной открытой двери уходит вниз каменная лестница. Я кидаюсь в радостное пространство солнца, знойных трав и морского горизонта — прямо грудью в упругий приморский воздух. По ступеням, по крутой тропинке с холма. Шипастые шарики высоких сорняков чиркают по ногам, стертые подошвы сандалий скользят по перламутровым осколкам ракушек мидий, устилающим тропинку. Еще немало и там — вырубленная в скалах лесенка, а под ней узкий галечный пляж, заваленный бурными мочалками водорослей, по которым прыгают стеклянные морские блохи... Ногами — дрыг, дрыг, и сандалии летят в стороны. Дернуть плечами, чтобы слетели лямки, перепрыгнуть через упавшие с ног тирольские штанишки, майку — долой через голову! И сразу, чтобы не калечить ступни на скользких подводных камнях — бултых пузом! А потом несколькими гребками — в сине-зеленую, кусающую мурашками глуть, где качаются размытые пятна медуз. Это будет сейчас, сейчас!

...Но нет, не все так просто в жизни. Я замедляю бег.

4. Развилка

Я замедляю бег.

И вот уже опять взрослый, страдающий от жары и сомнений, с плащом на локте и тяжелым портфелем у ног, стою перед серым камнем. Он похож на громадный плавник. Торчит на развилке тропинки.

Никакой надписи на камне, конечно, нет. Но все равно это неспроста. Не впервые он у меня на пути. И сколько раз я поворачивал направо, к морю! Может быть, и сейчас?

«И что дальше? — безжалостно спрашиваю я себя. — Пять минут ребячьей радости. А потом?»

«А потом... я вернусь и пойду налево...»

«Не получится. Потому что пляж и море — это короткий сон, после которого ты опять очнешься на больничной кровати и увидишь пыльный белый потолок с трещинами...»

«Нет! Я же ушел отсюда...»

«...А дорога налево — это всерьез... Минутное счастье детского сновидения и долгий путь наяву не соединить...»

Я стою, опустив голову. Желтая, с седыми волосами гусеница ползает снизу по моим брюкам, прямо по стрелке. Вот ведь глупая, выбрала дорогу... А как вообще выбирают дорогу? Мы сами ее выбираем или судьба?

«Ты сам выбрал... И огонек разгорелся — значит, правильно.»

«Огонек мог и не знать, куда я поверну от камня. Просто подсказал: иди и выбирай...»

«Вот я и выбираю... Может, пойти окупиться?»

«Ох, не надо...»

«Ага... «Не пей, Ванечка, из копытца, в козленочка превратишься...» А может, в этом и есть главный смысл: превратиться в козленочка и прыгать бездумно и радостно...»

«А как же разгадка Горы? А Книга?.. А Тетрадь?..»
«Ничего этого нет,— насупленно говорю я себе.—
По крайней мере, Тетради...»

«Как знать... А главное, наверняка есть Причал.
И там ты все равно вернешься к морю...»

«Если дойду»,— вздыхаю я про себя. Сухим стеблем сбрасываю гусеницу. Иду, сутулясь, к бетонному капониру на обрыве. Это остатки береговых укреплений времен последней войны. Полуоткрытая ржавая дверь вросла в кремнистую землю. Я протискиваюсь в полумрак, в запах сырого бетона и железа. Прикрываю ладонью глаза. Сейчас я опущу руку и окажусь на старом месте: в разрушенном особняке.

Так и есть. Рваные обои, битое стекло. Но за окном — как награда и обещание радости — ветка яблони, вся опушенная цветами. А в ладонях еще хранится тепло огонька. И я вдруг вспоминаю (я всегда это знал, но почему-то в последнее время выпало из памяти), что есть простое и верное начало пути.

Надо на трамвае доехать до Центрального рынка, там сесть на другой трамвай — старую дребезжащую «тройку» — и через десять минут окажешься у кольца. Там тихо, между шпалами растут осот и подорожники. От этого кольца отходят несколько пригородных веток — на озеро, на электростанцию, на садовые участки. А есть еще одна — по ней трамваи давно не ездят, рельсы поржавели. По этой ветке надо пойти пешком, и скоро... скоро будет то, о чем знают немногие. А может быть, никто не знает, кроме меня!

5. Поезд «Пилигрим»

По ветке с поржавевшими рельсами я шагал минут пятнадцать. Она тянулась между серых кривых заборов, за которыми, как и в городе, густо белел яблоневый цвет. Потом заборы разошлись. Слева оказался

луг, а справа заросшее болотце. А рельсы сделались блестящими. У края полотна я увидел шест с прибитой фанеркой, на ней черные буквы:

Ст. НАЧАЛЬНАЯ

Не было ни навеса, ни скамейки. Я сел на валявшийся в траве рассыпавшийся бочонок. Из бочонка неторопливо вышла серая, размером с голубя, птичка — с хохолком и на высоких ножках. Посмотрела очень умно: «Ждешь? Ну, жди, жди...» — словно что-то про меня знала.

— Кис-кис, иди сюда,— сказал я, хотя это было глупо. Лучше бы уж «цып-цып». Но птичка не удивилась и не обиделась. Превратилась в серого котенка. Я тоже почему-то не удивился. Хотел дотянуться и погладить, но котенок шмыгнул в траву. Наверно, испугался гула рельсов и пыhtенья. Из-за кустов показались старинного вида желто-красные вагончики.

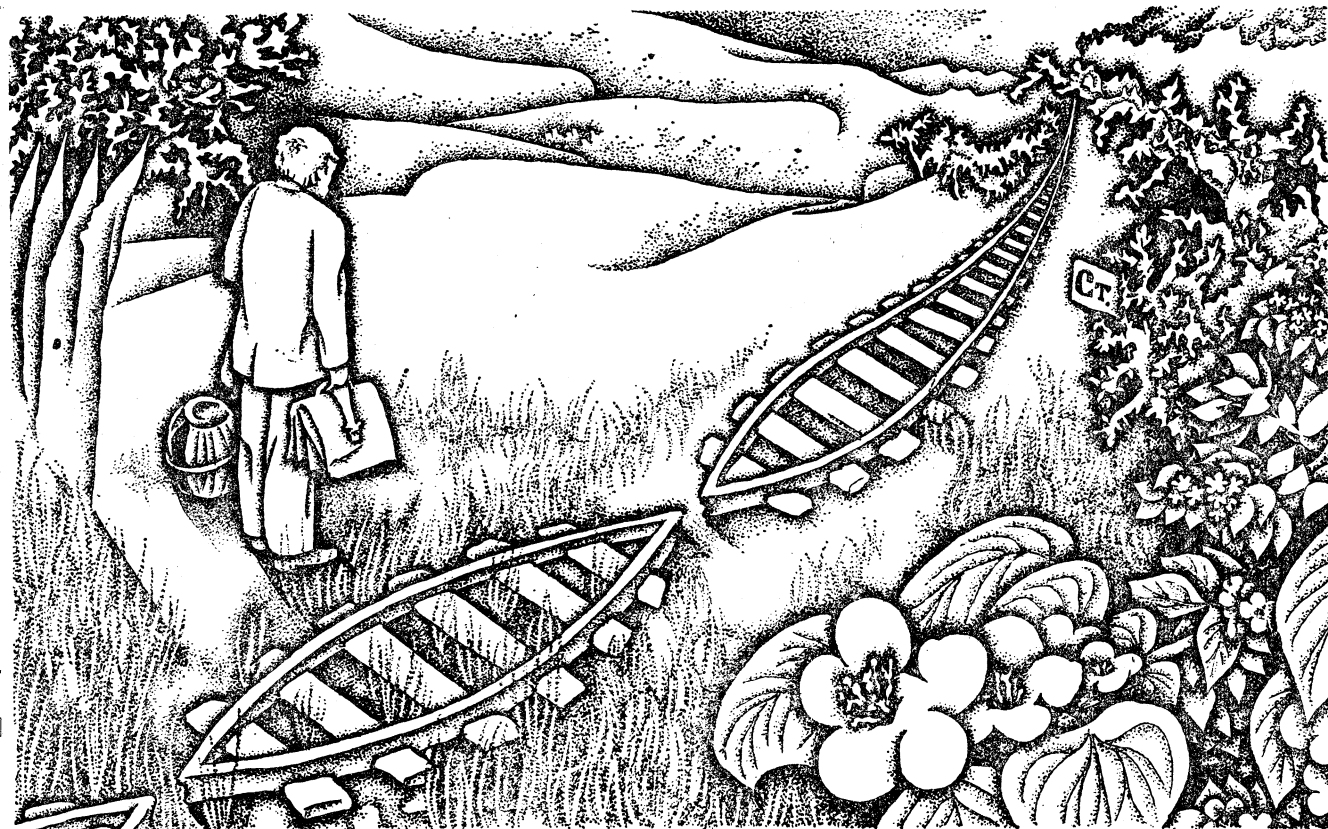
Это был не трамвай. Во-первых, нигде над вагонными крышами не торчала дуга (да и проводов над рельсами не было). А во-вторых, вагончики толкал маленький, будто в детском парке, паровоз. Пыльно-зеленый, но с начищенной, как духовой контрабас, трубой. По красному лаку вагонной стенки тянулись витиеватые, словно в старинном журнале «Нива», буквы:

Туристический кооператив

«Пилигримъ»

Раньше такого не было. (А вообще — это было?)

Паровозик выпустил из-под круглой топки пар, от которого пригнулись верхушки молодого бурьяна. Вагоны остановились, и я забрался в ближний по откидным ступенькам. Бросил в стеклянную кассу пятнадцать копеек (так требовала надпись на стекле),

оторвал длинный розовый билет и сел у окна. В вагоне было пусто. Блестели новым желтым лаком сиденья — одноместные, сколоченные из реек стульчики. Между ними тянулся широкий проход... Я опустил раму с пыльным стеклом. Поехали. Я высунул голову и тут же убрал, вдоль пути потянулись деревья, ветки разлапистых кленов заскребли по вагону.

Этот славный, игрушечно-самоварный поезд бежал резво, посвистывал, дребезжал, потряхивая себя на стыках. По вагону летала бабочка, похожая на солнечный зайчик. На соседнем сиденье катался туда-сюда забытый кем-то красно-белый рыбацкий поплавоч. Поезд ехал без остановок минут двадцать, потом начал останавливаться очень часто. Входили пассажиры: дядьки с садовыми лопатами, бабки с корзинами, юная компания с магнитофоном, который они, впрочем, тут же выключили. Вагон заполнился. Я отвернулся к окну. Там по-прежнему были клены и трава...

— ...Молодой джентльмен мог бы, наверно, уступить место пожилой особе...

Я вздрогнул. Это я молодой джентльмен? Увы, особа смотрела не на меня. Рослая старая тетка (в длинном сером пальто и старинной шляпе с сеткой и бисером) обращалась к мальчику. Тот сидел от меня наискосок, я видел над спинкой его плечи в потертой школьной курточке, давно не стриженные песочного цвета волосы и сильно загорелую щеку. Такие светловолосые, с тонкой белой кожей мальчишки быстро загорают под весенним солнцем... Даже сквозь загар заметно стало, что мальчик покраснел. Торопливо завозился.

— Ой, да садитесь, я просто не заметил...

— Благодарю.— Старуха шумно втиснулась на его место, подобрала подол, придвинула к сиденью свой багаж — сундучок, окованный узорной жстью. Мальчик в это время сделал шаг в сторону. И зацепился штаниной за острый угол сундучка.

— Ох! — всполошилась старуха.— Ты порвал брюки!

— Да чепуха...

— Ну как же... Это из-за меня!

— Да наплевать,— сказал мальчик с явной досадой, потому что на них оглядывались.— Они все равно старые.

— И все-таки! Если ты сойдешь на остановке «Старый мост», мы можем зайти ко мне, я быстро заштопаю...

— Нет, я еду дальше. Да вы не волнуйтесь...

«Старый мост... Старый мост...» — отдалось во мне. Значит, правда? Вот и начал завязываться узелок...

В этот момент поезд опять остановился, заблестело за окнами озеро, вагон сразу опустел на две трети. Мальчик остался. Но он не сел ни на одну из освободившихся скамеек, ушел на заднюю площадку — подалее от заботливой старухи.

— Как досадно,— басовито сказала она. Оглянулась, встретилась со мной глазами (знакомыми такими, темно-коричневыми и совсем не старческими), обиженно отвернулась и притихла.

У меня застучало сердце. Не то чтобы я очень волновался, но пришла пора. Я перебрался на сиденье позади старухи, сказал вкрадчиво:

— Прошу прощенья... Вас зовут Генриетта Львовна?

6. Давняя знакомая

Она обернулась. Неторопливо, но с заметным удивлением.

— Генриетта Глебовна...

— Извините. Я мог и ошибиться, столько лет прошло...

— А, собственно, в чем дело, сударь? — величественно спросила старуха.

Но нет, не могу я называть ее просто старухой. Это была старая, но еще крепкая и безусловно интеллигентная дама. Свою интеллигентность она иногда разбавляла нарочитой простоватостью, но это было приятное сочетание. Так же, как на ее лице, где мясистый пористый нос доброй тетушки сочетался с тонким ртом и аристократическим подбородком, какие можно видеть на портретах восемнадцатого века...

— Итак, сударь, чем вас привлекла моя персона?

— Догадкой, сударыня. Мне показалось, что в разговоре с мальчиком вы руководствовались не только желанием зашить ему брюки, но и надеждой, что он поможет вам нести сундук.

— Вы пронизательны... — в глазах Генриетты Глебовны зажглись насмешливые точки.— Но в таком случае позвольте быть пронизательной и мне: вы сходите у Старого моста и хотите выполнить роль мальчика?

— Вы не ошиблись,— светски улыбнулся я. Но ощутил вдруг глухое волнение. словно темная вода колыхнулась в глубоком колодеце... Неужели все это происходит на самом деле?

— Очень мило с вашей стороны. Однако чем я обязана такой любезности? — Генриетта Глебовна глянула пристально.

Я передохнул.

— Совпадением... Почти полсотни лет назад я ехал в поезде, похожем на этот. И по этому же пути...

— Но тогда вы были, наверно, ребенком!

— Да, стриженный под «полубокс» мальчик в ковбойке и сандаликах... Мальчик в те дни открыл дорогу в Овражки и очень любил бывать там... И вот в вагон вошла дама с сундучком и в тех же выражениях, что сегодня, напомнила мальчику о правилах хорошего тона. Мальчик стал выбирать с сиденья, зацепился за сундук...

— И порвал брюки.

— Я был в заграничных замшевых штанишках и до крови расцарапал ногу. Это вас... то есть даму, очень расстроило. Она уговорила мальчика сойти у Старого моста и отправиться к ней домой для «мазанья йодом и бинтования». Мальчик согласился (исключительно, чтобы не выглядеть трусом) и по дороге помог тащить сундучок.

— Он не тяжелый, пустой... Я возила его в мастерскую, потому что испортилась музыка в замке.

— В тот раз вы сказали так же!

— Гм... Но, полагаю, выглядела я тогда несколько иначе?

— Полагаю, что да,— в тон ответил я.— Но... для десятилетнего мальчишки все взрослые, кому за двадцать, кажутся пожилыми.

— Увы, мне было тогда уже за тридцать.

«Тем более!» — чуть не брякнул я. Но осторожно сказал о другом:

— Тем более, что я не настаиваю. Как принято говорить, «может, мальчика-то и не было...» Не исключено, что все это — плод моего воображения. Или выкрутасы отраженного мира...

Она не удивилась. Кивнула снисходительно:

— Возможно, что и так... По крайней мере, я не помню такого эпизода...

— А я помню отчетливо. Вернее, представляю... Как мы пили чай с маленькими рогаликами, как потом я еще несколько раз забегал к вам в гости на Пустырную улицу... Вы ведь жили тогда на Пустырной?

— Признаться, и сейчас живу...

Мы вышли на станции, похожей на дачный павильончик. По замшелому каменному мосту перешли бурливую речку Окуневку — она вилела среди зеленых откосов. И зашагали по улице Тележной мимо палисадников, двухэтажных контор и кирпичной аркады торговых рядов прошлого века. Сейчас под арками ютились фанерные киоски и овощные прилавки.

Было, как и дома, тепло и солнечно. Яблоки не попадались, но зацвела сирень. Я нес на плече плащ, в левой руке свой «сидор», а в правой — сундучок. Держал его за медную витую ручку, приклепанную к горбатой крышке. Сундучок и правда был не тяжелый.

Генриетта Глебовна шагала рядом с сундучком. Глянула на меня и заметила:

— Вы идете уверенно. Видимо, и правда помните дорогу.

— Я многое помню... Например, вашу лампу со стеклянным зеленым шаром. И картину, на которой мальчик тянется к сундучку... похожему на этот.

— С ума сойти... Лампа разбилась тридцать лет назад!

— А картина цела?

— Да... Но... Откуда вы все это знаете? Мне даже страшно,— заявила она. Впрочем, без всякого страха. В голосе ее мягко перекатывались граненые камушки.— Я начинаю подозревать...

— Уж не злодей ли я, не рэкетиер ли какой-нибудь или, может, домушник, пожелавший втереться в доверие?

— Увы...

— Нет, Генриетта Глебовна, у меня другая профессия. Хотя, по мнению некоторых, не менее романтическая и прибыльная.

— Какая же... э... Простите, ваше имя-отчество?

— Игорь Петрович.

— Игорь Петрович и...

— Решилов,— вздохнул я.

Тут она по-настоящему засмузилась:

— Простите, а... возможно, это совпадение, но... последний номер журнала «Огни», там портрет и...

— Да, Генриетта Глебовна, да,— обреченно сказал я. Потому что куда деваться...

— Как замечательно! — она даже зарумянилась.— Ваши «Лунные эскадроны» у меня на полке. Я их читала пять раз...

Ох, как не хотелось мне об этом.

— Бог с ними, с «Эскадронами». Давняя вещь...

— А сейчас? Тоже над чем-нибудь работаете?

Фу ты, умная вроде бы женщина, а как обалдела девича на конференции «Встреча с писателем». Неужели даже здесь от этого не уйдешь?

— Сейчас вот не работаю, как видите. Путешествую...

— Память детства, так сказать, да?.. Еще один источник вдохновения?

— Будем считать, что так,— буркнул я.

Она, кажется, застыдилась своей дурацкой умиленности. Сказала уже по-иному, пряча за суховатостью смущения:

— Но, увы, я все-таки не могу припомнить ваших детских визитов...

— Я ведь и говорю: самому кажется иногда, что я в детстве просто придумал ваш городок... Мне нравилось бывать здесь, потому что столько загадок... И еще потому, что мальчишки тут никогда не приставали, не дразнились. На любой улице брали в игру, как своего. Один раз я заигрался допоздна, и вы оставили меня ночевать. И сами позвонили маме, чтобы не волновалась...

— Да? Возможно... Видите ли, я уже в то время сдавала комнаты приезжим и у меня перебивало столько людей. И взрослых, и детей... А память в мои годы, сами понимаете...

— Ну, какие наши годы,— сказал я глупо и галантно.

— Ах, Игорь Петрович, вы не учитываете разницу...

— А сейчас вы не сдаете комнаты? — напрямик спросил я.

— Гм... изредка. Через турбюро. Если скромное

домашнее жилье вы предпочитаете гостиничному «люксу»...

— Предпочитаю,— вздохнул я.— Весьма...

Глава вторая

УЛИЦА ПУСТЫРНАЯ

1. Тетушкин секрет

Генриетта Глебовна Барновá (такая вот у нее фамилия) всю жизнь проработала акушеркой и была знаменита в своем городке Овражки. Даже когда она стала пенсионеркой, ее часто приглашали помогать и консультировать при трудных родах. Это я узнал от нее, когда мы шагали к дому.

Жила Генриетта Глебовна одна, в приземистом доме из двух комнат, кухни и прихожей. Мне она отвела комнату, где висела картина. Та самая, с мальчиком. Я так и сел перед ней — словно вернулся в давние-давние годы. Или в свой детский сон.

Картина — в резной деревянной раме с облезлой бронзовой краской — была узкая, но большая в высоту. Пожалуй, метра два. Написал ее, безусловно, талантливый художник.

Солнце на картине косо, желтым лучом, падало из-за просвеченной насквозь салатной портьеры, освещало высокий ореховый комод и мальчика, который тянулся к сундучку, стоявшему на краю комода. Мальчик был виден сбоку и со спины. Было ему лет восемь-девять. Судя по одежде — «довоенный» мальчик или даже «дореволюционный». И явно не из богатых. Голубая полинялая матроска порвалась на локте и лопнула под мышкой, на черном чулке, на цыпочках, дырка. Каблуки сбиты. Левый чулок съехал на потертый ботинок с пуговками, и видно было, как напряглась мальчишкина нога — он ведь стоял на цыпочках. Растопыренными пальцами он уперся в край окованной крышки и толкал ее вверх. Сумел приподнять на вершок, а дальше — никак. Не хватало роста. И заглянуть в сундучок он не мог — слишком высоко...

Лица мальчика не было видно, только щека, просвеченное солнцем ухо, да зажженные лучом на макушке очень светлые волосы — они были давно не стрижены и косичками падали на матросский воротник. И я вдруг вспомнил мальчишку в вагоне, тот был с такими же светло-песочными отросшими прядями.

Мне почему-то казалось, что название у картины — «Тетушкин секрет». Мальчик приехал к старой тетушке в гости и наконец-то выбрал минуту, чтобы разрешить давнюю и жгучую загадку: что у тетушки в старинном сундучке? В натянутой мальчишечьей фигурке ощущались все чувства, которые испытывал любопытный племянник: и досада, что не догадался подставить стул, и страх, что кто-нибудь вот-вот войдет, и — в то же время — сладкая тяга к тайне. Хотя, если трезво подумать, какая там тайна? Скорее всего, письма тех времен, когда тетушка была курсистской или гувернанткой...

... Сейчас я накрою стол и угощу вас своим фирменным чаем. Я делаю его с мятой... Вы что-то задумались, а?

— Смотрю на этого мальчика, словно на старого знакомого... Замечательная картина. Так и кажется, что у нее какая-то непростая история.

Генриетта Глебовна встала рядом, покивала:

— Ее писал друг моего отца, очень способный молодой человек. К сожалению, он так и не стал известным, погиб в четырнадцатом году при первом наступлении немцев... А мальчик — мой старший двоюродный брат, Андريس.

— Кажется, прибалтийское имя...

— Да, в нашей семье многие из Литвы. Андрис жил в Шяуляе и, увы, тоже погиб. В тридцатых годах. Он стал летчиком и разбился во время тренировочного полета, когда готовился с друзьями к перелету через Атлантику... Смелый был мальчик...

Грустно сделалось. Будто не в далекие времена погиб Андрис, а недавно. И не взрослый летчик в мундире литовских ВВС, а вот этот мальчуган в костюмчике с якорями...

Чтобы прогнать неловкое молчание, я заметил:

— А сундучок... он, кажется, тот самый? Семейная реликвия, наверно?

— Да, еще моей бабушки... Ну-с, умывайтесь, через пять минут попрошу к столу...

Когда, мы пили чай (и правда замечательный, со всякими душистыми запахами), Генриетта Глебовна поинтересовалась:

— Ну, а какие же ваши планы, если не секрет? Чем собираетесь заняться в наших тихих Овражках?

— А никаких планов. Буду просто бродить, вспоминать...

— Ох, да вы ведь и заплутать можете. Городок небольшой, а столько всякого. Старожилы говорят: «Бабка Дар-Овражка водит...» Была здесь в позапрошлом веке такая хитрая, знахарка, Дарья Овражкина. Говорили, ведьма...

— Ну, как-нибудь найду с бабкой общий язык...

— Кто знает... Я вот что вам предлагаю! У меня есть сосед, мальчик Костя. Очень славный. Если хотите, я попрошу, он поведет вас по городу, покажет самое интересное...

Я почему-то не решился отказать. И сперва подсадовал на себя за это, а потом подумал: «Может, к лучшему...»

Костя оказался тоненьким и высоким, бледно-рыжеватым подростком. Вежливым и неулыбчивым. Спросил, куда бы мне хотелось пойти сначала.

«Ну что ж, — сказал я себе. — Давай, старик...»

— Видишь ли... — Я глянул в упор. — В Овражках я не заблужусь и один, не впервой... Я хочу в Гору. Если ты из тех, кто знает дорогу.

Он не дрогнул, не удивился.

— Туда каждый знает дорогу. Только что там интересного? Впрочем, как вам угодно. Если не возражаете, я найду за вами через полчаса.

2. Овражки и Гора

Я ждал Костю на улице, у ворот.

Была середина дня, и день этот сделался уже не просто теплым, а жарким. Но здесь, на Пустырной, было прохладно, улица лежала в тени обрыва. Обрыв — большущей высоты и крутизны — поднимался позади дворов. Местами он зарос, а местами — голая глина. Из глины торчали лохматые громадные корни, словно щупальца каких-то подземных осьминогов. Домики и заборы целью тянулись по границе тени в один ряд. Улица была односторонняя. На другой стороне — заросшие кашкой лужайки, канавы и буераки, здесь паслись козы. Наверно, потому и Пустырная, что рядом с пустырями. А может, еще потому, что здесь пахнет травой пустырником, настойкой которого, говорят, лечат от излишних волнений сердце.

Я с удовольствием разглядывал покосившиеся, но все еще красивые крылечки, резьбу на карнизах и на столбах ворот. Это были не только традиционные узоры — солнышки, складки с кистями и виноградные кисти-гроздьи. Иногда попадались деревянные лица,

словно здесь поработал итальянский кукольный мастер. Смотрели на меня потрескавшиеся маски с носами-клювами, торчащими подбородками и широкими ртами. Я помнил их с детства и в те давние годы был уверен, что выражение этих масок время от времени меняется. Особенно по ночам.

Впрочем, и сейчас и я в этом почти не сомневался...

На солнечных пустырях млела от солнца трава и рассыпали трескотню кузнечики, а во дворах словно затаился вечер. Я знал, что, если подойти вплотную к обрыву, то там вообще сумерки. Пахнет влажным травяным настоем и сырой землей... Подняться на обрыв можно было по лестнице на другом конце улицы, а можно и прямо со двора — цепляясь за корни и стебли. Когда-то я так и делал...

Наверху был парк — неухоженный, с пустыми павильонами и киосками, с высохшими фонтанами и травяными джунглями. Он всегда казался мне очень таинственным... Но все же парк на обрыве — это не главное. Гораздо больше меня интересовали другие обрывы — настоящие горы. Они поднимались за пригородным лугом и видны были прямо отсюда, с улицы...

Здесь надо сказать о рельефе этих мест. Кажется, что в древние времена тут расстилась зеленая равнина, по которой однажды пошли трещины. Они разбили равнину на плоские неровные многоугольники. Одни из этих многоугольников остались на прежнем уровне, а другие под давлением земных сил поднялись. И получились возвышенности с крутыми склонами и ровными плато наверху. Одно такое плато возвышалось над Овражками, которые лежали на низкой равнине (ее пересекали трещины поменьше, из них получились овраги — отсюда и название).

Что там наверху, на плоскогорье, из города было не видать. Но я знал, что-то есть. Что именно, в городе не говорили, как не говорили и о многих других странностях (например, почему до полудня улица Сухарная ведет к мосту через Черный овраг, а после двенадцати — в заброшенный Гнилой переулоч, где никто не живет, но зимними вечерами все же светятся окна; так оно есть с давних времен, вот и все).

Однажды, мальчишкой, я попробовал подняться на плато. Как ни высоки были обрывы, казалось все же, что задача мне по плечу. Ну что там метров двести-триста! Вскрабаюсь... Однако на половине высоты я понял, что этот путь не для прогулок. Грозное ощущение опасности остановило меня на рыхлом глинистом карнизе. Я оглянулся и чуть не заревел от испуга — таким маленьким, лежащим далеко внизу оказался город Овражки... Обрывы с плоскогорьем, которые назывались одним словом «Гора», так и не открыли мне свою загадку. Я пристыженно полез вниз.

Впрочем, я не испытывал тогда особого огорчения. Наоборот, сладко замирала душа от того, что совсем недалеко существует тайна, похожая на придуманный к привычной жизни чужой материк. А кроме того, я скоро узнал (почувствовал, увидел во сне, догадался по намекам и слухам), что главная загадка не на Горе, а в Горе. Будто бы там какой-то особый мир. Целая подземная страна.

Эта страна с бледно-золотистыми, закрывающими каменные своды облаками не раз мне снилась потом, во взрослой жизни. И особенно в последнее время, в больнице. Причем, непонятным образом она увязывалась в этих снах с Тетрадью. Хотя, при трезвом размышлении, никакой связи быть не могло...

При таком размышлении вообще ничего быть не могло. С точки зрения здравого смысла и реальности я сейчас должен был проглотить кучу разноцветных таблеток, подставить известное место под шприц медсестры Зои, а потом лежать у зашторенного окна, покорный властному режиму послеобеденного тихого часа. И слушать, как сыто похрапывает сосед по палате Альфред Афанасьевич, работник

исполкома... И как по левой ноге, а потом вдоль позвоночника крадется пока еще тихая, щекочущая боль...

Сейчас боли не было. И мельком отметив это, я снова стал размышлять о Горѐ. Ощущение близкой тайны прошло по мне мурашками, как в детстве. Словно я был мальчик Андрис и тянулся к старому сундучку...

Неужели и правда есть что-то такое в толщах Горы?

Костя ведь говорил, обещал проводить. Хотя как-то странно говорил, скучно... Впрочем, поглядим.

3. Желтое небо

Костя, как и обещал, явился через полчаса.

— Ты так и полезешь в Гору? — удивился я.

Он был в отглаженных кремовых брюках, в белой рубашке.

— Видите ли, — отозвался он, — после нашей прогулки я собираюсь зайти в школу, там у нас собрание по поводу окончания учебного года.

«Прогулка!» Это в Гору-то? Я туда собрался, как в экспедицию, надел вместо костюма тренировочные штаны, клетчатую рубашку, фляжку нацепил на пояс. Мне даже неловко стало. Но спорить и расспрашивать я не решился.

Мы прошли всю Пустырную, опустились в овраг, на дне которого журчал мутный ручей, протопали через мостик. У оврага было ответвление, оно-то вскоре и привело нас на луг со многими тропинками. Уже зацвел розовый иван-чай, чиркал меня по локтям и штанинам. И по Косте. Но тот ухитрялся оставаться аккуратным и отглаженным, как в городском саду. Он шел впереди и время от времени вежливо предупреждал меня:

— Осторожно, здесь ямка... Не зацепитесь за колючки...

С полчаса мы шли через луг, и наконец бурые обрывы нависли над нами. Сделались такими высокими, что клочковатые облака казались зацепившимися за изломанный край.

Костя ввел меня в проход между неровными стенами из темно-рыжей, с торчащими корнями глины. «Вот здесь-то ты, голубчик, и перемажешься», — подумал я с легким злорадством, хотя это было и неплохо. Но Костя легко перешагивал через корни, ловко уклонялся от сыпучих струек глиняной пыли и оставался по-прежнему без пятнышка. И я зауважал его.

Костино хладнокровие и его уверенность, что под Горой нет ничего особенного, дали себя знать, я уже не ощущал волнения. Шел, как на экскурсию, и радовался лишь тому, что не болит нога и нет обычного послепоходного головокружения...

Но когда отвесные стены сошлись над нами и образовали сумрачный свод, ожидание тайны опять щекотнуло меня.

— Слушай, а мы ведь не взяли фонарик...

— Это ни к чему, там довольно светло.

«Значит, в самом деле? Не так уж там все обыкновенно?»

Скоро проход раздвинулся, замаячил впереди свет. Еще несколько шагов, и... Я остановился. Потому что открылось мягко освещенное пространство. Лежащая в скалах долина была словно озарена прошедшими сквозь неплотные облака вечерними лучами. Казалось, что в воздухе рассеяна бронзовая пыль. Я глянул вверх: каменных сводов не было видно за желтоватым туманом — будто и правда над нами полупасмурное предзакатное небо. Может, через толщу плоскогорья пробивался в какую-то щель настоящий солнечный свет?

Перед нами лежало каменистое поле с жесткой и высокой, но редкой травой. Из травы поднимались

похожие на идолов камни (а может, и правда древние идолы?). Слева и справа пространство терялось в таком же тумане, что и каменная «крыша». А впереди стояла ребристая скальная стена, гребень ее тоже не был виден за невысокой облачностью.

До стены оказалось недалеко — шагов сто. Когда мы подошли к ней совсем близко, путь нам перегородила речка с темной спокойной водой, через которую просвечивал песок. Ширина была метров семь. К ближнему берегу приткнулось тяжелое бревно, мокрое и скользкое на вид. Костя поднял из травы кривую палку, сказал «я сейчас», встал на бревно, оттолкнулся палкой от дна. И чуть балансируя — весь такой красивый, хладнокровный — поплыл через речку. Видимо, он слегка пижонил, но что ни говори, а был он смелый и ловкий парнишка.

У того берега темнел связанный из нескольких бревен плотик. Костя прыгнул на него. Приплыл на плотике ко мне.

— Вставайте, он выдержит...

Мы переправились. И оказалось, что дальше идти некуда. Всюду — соединившиеся в стену, уходящие в высоту утесы.

— Вот и все, — сказал Костя. — Ничего особо интересного здесь, как видите, нет. Конечно, если бы горсовет нашел спонсоров, образовал здесь филиал краеведческого музея или турбазу... А пока — нет...

Конечно, зря он так. Любопытного здесь было много. И сам небывало громадный грот, и таинственное свечение тумана, и гранитные камни-идолы... Но я стеснялся показать интерес при этом аккуратном и правильно мыслящем мальчике. Словно взрослым был он, а мальчишкой — я... Впрочем, самому мне стало ясно, что не нашел я того, что искал. Конечно, удивительное место, но все же не было здесь той сказочности, того обещания тайн, которыми я томился в детстве... Да и быть, конечно, не могло.

Мы вернулись. Когда поднялись из лога, Костя вежливо попрощался, я так же вежливо поблагодарил его. И он ушел в своей очень белой рубашке и отглаженных, ни единой пылинкой не испачканных брюках. Я с уважением и невольной робостью посмотрел ему вслед. Ни в детстве, ни во взрослой жизни не хватало мне такой прочности сознания, такой уверенности...

4. У костра

Я пошел наугад по тихим улицам, зная, что так или иначе попаду на Пустырную, если буду двигаться к обрыву. Прохожих почти не было, только напологом травянистом спуске меня обогнали двое мальчишек с дребезжащей детской коляской. Мальчишки были в жилетках, сделанных из потрепанных школьных курточек, и таких же штанах, обрезанных и разломаченных у колен. В коляске они везли макулатуру.

Скоро я вышел на широкую лужайку, за которой начиналась Пустырная. На лужайке горел оранжево-дымный костер, а точнее — брошенная в траву и подожженная автомобильная шина со щепками в центре. У костра никого не было, зато неподалеку — шум и гвалт. С десятка ребят (многие в таких же нарядах, как хозяева тележки) кого-то прижали к стене сарайчика. Я торопливо захромал и подошел. Там руками и ногами отбивался от всех светлоголовый мальчишка. Мне показалось — тот, которого я видел в вагоне. Но точно не скажешь, лица его я тогда не рассмотрел. Зато сейчас разглядел хорошо. Волосы песочного цвета были растрепаны, желто-серые глаза блестели гневными искрами. Пухлые, в трещинках, губы раздвинуты, а зубы стиснуты, словно мальчик сжал в них горячий уголек.

Его старались ухватить за руки, за плечи, за одежду, но он отмахивался яростно. Потом крикнул:

— Ну, чего надо?! Я вас трогал?!

— За ноги, за ноги его! — зазвенела чья-то команда.

— Вовка, сделай аркан из ремня! На лапу ему!..

— Эй, молодежь! — громко окликнул я. — Не слышом ли много на одного? Что-то не по-рыцарски.

Они разом остановились. Заоборачивались. Разгоряченные, веселые. Совсем не такие, как их пленник. Самый старший — славный такой, ясноглазый парнишка, совсем не похожий на хулигана — сказал, словно загораживая остальных:

— А что такого? Мы же играем!

— Ничего себе игра! Вон как налетели на беднягу, отбиваются из последних сил...

Мальчик-командир пожал плечами:

— Все сперва отбиваются. Такое правило... Чтобы веселее.

Смуглый мальчишка с черными глазами-шариками (один из тех, что везли тележку) слегка испуганно объяснил:

— Он же сам пришел...

— Я не пришел, а просто шел! По делу! — крикнул от бревенчатой стены пленник. — А вы, как пираты! Рукава отрывать!

— У всех отрывают. Раз праздник... — пискнул кто-то позади остальных.

— Ничего себе праздник, — сказал я.

— А что! — улыбнулся старший. — Каждый год так. Когда каникулы начинаются, мы тут дневники жжем и школьные рукава и штаны обрываем, потому что лето...

— Потому что форма во как надоела, — сиплым баском разъярил стриженный «под огурчик» лопухий толстячок. Одна штанина была у него обрезана

выше колена, вторая над щиколоткой. Старший мальчик опять сказал:

— Это обычай такой. А вы, наверно, не здешний...

— Я тоже не здешний, — ощетиненно откликнулся взъерошенный пленник. — А вы как коршуны...

— Ну и ты не цыпленочек, — примирительно улыбнулся старший. — Вон сколько времени отбивался героически. За такое дело орден полагается... Эй, у кого ордена?

Ему дали звезду из фольги и канцелярскую скрепку. Расступились. Пленник подозрительно следил, как предводитель мальчишек прицепляет ему звезду к оттопыренному клапану нагрудного кармана. Все почему-то смущенно замолчали.

— Ну вот... а теперь иди, если хочешь, — вздохнул командир.

Среди мальчишек была девочка. Длинноногая, в цветастом платье и черном школьном переднике, из которого был дерзко вырезан кривой треугольник. Она сказала чуть нараспев:

— Мы ведь не знали, что ты здесь случайно. Извини нас, пожалуйста.

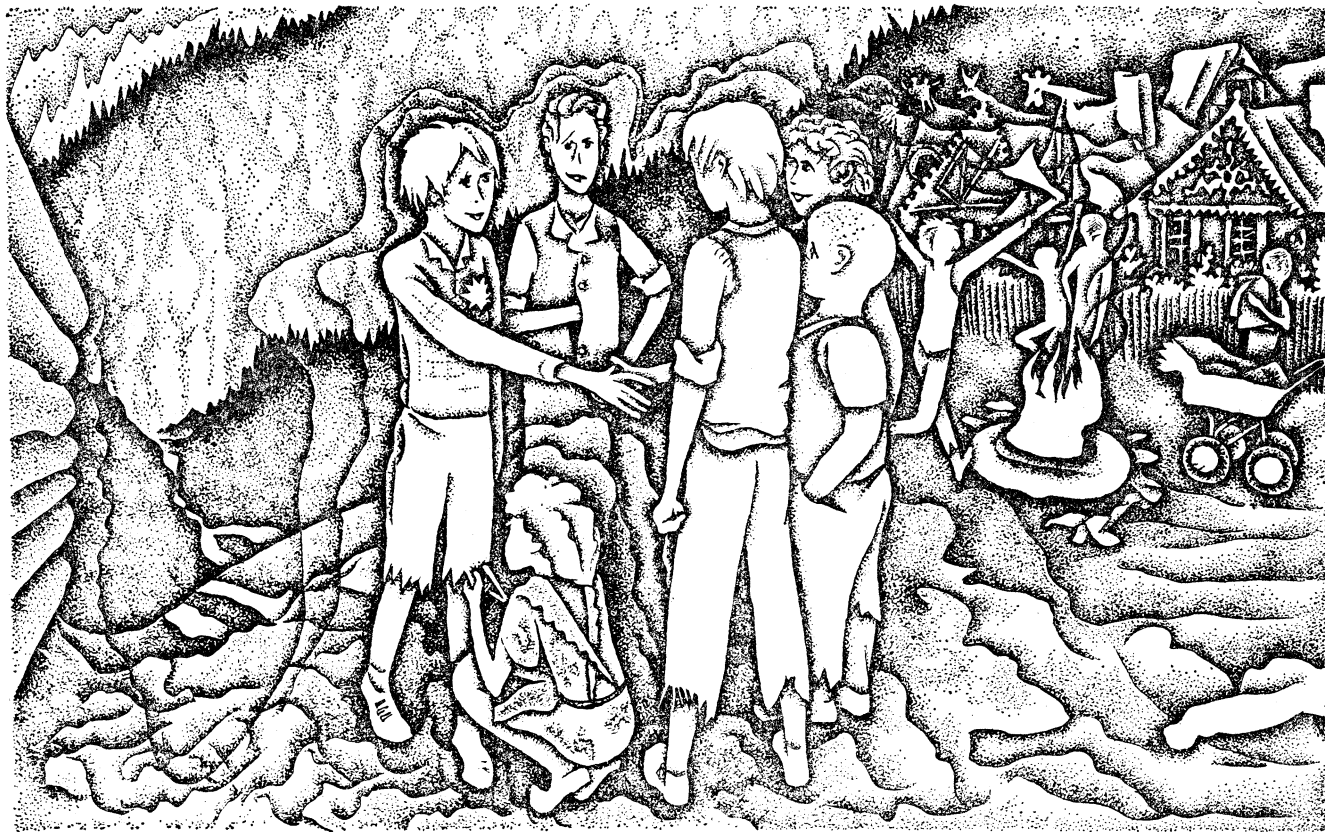
Мальчишка оттолкнулся спиной от бревен, однако не ушел. Потоптался, оглядел ребят — исподлобья, но уже не сердито.

— А обычай этот... он только для здешних, или кто хочет?

Ребята радостно завопили, что праздник — для всякого. Потому что в школе мучились все одинаково! И замолчали опять. Бывший пленник коротко поспеел, заулыбался, рывком расстегнул и скинул куртку.

— Ешкин свет! Ладно, рвите!

Тут же опять случилась веселая свалка. Под вопли «ура» и треск материи вмиг отлетели оба рукава. Лопухий толстячок и смуглый мальчик торжественно

отнесли их к костру и бросили в огонь. Новичок, весело дыша, натянул опять куртку, ставшую жилеткой. Старательно прицепил к карману оторвавшуюся звезду.

Девочка выжидательно защелкала сверкающими портновскими ножницами:

— А штаны тоже?

— Валяйте! Все равно они старые, вон даже клоч вырван.

Я вспомнил сундучок и мальчика в вагоне.

Девочка села на корточки и в два счета отхватила обе штанины пониже колен. Потом спросила благожелательно:

— Может, зубчики сделать? По-американски...

— Ага, сделай...

Ножницы опять защелкали, синие матерчатые треугольнички посыпались мальчику на кроссовки.

— А дома тебе не влетит? — озабоченно спросил толстячок.

— Ёшкин свет! Раньше надо было спрашивать!.. Ладно, я скажу: зато орден получил.

Все засмеялись, а старший поинтересовался:

— Тебя как зовут?

— Сашка...

Про меня забыли. Я отошел, сел на валявшийся в траве пластиковый ящик. Сашка в обстриженных зубчиками штанах весело крутнулся на пятке. Теперь он — в расстегнутой жилетке и клетчатой рубашке, с разлохмаченной светло-желтой головой был похож то ли на маленького юнгу со старой норвежской шхуны, то ли на фермерского мальчика из Оклахомы.

— Давайте через костер скакать! — закричал кто-то из ребят. — Кто дальше прыгнет, тому тоже звезда!

— Да огонь-то низкий! Чего тут прыгать!

— А мы привезли горючее! — Смуглый мальчик с приятелем лихо подкатили тележку и вывалили макулатуру в двух метрах от костра. Большую кучу. Среди вороха конторских бумаг, папок и газетных пачек мелькнули черные корешки с позолотой.

5. Старые книги

Я быстро встал. Подошел.

— Ребята, можно взглянуть?

— Пожалуйста! — щедро сказал старший мальчик.

Первое, что я выудил, был толстенный том «Семейного университета» Комаровского, лекции историко-филологического цикла. Издание Вольфа, конца прошлого века. Затем — четыре книжки в бумажных обложках — собрание сочинений Куприна, 1912 год. Обалдеть... А еще: пятый том сочинений Головнина с очерками о деятельности Русско-Американской компании и наконец — увесистое издание «Апокрифы христиан» с примечаниями и комментариями, напечатанное в тринадцатом году почему-то в провинциальной Калуге. Сроду не слышал о таком.

А в довершение всего — несколько подшивков старинного «Военно-исторического вестника» и «Отечественных записок».

— Люди, вы варвары, — жалобно сказал я. — Но вы — варвары по незнанию. А кто дал вам все это для сожжения?

— Наша библиотекарша в школе, — заявил смуглый хозяин коляски. — А чего? Говорит, они давно списаны, никому не нужны, место занимают...

— Скажите вашему директору, пусть переведет ее из библиотекаршей в уборщицы... Хотя нет, уборщице тоже необходим какой-то интеллект.

— Значит, вам их надо, эти книжки? — догадался старший мальчик. И даже обрадовался: — Тогда забирайте! А то и правда жалко, они же книги все-таки...

— Да уж заберу с вашего позволения. На костер вам и без того хватит...

Я уложил свои находки в стопу. Получилось — ого сколько!

Мальчишки оставили меня. Подбросили бумагу в огонь и один за другим с хохотом и воплями — марш, марш через костер. Потанцуют на траве, потрут ужаленные искрами ноги, и снова... Новичок Сашка тоже ловко сканнул туда-сюда. Но потом остановился, стал смотреть, как я вожусь со своим грузом.

— А вам далеко это нести?

— Порядочно. В тот конец Пустырной...

— Да?! — почему-то обрадовался он. — Мне туда же. Давайте, помогу!

— Буду весьма благодарен. А то и не знал, как быть... Давайте мне под мышки эти журналы, а книги бери себе...

— Уже уходишь? — сказала Сашке девочка.

— Пора...

— Приходи еще, мы тут всегда играем, — предложил юркий, похожий на мышонка мальчишка.

— Ага...

И мы пошли. Сашка шагал чуть сбоку и впереди. Тащил пачку книг перед собой, как охапку дров. Походка у него была с чуть заметным пританцовыванием. На незагорелой ноге темнела подскользящая царапина. — Мне тебя сама судьба послала, — сказал я. — Мы с тобой даже в одном вагоне сюда ехали.

Он оглянулся:

— В пилигримском?

— Да...

— Ну, тогда это не судьба, а контора «Пилигрима». Это они меня сюда направили. На дежурство... — Разговорчивый оказался мальчишка.

— Что за дежурство? — спросил я, чтобы поддержать беседу. Да и в самом деле любопытно: какие дела у такого пацаненка с кооперативом? Было моему спутнику лет одиннадцать. Та пора, когда мальчик делает первый шаг к состоянию, которое называется неуклюжим и казенным словом «подросток».

— Это работа такая, — отозвался Сашка. — Школа ее за летнюю практику считает... И деньги платят.

— Ишь ты!.. Наверно, что-то купить задумал?

— Ага. Велосипед «Стриж». С аккумулятором и моторчиком. Сперва крутишь, накапливаешь энергию, а потом на электричестве едешь... У него спицы так блестят, и он стрекочет, будто стрекочет крыльями...

Мне понравилось такое сравнение. И вообще нравился Сашка. И как он храбро отбивался, и как потом без всякой обиды по-приятельски сошелся с ребятами. И как мы сейчас дружно, в одном ритме шагали с увесистыми книгами.

— Не тяжело?

— Не-е...

— Выручил ты меня...

Он не оглянулся, но я почувствовал — улыбается.

— Вы ведь меня тоже выручили. А то чуть до драки не дошло... Я сам виноват, перепугался...

— Оно и понятно, раз не здешний... А что ты делаешь на своем дежурстве?

— Вызова жду. Я проводник.

— Какой проводник. В поезде?

— Да нет, — засмеялся он. — Ну, с туристами. Вроде гида.

— И получается?

— Ага. Я уже прошлым летом водил студентов. И зимой...

У меня хрустнуло в ноге, отдалось в затылке. Сразу затуманило голову. Ох, как не вовремя! Неужели начинается?..

— Эй, проводничок! Давай-ка посидим...

Мы сели на лавочку у приземистых ворот. Я затылком сильно надавил на забор. Чтобы боль от твердого дерева прогнала ту, внутреннюю. Сашка сбоку беспокойно глянул на меня:

— У вас голова кружится, да?

— Пустяки. Это бывает... Не страшно...

«Ох, если бы «не страшно»...

Сашка смотрел очень внимательно. В глазах — смесь пепельного цвета с лимонным соком. И дрожащая капелька испуга. Светлые брови сошлись над коротенькой прямой переносицей. Мягкая, в дольках, как у мандарина, нижняя губа жалобно оттопырилась и шевелилась.

— Ничего,— выдохнул я и улыбнулся.— Сейчас пройдет...

И правда прошло. Боль угасла, тяжесть в темени рстаяла, тошнота пропала. И я снова понял, какая хорошая улица Пустырная, какой славный город Овражки. Фиг вам, Артур Яковлевич, неделю я как-нибудь продержусь.

— Просто устал немного. Посидим еще минутки две...

— Ладно,— согласился Сашка. Провел пальцем по книжному корешку и спросил:— А что такое «Апокрифы»?

— Это... Видишь ли, в древности написано довольно много книг о жизни Иисуса Христа. Называются «Евангелия». Но церковь признает лишь четыре из них...

— Знаю! От Луки, от Иоанна... От этого... от Марка! И еще от Матвея...

— От Матфея...

— Ну да! У бабушки были... Я к ней ездил, когда она жива была, и читал... Правда, не все... Мне еще девять лет было... А кое-что она мне своими словами рассказывала. А вот эти... «Апокрифы», они, что ли, незаконные считаются?

— Ученые богословы говорят, что в них очень много фантазии и мало реальных фактов... Ну и в самом деле! Скажем, Евангелие от Фомы о детстве Иисуса... В нем, вроде бы, и детали интересные, игры описаны, всякие житейские случаи, но непонятно делается: разве мог такой жестокий мальчишка, о котором там рассказывается, стать Учителем всеобщего добра?

— А почему он жестокий... там?

— Такие случаи приводятся... Толкнул его соседский мальчик — и умер. Пожаловались на него люди родителям — и ослепли. Ну, и многое другое... Не вяжется это с тем, что было дальше...

— А кто этот Фома?

— Трудно сказать. Некоторые считают, что один из учеников Иисуса. Помнишь, был такой Фома Неверующий...

Саша шевельнул бровями. Подумал.

— Выходит, он тоже предатель? Как Иуда? Раз написал такое... — И глянул требовательно, не по-детски даже.

— Нет, что ты! Во-первых, скорее всего автор — не он. Просто приписали ему это сочинение. А вторых... у автора своя задача стояла: показать, что Иисус с детства был грозным и всемогущим божеством... Конечно, здесь ничего общего с христианством. Но, тем не менее, «Фому» этого верующие читали. Потому что в официальных Евангелиях о детстве Иисуса очень мало. Из мальчишечьих лет — один только эпизод: как в Иерусалиме отстал от родителей, увлекся беседой с мудрецами в храме...

— Ага, я помню.

— Ну, вот... А людям-то все интересно было знать про Христа. И про то, как он маленький был, тоже...

Сашка опять быстро глянул на меня.

— А вам... тоже интересно, да?

Мне хорошо было с Сашкой. Спокойно так, ласково и — никакой неловкости. И не казалось в тот момент странным, что говорю со случайно встреченным мальчишкой о таком вопросе.

— Признаться, да,— сказал я.— Интересно. Очень... Как у мальчика в захолустье, выжженном солнцем городке просыпается мысль о необходимости Вели-

кого Служения людям. Желание спасти всех. И понимание, что сделать это можно ценой своей жизни... Знал ли он уже тогда, что его ждет?.. Была у меня даже нахальная мысль написать повесть «Мальчик из Назарета».

Сашка выпрямился, вытянул шею, глянул на меня так, будто я в марсианина превратился:

— А вы умеете?

— Что?

— Ну, это... писать повести...

— Приходилось,— признался я. Не хотелось выкручиваться, раз уж дернуло за язык.

— Ёшкин свет, вот это да... — сказал он шепотом.— А вас... как зовут?

— Игорь Петрович.

— Ну... на книжках ведь так не пишут.

— На книжках,— вздохнул я,— пишут «И. Решиков»...

Сашка округлил пухлые губы, выпустил сквозь них воздух и даже малость обмяк. Спросил недоверчиво:

— Это, значит, «Стекланные паруса», да?

— «Значит». Куда деваться...

— Ёшкин свет! И «Клипер «Колдун»?

— Читал, что ли?

— А что ли, нет!... А это правда вы?

— Чтoб мне провалиться! — Я клятвою прижал к груди ладонь. И в этот миг хлипкая подгнившая лавочка крякнула и осела в траву. Книжки посыпались, мы с Сашкой вскочили. Я почему-то перепугался, как дитя. Завопил жалобно и всерьез:

— Но это правда я! Честное слово!

Сашка от смеха взялся за живот, сел в подорожники. Потом свалился набок, перекатился на спину и хохотал, взлягивая торчащими из зубчатых штанов ногами. Стонал и взвизгивал. Меня тоже одолел смех. Как зараза. Мы хохотали, пока не ослабели. Тогда Сашка, охая, поднялся, а я сказал, вытирая глаза:

— И все-таки это в самом деле я...

Мы собрали книги. И пошли дальше, все еще подрагивая от остатков смеха и переглядываясь. Но вот наконец Сашка взглянул на меня без веселья и спросил озабоченно:

— А вот в книжке «Станция Желтый Гном»... Тот мальчик, Валерка... он погиб, когда бросился навстречу поезду? Или все-таки живой остался?

Такой вопрос мне задавали сотни раз, и я отвечал, что решать должен сам читатель — в зависимости от того, как он понял книгу и как вообще смотрит на жизнь. Но сейчас я сказал:

— Конечно, остался жив. Недаром же станция наконец открылась людям и был общий праздник...

— Я так же говорил ребятам в классе, а они спорили! Дразнились даже... Игорь Петрович, вам в какой дом?

— Номер три. Там я поселился... Вот мы уже пришли.

— Ой... — Сашка остановился. Подбородком прижал качнувшуюся стопку книг. Глянул с нерешительной радостью: — Значит, это вы делали заявку?

— Какую?

— На проводника!

Я смутился.

— Нет, голубчик, не делал я... Честное слово

— А у меня адрес. Этот самый.

— Разве в заявке не указано, от кого она?

— Мне только адрес дали... Значит, не вы? — Сашка заметно огорчился.— Наверно, в конторе напутали.

— А может, здесь еще какой-нибудь турист живет? Давай спросим у хозяйки. Кстати, вот она... — В открытую калитку было видно, как могучая Генриетта Глебовна снимает с веревки высушенное белье. В своем широком длинном платье она была похожа на снятый с церковной башни колокол.

— Ёшкин свет! Это ведь та тетка! Которая в вагоне...

— Она самая. Ну и что?
— Боюсь я с такими разговаривать. Очень уж они... воспитывать любят.— Сашка отодвинулся от калитки.

— Ну, храбрец...— Я положил к его ногам журналы.— Постой здесь, а я выясню, что к чему...

Генриетта Глебовна бодро приветствовала меня. Я галантно перехватил у нее охапку простыней и наволочек. И сообщил, что на улице повстречался с неким молодым человеком.

— Он проводник у «Пилигрима» и утверждает, что у него вызов по этому адресу.

— Это я!— обрадовалась Генриетта Глебовна.— Я им позвонила на всякий случай. Потому что, когда вы с Костей ушли, я подумала и поняла: не то получается. Он хороший мальчик, но с вами общего языка не найдет. Слишком здравомыслящий...

— Гм... А я с ветром в голове...

— Нет-нет! Но творческой личности вроде вас нужен специалист. Тот, который угадывает ваши желания и ведет, куда вас зовет внутренний голос...

«Господи, это Сашка-то специалист? По внутреннему голосу... Мне бы самому знать, куда этот голос меня зовет...»

Генриетта Глебовна объяснила:

— Заявка ни к чему вас не обязывает. Проводник приходит, вы знакомитесь. И если понравились друг другу, подписываете договор. А если нет...

— Кажется, мы понравились друг другу. По крайней мере, он мне. Но он же... совсем еще кроха!

— Что поделаешь. Эти способности зависят не от возраста, а от природы. Вот и приходится туристической конторе привлекать ребятшек... Кстати, где он, этот ваш знакомый? Давайте белье и ведите мальчика в дом...

Глава третья

ПРОВОДНИК САШКА

1. Контракт

Мы втащили книги, и Сашка предстал перед Генриеттой Глебовной. Робко сказал «здрассте», потупил. Почесал каблукон ногу рядом с царапиной.

— Здравствуй, здравствуй... Мы, кажется, уже знакомы?

— Ага. Маленько.

— Контракт с собой?

Сашка торопливо полез под жилетку, вытянул из пазухи плотный, вчетверо сложенный лист. Изрядно помятый.

Генриетта Глебовна развернула документ.

— Игорь Петрович, усаживайтесь и ознакомьтесь.

Я устроился у стола. Генриетта Глебовна шумно дышала надо мной. Сашка притих в сторонке. На листе было напечатано:

Контракт

«Гр. (прочерк), именуемый в дальнейшем «Клиент», и правление туристического кооператива «Пилигрим», именуемое в дальнейшем «Фирма», заключают соглашение о следующем:

1. Фирма предоставляет Клиенту проводника сроком на 7 (семь) суток для сопровождения по маршруту, обусловленному программой дня или договоренностью между Клиентом и проводником (ненужное зачеркнуть).

2. За оказанные услуги Клиент вносит на счет Фирмы плату из расчета 10 (десять) руб. 90 коп. за сутки. Необходимую сумму следует заплатить до начала маршрута.

3. Срок маршрута исчисляется с момента подписания контракта.

4. В случае прекращения маршрута по вине проводника или Фирмы, а также по уважительным причинам (заболевание Клиента, несчастный случай, стихийное бедствие и т.п.) Фирма возвращает плату за неиспользованный срок.

5. В случае предъявления Клиентом обоснованных претензий в адрес проводника Фирма возвращает сумму полностью.

6. Проводник обязуется сопровождать Клиента по обусловленному заранее маршруту, в пределах туристских схем данного региона.

7. Клиент обязуется не требовать от проводника выхода за обусловленные маршруты, а также услуг, не входящих в непосредственные обязанности проводника.

8. Клиент и проводник обязуются относиться друг к другу с взаимным уважением и в случае возникновения разногласий прилагать усилия для устранения их на основе взаимного соглашения.

Примечание 1: Если проводник является несовершеннолетним, Клиент берет на себя обязанности по его питанию, устройству на ночлег в гостиницах и пансионатах и обязуется не допускать переутомления проводника на маршруте. Клиент не должен брать несовершеннолетнего проводника на кино- и видеосъемки, не рекомендованные детям до 16 лет, и не побуждать его к поступкам, способным нанести вред здоровью или воспитанию.

Примечание 2: В вышеуказанном случае (проводник — несовершеннолетний) ежесуточная плата Клиента сокращается до 8 (восьми) руб. 70 коп.

Слева стояла подпись-закорючка (в скобках — «А.Игнатьев») и круглая печать, в центре которой — человек с рюкзаком и посохом. А справа было место для подписи клиента и даты. А также для подписи проводника (с примечанием: «Писать разборчиво»).

Генриетта Глебовна басовито сказала у меня над головой:

— Однако же и суммы дерет наш любезный «Пилигрим». С каждым годом все больше...— Она оглянулась на Сашку.

— А я-то что!— жалобно возмутился «несовершеннолетний проводник».— Нам всего по три рубля в день платят. Ну, иногда еще премия... Только редко.

Я вспомнил о велосипеде, который «стрекочет», будто стрекоза крыльями. И понял, что язык не повернется сказать: «Не надо мне проводника»... Да и почему не надо? Может, все идет именно так, как задумано! («Кем задумано? Я никогда не думал о проводнике!») Может, не случайно свела нас судьба?..

Но с другой стороны, малыш ведь. Если что случится...

Генриетта Глебовна, видимо, поняла меня. Посоветовала:

— Да не бойтесь. Подгорье — это же недалеко.

— В Подгорье я уже был. С Костей...

Сашка чуть обиженно сказал от двери:

— Вы, наверно, только в предбаннике были, у реки. А там ведь еще столько всего... Но надо развертку знать.

Я обернулся:

— А сам-то ты не против? Иди со мной...

— Не-а, не против.— Он заулыбался.

— Со старым и скрипучим...

— Ешкин свет! Какой же вы скрипучий!

— Ты что это так ругаешься! — строго пробасила Генриетта Глебовна.— Что за «ёшкин свет» у тебя на языке!

— А чего... — струсил Сашка.— Это и не ругательство даже. Это поговорка. Вроде как «нечистая сила»...

— Ах, поговорка!..

— Да,— приободрился он.— Это будто место такое поминается, где баба Яга живет. Бабка Ёшка, зна-

чит. Даже песня такая есть в одном мультике! «Пой частушки, бабка Ёшка, пой — не разговаривай».

Я достал авторучку, подмахнул контракт.

— Ладно, «бабка Ёшка», иди расписывайся...

Сашка откровенно обрадовался, засветился весь. Вода языком по губам, старательно начертал «Ал-др Крюк».

— Слушай-ка, «Ал-др», это у тебя фамилия такая — «Крюк»? — заинтересовалась Генриетта Глебовна.

— Ага... А что? — Сашка насторожился.

— А маму как зовут?

— Вера Николаевна. А что?

— Да ничего, встречались, кажется... А папа — Виктор?

Сашка отвел глаза, сказал неохотно:

— Да. Только они развелись.

— Ох, ну извини... Игорь Петрович! Вы в дорогу, наверно, с утра отправитесь? А проводничок пусть перебирается к нам прямо сейчас. А то знаю я эти пилигримовские общежития. Туристы всю ночь на гитарах бренчат, да еще небось и водку пьют... А я хоть покормлю по-человечески.

Сашка опять обрадовался. Он уже не робел.

— Я только бумагу в контору отнесу и сумку там заберу...

— Игорь Петрович, а деньги вы дайте мне, я пойду на почту насчет журналов выяснять и уплачу заодно...

Сашка вернулся в сумерках. Я уже начал тревожиться. Генриетта Глебовна грозно его спросила:

— Это где же ты гулял, голубок?

Сашка не испугался. Весело объяснил, что сперва ждал в конторе диспетчера, а потом забежал на пустырь, поиграть.

— С теми ребятами, у костра, помните, Игорь Петрович?

Генриетта Глебовна погрозила толстым пальцем:

— Ты смотри у меня, проводник Александр Крюк...

Сашка полушутя надулся:

— Ну, вот опять дразнилка из-за фамилии. Всю жизнь...

— Какая же это дразнилка? Наоборот! Очень даже звучит, — утешил я его. — Просто как «Александр Блок». Блок — это ведь тоже приспособление, чтобы тяжести поднимать, а как услышишь фамилию — сплошная поэзия в душе. — И я даже процитировал подходящие для проводника строчки:

Случайно на ноже карманном
Найди пылинку дальних стран —
И мир опять предстанет странным,
Закутаным в цветной туман...

Сашка не удивился.

— Знаю.

— Читал Блока?

— Мама читала. Она этого Блока любит...

Сашка говорил, поглядывая на картину «Тетушкин секрет», и выкладывал из синей спортивной сумки на подоконник мыльницу, зубную пасту, полотенце. Потом брякнул коробком.

— А спички-то тебе зачем? — забеспокоилась Генриетта Глебовна.

— Для работы, — серьезно сказал Сашка. — Не для куренья же... Мама сама положила, а то я всегда забываю...

Генриетта Глебовна вздохнула, как добрая бабушка:

— Не бойся мама отпускать тебя?

Сашка засопел, заперекладывал мыльницу и зубную щетку.

— Ну да, «не бойся». Каждый раз такое... «Прощание славянки»... Завтра позвонить надо, что все в порядке.

— Позвони, позвони... Идемте ужинать. А потом

я постелю проводнику на раскладушке. Игорь Петрович, не возражаете, если в вашей комнате?

Я не возражал.

Когда легли, Сашка сразу начал тихо посапывать. Я тоже стал засыпать, удивившись напоследок, какой длинный и необычный был день. И вдруг услышал:

— Игорь Петрович...

— Что, Саня?

— А вы ту книжку, про мальчика из Назарета... написали?

Сон стек с меня, как темная вода.

— Нет, Саня, не написал.

— А почему?

— Честно говоря, побоялся.

— Потому что религию раньше запрещали, да?

— Нет, что ты... Во-первых, жизнь Христа — это ведь не только религия. Это история, философия и масса всяких общечеловеческих тем... А испугался я только себя. Почувал, что порохи не хватит. Начал и отложил...

— Побоялись, что будет еще один апокриф?

Эк ведь он меня! Почти в точку... Но я не обиделся.

— Понимаешь, Санек, я не сумел. Пока писал просто про его детство: про игры, про школу, про родителей и приятелей, вроде бы получалось. А как доходило до главного... Тема Великого Служения не каждому по зубам. У самого-то у меня в детстве таких мыслей, разумеется, не было...

Я теперь будто не с Сашкой, а с собой говорил. В полумгле. Вполголоса. Но он слышал. И сказал сбивчиво, тихо:

— Но в детстве ведь... наверно, каждый про какой-нибудь подвиг думает...

— Наверно. Только тут не о подвиге речь, а о любви к людям и о желании спасти всех... Знаешь, я мог бы написать, если бы постарался. И возможно, повесть напечатали бы, поскольку времена меняются. Про это была бы еще одна средненькая книжка. И многие сказали бы, что автор спекулирует на модной теме. Сейчас это не редкость... Давай, Саня, спать.

— Ладно, — покладисто сказал он. И вдруг попросил (я даже почувствовал в темноте, как он жалобно поморщился): — Только не называйте меня Саней, хорошо? Сашка — вот и все. Я с рождения привык...

— Ну, если с рождения... А у меня тоже просьба, — начал я и прикусил язык. Потому что получилось бы слишком резко.

Но он понял:

— Больше не лезть с разговорами о книжках, да?

«Так тебе и надо, старому идиоту!» Я объяснил виновато:

— Видишь ли... как говорится, я с этим делом «завязал».

Раскладушка отчаянно заскрипела.

— Почему?

— Как тебе сказать... Сашка. Наверно, все чернила израсходовал, которые были отпущены.

— Ох уж... — недовольно выдохнул он.

Мне вдруг стало чертовски стыдно. Зачем я ною перед мальчишкой? Разве он обязан слушать излияния, которые и самому-то мне противны?.. И все равно он не поймет, что получилось просто несовпадение сроков: «баллончик в авторучке» опустел раньше, чем кончилось календарное время. Оно протянулось усилиями мудрого Артура Яковлевича, которому честь и хвала, но о котором я сейчас не хочу вспоминать. Ни о чем не хочу. Я — человек без имени, беглец в свою последнюю сказку...

— Вы отдохнете в отпуске, а потом все равно за новую книжку засядете, — утешил меня Сашка.

«Я не сяду за книжку, если даже захочется. Потому что не успею ее закончить... Да и какой смысл?»

Она все равно была бы не лучше прежних... Вот если бы найти Тетрадь...»

Но Сашке я сказал:

— Все может быть... Спи.

2. Спички и волчок

Когда я проснулся, Сашкина раскладушка была застелена, сам он сидел на полу. Уже одетый, но босой. Раскладывал на половицах спички, соединял их в ромбы и звездочки. Потом провел над этими фигурками ладонью. Некоторые спички встали торчком, а две подскочили и головками прилипли к ладони.

— Ого... — удивился я. Сашка вздрогнул, обернулся.

— Доброе утро, — сказал я. Сашка ответил без улыбки.

— Доброе утро... Мы, кажется, рано подписали контракт.

— Что такое?

— Ну, потому что сегодня в Подгорье не пройти. Я считал, считал, не получается развертка. Можно только завтра.

— Подумашь, беда какая, — сказал я с облегчением. — Завтра так завтра. Сегодня по Овражкам погуляем. Найдем чем заняться...

Тогда Сашка заулыбался:

— Ага! Тут тоже много всякого, интересного...

— А над чем это ты колдуешь?

— Я же говорю: пространственную развертку смотрел...

— Это что же, способ такой? Со спичками?

— Ну, вообще-то нас по-разному учили. А это я сам придумал. Никакого компьютера не надо. Лишь бы волчок слушался.

— Что за волчок?

— А вот! — Сашка показал картонный кружок, проткнутый заостренной спичкой. — Смотрите! Я в катушку сторону его запускаю? Запомните... — И он крутил спичку двумя пальцами. Легонький волчок затанцевал на половице. Конечно, он вертелся по часовой стрелке. Я так и сказал.

— Ага... А теперь глядите... — Сашка сомкнул над волчком ладони, не касаясь его. Я свесился с кровати, оперся рукой об пол. Сашка развел ладони — медленно, осторожно. Волчок замедлял бег. И крутился теперь... против часовой. Это стало особенно ясно, когда он упал на бок и покатылся.

— Вот так фокус...

— Совсем и не фокус! Просто меняются координаты совмещенных пространств... Игорь Петрович, вы ставать будете? А то Генриетта Глебовна уже два раза спрашивала...

Батюшки, десятый час! Я дернулся под одеялом и выругал себя за то, что спал без пижамы. Сейчас будет неловко перед Сашкой за свой живот, длинные трусы и жидкие волосатые ноги. К счастью, заглянула в дверь Генриетта Глебовна:

— Игорь Петрович, вставай!.. А ты, юноша, помоги-ка мне притащить воды от колонки...

3. «Приличный ребенок»

Во время завтрака мы договорились, что прежде всего пойдем с Сашкой на рынок. Там, помимо всяких других, есть книжный ряд. Генриетта Глебовна сказала, что иногда попадаются редкие издания, а случается, что и рукописи. И глянула на меня с пониманием, словно о чем-то догадывалась.

Сашка проворно и без всякой просьбы хозяйки помог ей убрать со стола и вымыть посуду. За это удостоился благосклонных улыбок и похвал. Но когда

он сказал, что пора, пожалуй, отправляться в путь, Генриетта Глебовна подбоченилась и саркастически спросила:

— Ты что, таким чучелом и пойдешь?

— А чего?... Сашка надул губы. — Не в театр же...

Мне в общем-то было все равно, как выглядит мой проводник, но из педагогических соображений я подержал Генриетту Глебовну:

— Мы не только на рынок пойдем, но и в книжные магазины. Это заведения интеллигентные, а ты — как флибустьер...

Сашка встал в забавную позу марионетки: сдвинул носки кроссовок и колени, растопырил пятки и локти, заболтал повисшими кистями рук. По-птичь, одним глазом, оглядел себя сверху вниз.

— Кошмар-р, — дурашливым, как у Буратино, голоском согласился он. — Хорошо. Сейчас буду умniejszy-благоразумniejszy. И кр-расивый. Аж пр-ротивно... — Повернулся на пятке и ускакал на одной ноге. Генриетта Глебовна засмеялась:

— Ох, не соскучитесь вы с таким проводником.

— Чую...

Сашка появился через несколько минут — причесанный, в новом летнем костюмчике из некрашеной льняной ткани. Я вспомнил, что лет двадцать назад такой же костюм Тереза купила для Дениса, когда мы собирались в поездку по Волге. Сыну эта одежда очень понравилась: не мнется, пыль на ней незаметна, после дождя материя высыхает в пять минут. Дениска в этом наряде и в песке валялся, и воду прыгал, а тот все как новый. Лишь одно раздражало Дениса: желтые пластмассовые пуговицы на шортиках — они были пришиты снизу по бокам, по две с каждой стороны. Сын хотел было их отрезать, но мать отобрала ножницы и хлопнула по рукам: «Что за фокусы! Это фасон такой...» — «Детсадовский фасон...» — «Ты мне порассуждай!..»

В конце концов Денис примирился с пуговицами и привык их крутить в пальцах при разных случаях жизни. Стоит надуться перед матерью, получает очередную словесную взбучку и вертит пуговицы с двух сторон. Или, наоборот, в приступе прыгучего настроения крутит их до отказа, как регуляторы скорости, взлягнет тонкими ногами — и помчался!. Он был маленький, остроглазый, смуглый, не похожий на Сашку. Но сейчас я все же малость вздрогнул...

Мальчишечья мода за двадцать лет, видимо, не изменилась. На Сашкиной курточке (или рубашке на выпуск) я даже увидел такую же, как у Дениса, нашивку: синий кружок со спортсменом-лучником и желтыми буквами по краю. Буквы эти — мальчишечье имя. Нашивку старались подобрать, чтобы имя соответствовало. Кому-то везло, кому-то нет. Денису повезло. А Сашке?.. Я пригляделся. Да, у него так и было вышито: САШКА.

Генриетта Глебовна тоже присмотрелась:

— Это что же, твое официальное наименование? Не Саша, не Саня, не Шурик, а... именно так?

— Ага... — дурашливая нотка опять зарезвилась в голосе у Сашки. — Но все равно я очень воспитанный и примерный. — Он сжал губы бантиком, взялся (как Денис) за пуговицы и повертел ногой в новом желтом носке и оттертой от пыли кроссовке. — Вот, даже башмаки начистил...

— А космы твои все равно чудовищны, — сообщила Генриетта Глебовна. — Не мальчик, а швабра.

— Мы зайдем по дороге в парикмахерскую, — примирительно пообещал я.

Сашка взвился на одной ноге.

— Ешкин свет! Мы так не договаривались! Этого в контракте нету!

— Да ты что? По контракту только стрижешься! — изумилась Генриетта Глебовна.

— Я в парикмахерскую вообще не хожу! Только

мама стрижет или знакомая тета Ира... Потому что в парикмахерских кресла почти как у зубных врачей. Меня там жуть берет.

— И не стыдно?

— Стыдно,— сокрушенно сказал Сашка.— Но зубных врачей все равно боюсь. И вообще всяких... Это у меня врожденное.

— Дурость у тебя врожденная,— решила Генриетта Глебовна.— Ну, ладно. Давай я сама тебя подстригу. Я хотя тоже медик, но без кресла... Надеюсь, не сбежишь?

— От вас разве сбежишь,— вздохнул он.

Генриетта Глебовна усадила Сашку на табурет, укутала ему плечи полотенцем. Достала из комода ножницы — блестящие и большие, как вчера на празднике у костра.

— Зубчиками его,— усмехнулся я.

— Только не коротко,— предупредил Сашка.

Ножницы засверкали, зазвякали. Сашкины космы посыпались на полотенце и на костюм. Они были почти одного цвета с льняной тканью. Сашкина шея постепенно открывалась, показывая резкую разницу между загаром и белой оголившейся кожей. Эта беззащитная белизна тоненькой шеи моего проводника вдруг вызвала у меня щемящее беспокойство: он же совсем цыпленок! Я сам еле ноги таскаю, а если в пути что-то случится с мальчишкой?

Но я прогнал тревогу. Все равно отказываться было поздно.

После стрижки Сашка покрутился перед зеркалом и с удовольствием заметил:

— Хорошо, что уши прикрытые остались. А то обгорят и кожа слезет... Спасибо, Генриетта Глебовна!

4. Чива

На рынке и правда оказался неплохой книжный ряд. И все же ничего особо интересного я там не нашел. Повертел в руках Сытинское издание «Трех мушкетеров» с множеством иллюстраций и отложил. В первых, владец — бородастый юноша в очках — заломил полторы сотни. Во-вторых, кто-то маленький и грустный внутри меня напомнил: «Зачем тебе! Куда?»

И мы с Сашкой пошли бродить по рынку. Купили пучок петушков на палочках, я презрел условности и смачно сосал их на ходу. А Сашки условности вообще не касались...

Овощей было мало — самое начало лета. Зато от цветов рынок просто лопился: груды тепличных георгинов, гвоздик, пионов, гордые хвосты гладиолусов, шапки незабудок, великолепные охапки сирени вышались над оцинкованными ведрами. И еще — букеты веток с бледно-лиловыми квадратными колокольчиками. Сашка сказал, что они называются «кабинетки».

Потом пошли мы в ряды, где тетушки торговали расписными кухонными досками, березовыми туесками, скалками, детскими лопатками, глиняными лупоглазыми кошками, вязаными шапками и шкатулками с узором из соломы. Я загляделся на ларец с разноцветными неземными птицами на лаковой крышке. Сашка отошел, затем вернулся и затеребил меня за рукав:

— Игорь Петрович! Можете мне дать четыре рубля? А то я деньги в тех штанах оставил, в кармане. Вернемся, и я отдам...

— А что такое?

— Ну, так... одна вещь.

Я пошел с Сашкой. На дощатом прилавке были разложены тряпичные пестрые куклы: красавицы в пышных юбках, петрушки в колпаках с бубенчиками, бархатные зайчата, гномы с бородами из капроновых мочалок...

— Вот... — Сашка смущенно показал на клоуна в желто-оранжевом шелковом комбинезоне и алем колпаке. Лицо у клоуна было из мягкой резины, лужавое, с блестящими голубыми глазками. Он ими буквально следил за мной и за Сашкой. «Видимо, голова не самодельная, а фабричная», — мелькнуло у меня.

Сашка смотрел выжидательно и как-то жалобно. «Господи, совсем еще ребенок!.. А игрушка славная».

— Сашка, да я тебе подарю этого молодца!

— Ой, нет! — испугался он и насупился. — Так нельзя. Потому что он сбежал из дома и теперь будто в плену... А чтобы освободить, я должен сам его выкупить, такое правило...

Я не улыбнулся Сашкиной фантазии. В его возрасте я тоже умел хранить верность друзьям, сшитым из лоскутков.

— Вот тебе четыре рубля.

Сашка обрадованно выкупил пленника и прижал к животу.

— Это Чива... У, бродяга, будешь знать, как сбежать, не вычислив развертку... — И щелкнул клоуна по резиновому носу.

Дальше мы так и ходили с Чивой. И Сашка, видимо, ничуть не боялся, что кто-то захихикает над большим мальчиком с куклой.

Мы зашли в музей. Сашка о чем-то тихо поговорила с седой смотрительшей, и она открыла нам подвал запасника.

— Только осторожнее, пожалуйста. Ничего не трогайте, это не здесь и не вещи.

И мы пошли по гулкому помещению, разглядывая портреты воевод с удивительно живыми лицами, громадные книги с непонятным и меняющимся на глазах шрифтом, обломок летающей тарелки с негаснущей капелькой сигнального фонарика. Было здесь еще темное зеркало, в котором отражения вели себя странно, отказывались повторять гримасы, а Сашка на первые пять секунд отразился в нем одетый в прежний урезанно-школьный костюм и при этом не с Чивой, а с рыжим котенком на руках.

В отдельной витрине лежала суковатая кривая палка. Если верить надписи, это была клюка бабки Дар-Овражки, много лет назад морочившей голову местному суеверному населению...

После музея мы пообедали в столовой «Три апельсина», потом заглянули в две книжные лавки, не усмотрели в них ничего достойного внимания, и посетили маленький видеосалон. Там шли старые фильмы с Чарли Чаплиным, и Сашка хохотал от души. Я тоже. Помоему, и Чива веселился — всплескивал ручками и улыбался...

Я хотел вернуться на рынок, чтобы купить букет для Генриетты Глебовны. Сашка, однако, напомнил, что после полудня путь к рынку закрыт и вместо него мы, хочешь — не хочешь, попадем на обширную городскую свалку.

— Там тоже интересно, только цветов не бывает...

Букет мы купили у старушки на углу Заречной и Луговой. Алые гладиолусы. Генриетта Глебовна была весьма тронута, но отругала нас за то, что обедали в столовой. Пришлось обедать еще раз. После чего я сказал, что сейчас улягусь с книгами на кровать и не тронусь с места до вечера, пускай пространство хоть наизнанку выворачивается. И Сашка попросил:

— Игорь Петрович, можно я тогда пойду поиграю с теми ребятами на пустыре?

— Только не до темноты,— заявила Генриетта Глебовна.

— Ага... Не совсем до темноты.

Он переоделся в жилетку и «зубчатые» штаны, оставил Чиву на подоконнике, показал ему кулак и умчался... И вернулся, как накануне, в сумерках.

СУНДУК

1. Лампочка за окном

Генриетта Глебовна дала нам на ужин молока с магазинными ватрушками.

— Извините, ничего не приготовила. Спешу на ночное дежурство, там, кажется, будет очень интересное дело...

Она ушла.

— Ну что, Сашка, будем укладываться? — Меня тянуло в сон.

— Ага. Только кружки помою.

— Давай уж тогда вместе...

— А чего тут делать вместе-то? Вы идите, ложитесь...

В нашей комнате я вытащил из «сидора» японскую пижаму с дурацкими павлинами и цветами, но легонькую, шелковую. Облачился и залез под одеяло. И вмиг уснул.

Но сон не был спокойным. Сразу привиделся ползнакомый вечерний город, названия которого я не помнил, но знал, что где-то в нем есть чудесная букинистическая лавка. И я искал эту лавку, причем пробирался запутанными переулками, спускался по каменным лестницам в какие-то трущобы, блуждал по укрытым в чертополохе тропинкам, оказывался на освещенных рекламными площадями. Ехал на открытых трамвайчиках, ловил такси... Лавка пряталась в улочке за темным готическим собором — я это помнил, — но улочек таких было множество, и каждый раз я попадал то в аптеку с заспиртованными в банках ящерицами, то в бакалейный магазинчик, где пахло ванилью, то в подозрительный притон... Поиски затягивались, а я ведь обещал маме быть у нее не позднее десяти часов. Надо было хотя бы позвонить, что задерживаюсь. Телефонные будки попадались на каждом шагу, но аппараты, конечно, не работали: то диск выломан, то трубки нет... А в одной будке висел вообще не аппарат, а старый деревенский рукомошник и табличка с надписью: «Одно умывание 10 коп». Я послушно сунул в щелку гривенник, но воды в рукомошнике не оказалось, из него вылез рыжий таракан и насмешливо зашевелил усам-антеннами...

Наконец я нашел телефон, который откликнулся гудком. Но диск срывался, скрипел, а потом я сообразил, что набираю не тот номер — не мамин, а журнала «Заря». На этом сон рассеялся. Опять я не дозвонился. Как и в прошлых снах...

Я открыл глаза. Лампа в комнате была выключена, но за окном, на столбе у обрыва, горела белая колючая лампочка под алюминиевым отражателем. Раньше я ее не видел, не включали, наверно. Света в комнате хватало, я разглядел Сашку. Он сидел на раскладушке, обхватив колени, и смотрел перед собой.

— Не спится?

— Ага...

— Может, задернуть шторку?

— Вам мешает свет? — беспокойно спросил он.

— Нет. Я думал, тебе...

— Я на картину смотрю... Я и раньше на нее смотрел, а сейчас она какая-то... особенная...

Лампочка хорошо высвечивала холст в раме. Оковки на сундучке сверкали как настоящие, волосы у мальчика золотились. И мне даже показалось, что Андрис, ощутив мой взгляд, чуть шевельнулся — словно оглянуться хотел.

Сашка вдруг заговорил:

— Как живой. Волосы будто шевелятся. И руки вздрагивают, устал держать крышку-то... Надо было

стул подставить, а потом уж открывать. — Ну, прямо мои мысли угадал! Я сказал:

— По-моему, он на тебя похож.

— Да? — как-то ревниво отозвался Сашка.

— Такой же светлый. И обросший, как ты недавно...

Сашка почему-то вздохнул:

— Бывает, что волосы похожи, а лицо — ничуть...

— Ну... если тебе интересно, давай спросим у Генриетты Глебовны, нет ли фотографии. Это ведь ее двоюродный брат изображен.

— Правда? — обрадовался Сашка. — Значит, эта картина — документальная?

— Можно, наверно, и так выразиться... В общем, с натуры.

Сашка подумал.

— Нет, не надо фотографию. Так интереснее... Можно думать, что и правда похож...

«А зачем это тебе?» — чуть не сказал я. Но сдержался. Мало ли какие причуды у мальчишки...

Он спросил:

— Когда же это писали-то? Она ведь совсем старая, Генриетта Глебовна. Значит, и брат...

— Кажется, в тринадцатом году, еще до первой мировой...

— Ешкин свет! Вот это древность...

Конечно, для него картина была древностью. Впрочем, даже мне в мальчишечьи годы все, что было до революции, казалось глубокой стариной. И если бы я знал в то время, что картина написана в начале века, тоже смотрел бы на нее, как на музейное полотно. Только я не знал тогда... Я сказал:

— А для меня в детстве этот мальчик был чуть ли не соседом со двора. Одежда такая тогда еще не выглядела старомодной, разве что ботинки с кнопками. Да волосы... В наши годы мальчишек стригли коротко. Но все равно в те времена Андрис казался мне одноклассником-приятелем...

— А что за имя такое — Андрис?

— Он литовец. Но это я только сегодня узнал. А тогда называл его про себя Владиком...

— А вы, значит, бывали здесь, когда еще маленький были?

— Бывал — не бывал... — Меня будто за язык дернули. А впрочем, с кем еще поговорить об этом? — До сих пор, Сашка, не знаю... Сложная это штука — явления отраженного мира.

— Что-что? — сказал Сашка. Быстро лег, оперся локтем о подушку, уставился на меня.

2. Отраженный мир

Сашкино лицо было в тени, но я видел, что глаза его сильно блестят.

— Что за явления отраженного мира?

— Видишь ли... Сперва мне казалось, что я придумал их сам...

— Когда книжки сочиняли? — понимающе сказал Сашка.

— Ну... и когда «сочинял», как ты выражаешься. И вообще... Это постоянно складывалось. И я считал, что все это — моя выдумка, пока не наткнулся на одну книгу... Пухлая такая, в коричневой обшарпанной коже, с ворсистой бумагой. Конец восемнадцатого века. «Первое рассмотрение свойств трехмерного зеркала, Сочинение господина Альфреда де Ришелье, перевод с французского...» Да, такой вот автор. Может, родственник знаменитого врага мушкетеров... Начал я эту книгу просматривать — и глаза на лоб: неужели еще тогда люди всерьез об этом рассуждали? О том, что мне казалось фантастикой... Но долго читать мне не дали, магазин закрывался.

— А, значит, вы ее не в библиотеке увидели!

— В лавочке со старинными книгами, в Вильнюсе... Стоила книга ни мало, ни много две сотни...

— Ешкин свет!
— Что поделаешь, антиквариат... Денег у меня с собой не было. Я договорился, что приеду на следующее утро. И... вот ведь чертовщина! — не смог потом отыскать этот магазин в запутанных средневековых улочках, там с непривычки легко заплутать... Будто кто-то нарочно уводил меня от этой книги. Знаешь, как здесь говорят: «Бабка Дар-Овражка водит...»

— Может, и правда кто водил? — серьезно сказал Сашка.

— Не знаю... Так и не нашел. А вечером пришло время уезжать.

— Жалко...

— Еще бы... Но вот что самое загадочное. Потом нигде, ни в каких каталогах самых солидных библиотек я не мог найти даже упоминания об этом сочинении Ришелье. Теперь думаю: может быть сама эта книга была частью отраженного мира? Как говорят иногда — не здесь, а там.

— Может быть, — охотно согласился Сашка. И как-то очень по-взрослому добавил: — Но я никогда не слышал об отраженном мире. В чем суть?

— Видишь ли... это надо рассматривать как задачу. А решить ее можно, если только принять за истину одно условие. Оно может показаться странным — что Вселенная имеет кристаллическое строение. Вернее, обладает определенными свойствами кристалла. У него, у кристалла этого, бесконечное множество граней, но каждая грань не плоскость, а трехмерный, объемный мир. Вроде нашего, где мы живем. А может, и больше, чем трехмерный... Конечно, это трудно сразу воспринять...

— Почему трудно? Мы проходили. И теорию Кристалла эту, и про многомерность...

— Да? — удивился я. — Где? В школе?

— Не в школе... Сперва в кружке, потом на занятиях в «Пилигриме». Какого проводника пустят на дорогу, если он этого не знает? А я все-таки лоцман... — Последнее прозвучало у него чуточку горделиво.

— Лоцман? Это ведь морское звание!

— Не обязательно... Ну, в общем проводник по сопредельным пространствам.

— И ты во всем этом разбираешься? В таких теориях...

Сашка вздохнул.

— В этом никто не разбирается до конца. Тут мозги вывихнешь... Но можно просто чувствовать. Есть же, например, люди, которые хорошо поют, хотя нот не знают. Это наш инструктор так говорил. Потому что выучить теорию — жизни не хватит...

— Но кое-что ты все-таки понимаешь...

— Ага... Только что такое «отраженный мир»? Этого мы не учили.

— Я попробую объяснить. Так, как это мне самому представляется... Если взять обычный гладкий кристалл, то в его гранях все отражается, как в зеркалах. Грани Великого Кристалла, то есть Вселенной, тоже обладают зеркальными свойствами. Но они ведь не плоскости, а пространства. Поэтому в них гораздо реальнее, чем в простом зеркале, отражаются все события и свойства лежащего по соседству мира. Его внутренняя структура, запахи и даже время. Если учесть, что оно — четвертое измерение мира. Длина, ширина и высота — это три измерения, а время — четвертое...

— Но это же примитив! — не выдержал Сашка. — Ой, простите...

— Ничего... Но почему примитив? Обычное толкование.

— Ну и... неправильное толкование! Время — это лишь одно из качеств четвертого измерения. Не главное. А главное — многовариантность одних и тех же событий... Это любой пацан в подготовительной группе знает. Все, кто четырехмерники...

— Подожди... Ты, конечно, специалист, а я так,

просто со своими фантазиями. Вот изложу все, тогда критикуй...

— Ладно, — хмыкнул Сашка. Следовало бы обидеться и замолчать, но меня, как говорится, заело.

— Ты слушай! В трехмерном, объемном зеркале отражаются все свойства соседнего мира, не только его внешность. И время отражается. А время — любое, в том числе и отраженное в чужом пространстве — обладает способностью самостоятельного движения... Это, кстати, я успел прочитать у Ришелье... И вот время — как измерение — начинает работать в отраженном мире само по себе. И толкает этот мир по пути автономного развития. И тогда он перестает зависеть от того, от которого отразился, начинает жить в собственной, только что возникшей реальности... Но он же существует не где-то отдельно, а в том трехмерном пространстве, где до его отражения был уже свой мир. И теперь получается, что они живут, перепутавшись друг с другом... Ох, я задурил тебе голову. И себе заодно...

— Мне ничего вы не задумали, — заметил мой собеседник с нахальной ноткой. — Все тут просто в этой системе... Ну, я же и говорил: многовариантность развития. Только непонятно, при каких условиях возникает отражение.

— Мне тоже непонятно. Пока мне казалось, что все такое я лишь выдумал, было действительно просто. Но разве это выдумка: и город Овражки, и Гора, и... — «И ты» чуть не сказал я, но спохватился. — И эта картина...

— И сундук... — Сашка, по-моему, нарочно перешел на другую тему. Деликатно так... — Картина — это ведь тоже отражение мира... И, может, у нее тоже свое развитие, только очень медленное, для глаза незаметное... Может, мальчик все-таки когда-нибудь дотянется...

— Или крышкой ему стукнет по пальцам. И он заревет.

— Он не заревет... — Сашка, видимо, обиделся за Андриса. Потом сказал: — А сундук-то ведь тот самый, что ногу мне чиркнул. Вот... — Он покачал в свете уличной лампочки ногой с черной царапиной.

— Тот самый... — сказал я. Почему-то с беспокойством.

— На комодке стоит.

— Ну... и что с того? Это, видимо, семейная реликвия.

— Ага... Интересно, что в этой реликвии? Ведь не зря же он так тянется! — Сашка кивнул на Андриса.

— Уверю тебя, ничего. Я нес его со станции, он пуст.

— Он был пуст. Пока вы несли... — Сашка сел на скрипучей раскладушке. — Это ведь такой сундучок... В нем все что угодно может оказаться!

— Бабушкины вязальные крючки и квитанции за квартплату.

— Не-е... — задумчиво сказал Сашка.

— А если и «не-е»? Какое наше дело?

— Но должны же мы ему помочь! — Сашка опять кивнул на Андриса. Потом вскочил, включил лампу.

— Не выдумывай! — отрезал я. — Мы кто? Жулики?

— Но мы же ничего не возьмем! — возмутился он. — Только поглядим, если он не заперт! — И добавил: — Вы же сами видите — это не простой сундук. Вдруг в нем...

— Что?

— Вдруг... книга. Ришелье...

Я присвистнул. Крутнул у виска большим пальцем с растопыренной ладонью. Но получилось это неуверенно. Потому что предательски шевелился уже червячок любопытства. И знакомое ощущение тревоги и поиска глухо толкнулось в сердце. Я сел. А Сашка уже стоял посреди комнаты — в куцей широкой маечке, в черно-оранжевых трусиках, похожих на клочок тигриной шкуры, костлявый, с торчащими, как рожки,

сосульками волос и растянутой в полумесяц улыбкой. Ну, воистину, маленький бес-искуситель.

— Сашка, нехорошо же это! Без спроса... Даже неприлично.

— Одним глазком...

— Ох, добром это не кончится.

Он еще шире растянул свои губы в трещинках:

— А может, и кончится.

3. ГОЛОС

Мы из осторожности не стали зажигать свет в комнате Генриетты Глебовны. Включили лампочку в прихожей, широкий луч упал из двери на комод. На сундуке. Узорная жесь заблестела — ну точно, как на картине. Сашка подтащил старинный дубовый стул. Ногу об ногу обтер босые ступни. Встал на сиденье, оглянулся на меня. Я пожал плечами: мол, ты затеял, ты и продолжай. Но сердце перестукивало. Наверно, как у маленького Андриса.

Сашка взял крышку за уголки. Приподнял. Звонкий жестяной щелчок раздался в натянутой тишине. Меня аж потрянуло. Сашка тоже вздрогнул, но крышку не отпустил. За щелчком последовал другой, еще звонче. И снова, снова. Они складывались в дребезжащую мелодию — это играл музыкальный механизм. Какую-то колыбельную музыку. Кажется, «Рыбки уснули в пруду»...

— Ёшкин свет...

Мы подождали, когда механизм отзвучит, и Сашка медленно отвалил крышку. Глянул в сундук, опять помянул «Ёшкин свет». Я тоже заглянул с высоты роста. Был полумрак, но все-таки свет из прихожей отражался от белого потолка. И я разглядел, что в сундучке... (вот уж действительно не знаешь, чего ждать!) — старинный телефонный аппарат. Блестели

вилки, на которых лежала трубка, и кольца на микрофоне и наушнике.

Сашка не долго думая поднатужился и выставил телефон под лучи лампочки. Аппарат был, видимо, тяжелый. Мне показалось даже, что корпус у него из малахита. Наверно, тоже достояние старинной семьи Барново... Хотя такая ли уж старина? Почему тогда на корпусе вполне современный пластмассовый диск для набора?

— Зачем ты вытащил? — прошептал я. — Договорились же не трогать...

— Послушаем...

— Что послушаем? У него даже провода нет!

Но Сашка снял трубку, приложил к уху, потом придвинул мне. И в телефоне (без подключения, без шнура!) я услышал певучий сигнал.

— Хронофон, — со сдержанным удовольствием сказал Сашка. — Темпоральная связь. Ай да бабка Генриетта... Это знаете, что такое? Это...

— Да знаю, знаю... — Я и правда знал. Но я не думал, что они бывают на самом деле, когда писал про такое в повести «Дети Кристалла». С ума сойти...

С ума я не сошел, но легкая обморочная невесомость окутала голову. Потому что... Это значит, можно брать вот так, прямо сейчас, позвонить... Услышать... Раньше это бывало только в снах, и то не во всяких, а в редких, счастливых...

Какой выбрать день?

Конечно, тот, седьмое августа. Я даже число запомнил. Еще бы не запомнить, накануне маминого дня рождения. Преподнес тогда подарочек!..

С утра я увязался за большими ребятами, которые из автомобильных камер сделали «корабль» и решили прокатиться вниз по нашей реке Туре. Путешествие получилось чудесное, но за городом, у деревни Новый Бор, судно наше рассыпалось. И вовремя! А то вообще неизвестно, когда бы вернулись... С от-

меди мы выбрались на берег. Автобуса, на который мы надеялись (он изредка ходил из Нового Бора до городского рынка) не было и в помине. И побрели мы по тракту, толкая перед собой надутые камеры. Они были тугие, «сытые». А мы голодные, измотанные...

Домой я добрался чуть ли не к полуночи. И готов был полной мерой расплатиться за самовольное путешествие и за то, что пережила мама, считая меня потонувшим... Но расплаты не было. Мама со мной просто не разговаривала. Поставила на стол тарелку с пшенной кашей, молоко, хлеб, ушла в другую комнату и легла... До еды ли мне было? Как я подступал к маме с разных боков, как пытался все объяснить, как просил прощенья! Она только лежала и всхлипывала...

Я на все был готов. Пусть даже моя юная тетушка Лика взгрет меня своей линейкой. Не буду ни отмаживаться, ни ругать ее. Но Лика укатила на каникулы, мы с мамой были вдвоем. Вернее, каждый теперь сам по себе...

Сейчас можно позвонить! «Я заигрался с ребятами, далеко от дома, приду поздно, ты не волнуйся!» Потом, конечно, попадет, но зато не будет у нее такой тоски, такого страха...

Нервно и решительно я крутнул диск: 08.

Откликнулись тут же — девичий голос: «Пятая слушает».

— Это темпоральная?.. Девушка, можно город Новотуринск?.. Да... Даю: девятнадцать — сорок девять, август, семьмое... Да-да, ноль восемь — ноль семь. Телефон шесть полсотни три... На двадцать ноль-ноль местного... Нет, что вы, какая автоматика! Сорок девятый год... Да, кто подойдет...

Я знал, кто подойдет к пыльному настенному аппарату в коммуналном коридоре. Наша дверь к телефону ближе всех... Гудки зазвучали отчетливо, близко, будто не было между нами толщи лет. И голос — громкий, такой, что слышно почти как по радио:

— Это кто?.. Решка, это ты?

Господи, неужели правда?

— Решка, не молчи! Где ты носишься? Вечер уже!

Я онемел. Понял вдруг: если скажу хриплым своим инвалидным голосом «это я» — тогда что?

— Решка...

Вот мука-то!

Я встретился взглядом с Сашкой. Он смотрел испуганно и даже со страданием. Наверно, и я на него так же... Он вдруг взял у меня трубку. И звонко так:

— Мама!.. Мы тут с ребятами забегались, я забыл, что уже поздно... Ну, ма-а, ты не волнуйся только! Да нет, скоро я не могу, потому что далеко!.. Ну, я постараюсь, ты, главное, не бойся!.. Ага! Все, пока!.. — И брякнул трубку на рычаг.

С полминуты молча мы смотрели друг на друга. Потом горло у меня словно оттаяло.

— Сашка... Ты как догадался? — И неловко мне было, и благодарен я был, и даже в глазах щипало...

— А чего... — Он отвел взгляд, переступил на стуле. — Это у всех одинаково...

— Спасибо... ты, брат, настоящий проводник, с тобой не пропадешь...

— Да ладно... — бормотнул он. Взъерошил пятерней загривок. Подумал... — А что если Андрису позвонить?

— Кому?.. — Я все еще был в плену события. Неужели это правда? Я слышал её голос?..

— Андрису, — с нажимом повторил Сашка. — Ну, мальчику с картины... Вы знаете, где он жил?

Я встряхнулся.

— Шяуляе, в Литве... Едва ли у них был телефон. Тринадцатый год. Да и номер мы все равно не знаем...

— Жалко... Вот бы спросить: заглянул он все-таки в сундук или нет? И что там было тогда...

— Но Сашка... Это же просто картина. Художник придумал сюжет, поставил мальчика, стал писать...

— А вдруг не так! Может, сперва было по правде... А телефон узнаем в справочном... Дайте трубку, пожалуйста...

Я дал. И хотел сказать, что мальчиков Андрисов в Шяуляе во все времена было, наверно, полно: попробуй найди... Но в этот миг что-то большое заслонило свет.

4. На месте преступления

Сашка тихонько пискнул и рывком положил трубку. И кубарем — со стула. Я же в момент забыл телефонный разговор и связанные с ним переживания. Перепугался, как десятилетний Решка, зацепившийся штанами за палисадник в чужом огороде. Сашка притиснулся ко мне.

Генриетта Глебовна щелкнула выключателем. Затем неторопливо и молча, со сдержанным негодованием на челе подошла она, поставила телефон в сундук и торжественно опустила крышку. Жестяной механизм сыграл «Рыбки уснули в пруду»...

В общем, попались рыбки... Я чувствовал себя вдвойне дурачки из-за своей японской пижамы — этакий старый дурень, пойманный на ребячьей проказе. Полураздетому Сашке тоже, вить, было неудобно под ярким светом и неласковым взором.

Поразглядывав нас, Генриетта Глебовна спросила:

— Интересно, как вы догадались об аппарате? И что вас к нему привело?

— Интуиция, — сокрушенно признался я. Не стал уточнять, что Сашкина интуиция, а не моя. — И, увы, неистребимое детское любопытство...

— Вот именно детское, — сухо подытожила Генриетта Глебовна. — Срам, судари мои... Конечно, Игорь Петрович, я могу объяснить ваши действия оригинальностью творческой натуры. Но все-таки... вы же взрослый человек!.. Это не здесь я вещь. Надо понимать, что с такими предметами не шутят.

— Уже понял, — сказал я покаянно.

— Мы и не шутили, — буркнул Сашка. — Игорь Петрович всерьез разговаривал.

Кажется, хозяйка чуть-чуть смягчилась:

— Ну и... получилось у вас?

— По-моему, да, — вздохнул я.

— Вам повезло... И все-таки, Игорь Петрович, какой пример для мальчика...

А мальчик бесшумно исчез. Я даже разозлился: что за дезертирство! Но Сашка тут же возник опять. Уже в завязанной узлом на пузе рубашке и зубчатых штанах. В этом наряде он обрел некоторую уверенность и заявил довольно дерзко:

— А чего! Вы же сами говорите: нездешняя вещь. Вот я и решил, что это будет в русле программы...

— Ах, «в русле»!.. Ты считаешь, будто программа «Пилигрима» дает право совать нос везде, куда захочется?

— Не везде... — набычился Сашка. — А будто вы не имеете отношения к «Пилигриму»...

— Ни малейшего! Не хватало мне в моем возрасте связываться со всякими сомнительными предприятиями!

Я сказал примирительно:

— Ладно, Сашка, давай просить прощения и обещать, что больше не будем.

— Никаких прощений, — пророкотала Генриетта Глебовна. — Считайте, что вы оба отшлепаны и поставлены в угол. Одного поля ягоды...

— Ну, что же... Пойдем переживать заслуженную кару...

— Не заслуженную, — упрямо сказал Сашка хозяй-

ке.— Сами же вы своей картиной... как это... спровоцировали, вот!

— Что-что? — изумилась Генриетта Глебовна.

— Конечно! Там на ней мальчишка лезет в сундук, а тут этот сундук вот он, наяву. Кто удержится?

Генриетта Глебовна закусила улыбку.

— Ну, сударь мой! Так можно что угодно привязать одно к другому...

— Это не просто одно к другому. Это стереоскоп,— непонятно огрызнулся Сашка.

— Ладно, господа, ступайте спать. И благодарите судьбу, что сегодня я добрая... Только что помогла появиться на свет здоровому толстому мальчишке. Надеюсь, он в жизни будет более благограумен и осмотрителен, чем вы...

— Поздравляю,— сказал я.

— Приятного сна... Впрочем, если желаете, я согрею чай.

— С вареньем? — спросил этот нахал.

— Нет, спасибо,— решил я.— Спокойной ночи.— И глазами показал Сашке: выметайся.

Когда мы оказались у себя, Сашка скинул штаны и рубашу и заметил хладнокровно:

— Все хорошо, что хорошо кончается.

— Просто чудо, как хорошо... Стыд такой.

— А зато...— Он не договорил и полез под простыню.

Да, «зато»!.. Я помнил теперь, что в тот вечер мама сердилась недолго. Сперва, конечно, отругала: «Усвистал куда-то на весь день, а потом звонит будто с того света! Вот напишу отцу!» Но скоро мы помирились и вместе хохотали, слушая, как выступают по радио артисты Тарапунька и Штелсель...

Свет с улицы по-прежнему падал на картину. У Андриса на ноге со съехавшим чулком сидел залетевший в форточку комар. Большой, черный. Мне показалось, что Андрис шевельнулся, беспокойно двинул ногой. Я удерживался от смешного желания встать и прогнать подлое насекомое. А Сашка не удержался! Вскочил, шуганул комара и снова бухнулся в застывшую раскладушку.

— Игорь Петрович, а вот он, Андрис, кем сделался, когда вырос?

— Летчиком... Хорошим летчиком, храбрым. Собирался даже лететь через Атлантику. Тогда это было сложнее, чем сейчас в космос...

— И полетел?

Не хотелось мне на сон грядущий огорчать Сашку.

— Да,— сказал я.— По-моему, да...

Глава пятая

ПОДГОРЬЕ

1. Равнина

Волокнистое небо Подгорной равнины излучало серовато-медный свет. Не поймешь — дневной или вечерний. Такой рассеянный, что предметы не отбрасывали теней.

Мы легли на траву. Она была ползучая и упругая, вроде «пастушьей сумки». Из нее там и тут росли стебли со стреловидными листьями и желтыми колокольчиками. Колокольчики выглядели симпатично и пахли зубной пастой «Доброе утро». Но стебли были твердо-хрупкие, какие-то неживые, а на листьях — колючие усики. Сашка то и дело почесывался и поминал Ешкин свет. Но вставать и менять место не хотелось.

Мы давно миновали речку, прошли с десяток верст без дороги по каменному полю, на котором изредка темнели шапки коричневатых кустов и торчали похожие на чудовищ скалы. А потом попали на это травянистое место и решили отдохнуть. Сжевали по бутерброду, хлебнули из фляжки холодного чая и теперь лежали просто так. Сашка положил руки под затылок, ноги согнул и смотрел в «потолок». Его колени торчали под колокольчиками. В здешнем, полном желтых тонов воздухе они казались золотисто-смуглыми. Я взглянул на свои руки. Они тоже были светло-коричневыми. Какой обманчивый свет! Слово сразу тебя покрыв крымский загар...

Я глянул вверх. Длинные волокна облаков тихо передвигались, хотя внизу не ощущалось ни малейшего ветерка. Облачные ткани были просвечены бледно-лимонными лучами.

— Что же это все-таки за излучение? — сказал я.

— Толком никто не знает... Может, это отраженный свет солнца,— отозвался Сашка.

— Какого солнца? Оно же... за толщей!

— Многие считают, что за толщей... А некоторые говорят, что там, наверху, все-таки небо. Особенно ребята... Бывает, что они делают воздушные шары из папиросной бумаги, надувают горячим воздухом и на нитке отпускают за облака. И вот нитка тянется, тянется иногда целый километр... А у Горы-то какая высота, если снаружи смотреть? Ну, метров триста самое большое. Куда же шар уходит?

— И куда же он, по-твоему, уходит?

— По-моему, там все-таки небо.

— А как же... каменный свод?

— Он тоже есть... И небо есть. Просто они в разных измерениях... Все это выяснить было бы очень легко. Надо только, чтобы кто-нибудь поднялся на большом шаре за облака.

— Неужели никто никогда не пытался?

— Большой шар незаметно ведь не сделаешь. А если заметят — не пустят, Подгорский горсовет запрещает полеты.

— Почему?

— Ну, говорят, что опасно. А на самом деле боятся, наверно, открытого неба. Под колпаком-то спокойнее...

— Но как-то неуютно всю жизнь без солнца, а? Я бы не смог... А ты?

— А нам и не надо всю жизнь! Завтра мы пойдем в места, где небо открытое. В такие города...

Он сказал «города» с каким-то особым значением. Слово с намеком на мои давние сны.

— Сашка... А как мы отсюда в них попадем? Ведь вокруг Подгорья стена, камень...

Он удивился:

— Вот вопрос! А как попали сюда?

2. Четвертое измерение

Действительно, как попали?

Когда подошли к речке, я увидел ту же ребристую гранитную стену, что вчера, и озабоченно оглянулся на проводника. Сашка был спокоен и деловит. Он не стал пижонить, как Костя, разулся, оседлал бревно и так переправился на тот берег. Пригнал плотик (который опять был на другой стороне). И я совершил плавание через подземную речку второй раз.

— А дальше? — неуверенно сказал я.

— Сейчас...

Сашка неторопливо зашнуровал кроссовки, одернул свою льняную одежку, выпрямился, заложил руки за спину. Задрал голову... Так они с минуты стояли друг против друга — уходящий в облака гранитный массив и мой проводник Сашка Крюк — этакое растрепанное (несмотря на недавнюю стрижку) созданное в распахнутой рубашке и сбившейся на пузе май-

ке. Скала всей своей мощью презирала Сашку, а он покачивался на тонких и гибких, как резиновые трубки, ногах, сжимал и разжимал за спиной пальцы. И, как жетсы, шептал что-то...

Потом он сказал негромко и быстро:

— Встаньте у меня за спиной, пожалуйста.

Я встал.

— Если закружится голова, не бойтесь, это недолго... А лучше закройте глаза на минутку.

Но я не закрыл. Из любопытства и вообще... Что я, боязливая девица, что ли?

Сашка сложил перед лицом ладони, волнисто пошевелил ими. Затем правой ладонью описал широкую, на полный взмах окружность и резко бросил руки вниз. Но они не повисли прямо — локти растопырились, а кисти заболтались (и опять вспомнилась кукла на ниточках). Не оборачиваясь, он протянул над плечом правую руку мне. Я взял... и увидел, что можно идти.

Собственно говоря, ничего не случилось. Так же стоял поднебесный скальный массив. Но была еще и равнина, по которой шагай да шагай. Я не могу объяснить, как это поле и эта каменная стена не мешали друг другу, как сочетались в пространстве. Но тогда это показалось вполне естественным.

— Идем! — сказал Сашка. И, держа мою руку над своим плечом, повел меня. Так мы прошли с полсотни шагов, а потом зашагали рядом...

Тогда я ничего не спросил Сашку о его колдовстве. Собственно говоря, колдовства в тот момент я и не почувствовал. Но сейчас, на привале, как бы очнулся:

— А правда, Сашка! Как мы прошли сюда? Ведь это же глухая, замкнутая емкость! Верно?

— Ага... — сказал Сашка с ноткой удовольствия. — Все дело в том, что четвертое измерение.

— Что из того, что четвертое? Ну, особые свойства времени в нем, ну, разные варианты одного события... При всем при этом в закупоренную банку все равно не влезешь.

— Как раз влезешь! — Сашка быстро сел. — Вот смотрите!

Шелестя по листьям, я придвинулся к Сашке. Он сорвал колокольчик, выдавил из него шарик белого красящего сока, нарисовал на ладонке окружность. А цветок положил в центре.

— Ну вот. Допустим, вы букашка...

— Благодарю.

— Ой... я не так хотел сказать. Ну, все равно... Букашке надо пробраться к цветку. А этот круг — непроходимая граница. Понимаете?

— Представь себе, да. Я с детства был понятливый...

— Ой... вы не обращайте внимания, что я так говорю. Я это, чтобы лучше объяснить... Как букашке пробраться в круг, если они в двухмерной плоскости, где длина и ширина?

— Никак, — важно согласился я.

— А если букашка использует третье измерение, высоту, она — раз! — и перелетела через границу...

— Понятно! А если вместо окружности мы имеем замкнутую емкость и букашка должна отыскать цветок именно в ней, она должна использовать четвертое измерение! Так? — Я вспомнил, что в какой-то брошюре читал такое рассуждение.

— Ага! — весело сказал Сашка. — Только...

— Вот именно! Большое «только». Как это делается не в рассуждениях, а на практике?

— Делается... — Сашка слегка потускнел. — Я не знаю, как... Нас учили графики всякие выстраивать.

Совмещение генерального меридиана с линией этих... сопредельных граней... Но я не помню... — Он бросил смятый колокольчик. — Главное, это надо чувствовать. Чтобы поймать нужный миг.

— Но со спичками ты все же считал что-то, — вспомнил я.

— Не-е... Я просто смотрел, как они лягут.

— Это вроде гадания, что ли? — не выдержал, подцепил я. Но Сашка не обиделся. Обрадовался даже:

— Правильно! Мама тоже смеется: «Ничего не учишь, только ворожишь, как бабка...»

— Бабка Ёшка...

— Точно! — Сашка весело повалился затылком в траву, взбрыкнул кроссовками. Плюнул на испачканную соком ладонь, вытер ее о ногу, перевернулся на живот, подпер пальцами щеки. И глянул выжидательно: не спрошу ли я еще что-нибудь?

Я сказал:

— Фантастика... Если наука подошла к этому вплотную... если практической многомерности учат даже в каких-то кружках, почему об этом не шумят, не пишут? Ведь, по сути дела, новая эпоха человечества может начаться...

— Не-е... Наука еще не совсем подошла... А когда подойдет, шума все равно не будет. Как с инопланетянами...

— С кем?

— Ну, с пришельцами. Раньше думали: вот прилетят первый раз — общий праздник будет, митинги, встречи, по телику передачи на весь мир... А уж сколько раз прилетали, и контакты были всякие, ну и что? Одно сообщение про контакт, а десять, что все это неправда. Чтобы шуму меньше было. У нас ведь бояться всяких необыкновенностей. Особенно начальство...

— Пожалуй, ты прав. Бояться, как Подгорский горсовет открытого неба.

— Ага! Хотя открытое небо — это ведь как раз самое обыкновенное... И многомерность — тоже обыкновенное дело. Просто еще время не пришло.

— Время — когда для всех откроется многомерный мир?

— Да... — задумчиво сказал Сашка. — Оно ведь все равно придет. Вот смотрите, сперва Земля была плоская...

— Это люди думали, что плоская...

— Ну да! Потом открылось, что шар, и скоро к этому привыкли, сейчас запросто вокруг света ездят туристами... После в космос полетели, в бесконечный, он тоже открылся. И опять все привыкли... Мир, он же расширяется, только не сразу, а время от времени...

— И настала очередь многомерности?

— Да! И совмещенных пространств... Только очередь, наверно, еще не совсем настала. Пока только первые лазейки... Но раз они есть, проводники-то нужны, правда ведь? — Сашка вдруг смущенно надулся.

— Еще бы! — сказал я. — Конечно нужны. — И подумал: «Куда бы я без тебя делся?»

И вздрогнул. Потому что послышалось: «М-мяу!» Из Сашкиной сумки, которая стояла у него под боком, вылез полосато-серый котенок.

3. Воспоминания на привале

— Что за явление? — изумился я.

Но мой проводник спокойно сгреб котенка, посадил себе на грудь, погладил. Тот заурчал.

— Чибя это... Что, надоело в темноте, бродяга?

Вот, значит, как! Ладно... Если уж решил, что находишься в отраженном мире, нет смысла удивляться мелким фокусам. Я вспомнил станцию Начальную и подозрительно спросил:

— А это создание не умеет ли превращаться еще и в серую птичку с хохолком?

— Он в кого хотите умеет превращаться,

— Мрр-да,— отчетливо произнес котенок.
 — Смотри-ка ты!.. Откуда у тебя такое чудо?
 — В прошлом году нашел за помойкой. Он был вороненком, с перебитой лапой. Мы с мамой его лечили. Он выздоровел и заговорил. Сперва помаленьку, а потом такой болтун сделался!.. Стал рассказывать, что он инопланетянин. Врет, наверно...
 — Сам врешь! — Котенок подскочил, как мячик, превратился в вороненка, сел Сашке на колено и сказал капризно: — Никогда не веришь. Кр-рокодил!
 — Брысь! — велел Сашка. Чибя взлетел и метрах в пяти над нами закувыркался темным комком. Кричал что-то картаво и неразборчиво — видимо, ругался. Сашка поднял руку, растопырил два пальца и прицелился в него, как из рогатки.
 — Р-разбой! — завопил Чибя. Опять упал на Сашкино колено, сделался игрушечным клоуном и, будто с горки, съехал к Сашке на живот. Лег ничком, сказал кукольным голоском:
 — Я м-маленький. Пожалей Чибу...
 Сашка прикрыл его ладонью.
 — Подлиза...
 — У меня в детстве тоже был тряпичный клоун,— сказал я.— Конечно, без таких способностей, но я его очень любил... И звали его похоже: Буба.
 Сашка почему-то очень удивился. Даже сел.
 — В самом деле?
 — Да. А что такого?.. Он еще долго потом у нас жил. Даже мои дети им иногда играли. Правда, не часто... А потом он куда-то девался. Жалко так...
 — Ушел, наверно, раз ненужный сделался,— вздохнул Сашка.
 — Может быть?..
 — А у вас... дети большие?
 — Конечно. Семейные уже. Дочь и сын...
 ...Денис родился через три года после Ларисы. И Тереза сказала: «Хватит. Двое — это в наши дни норма». Она вообще была решительной супругой, всем распоряжалась сама: как воспитывать детей, куда нам ехать на отдых, где покупать дачу, какого цвета заказывать мне костюм. Единственное, что оставалось полностью моим, это издательские дела и рукописи... Даже то, что нам пора кончать совместную жизнь, Тереза решила единолично и, как все остальное, мудро и вовремя:
 — Дети выросли. А я жила с тобой только ради них!
 — Ну уж... — сказал я.
 — Да! И я имею право хотя бы остаток лет существовать по-человечески.
 — Что ж, мы живем в демократическом обществе. Мое спокойствие (во многом, правда, внешнее) раздосадовало Терезу:
 — По крайней мере, ты научишься стирать белье! И включать газовую плиту!
 — У нас прачечная рядом. А плиту включать я умею. Мало того, даже не забываю выключать.
 — Это единственное, что ты умеешь в жизни!.. Ты жил так, будто после пятнадцати лет твое нормальное, событийное существование кончилось и ты утонул в своем бумажном море!
 — Возможно, так оно и есть...
 — Не «возможно», а факт! Ты существуешь... по инерции! Вне времени! Это надо же: отказаться от бесплатной поездки в Штаты из-за того, что, видите ли, необходимо закончить книжку! Какой нормальный человек в состоянии пойти на это?
 — Нормальный не в состоянии,— скорбно согласился я.
 — Я знаю, что ты скажешь! Что тебе не нужны никакие границы, потому что тебя вполне устраивают твои воображаемые миры и герои! Они для тебя главная реальность!
 Я ничего подобного никогда не говорил. Но кое-какие струнки Тереза нащупала правильно. И немудре-

но! Больше двух десятков лет прожили вместе. Точнее — рядом.
 — Идеалист и мистик, вот ты кто! И в жизни, и в книжках!
 — Да книжки-то мои ты почти не читала, дорогая...
 — У меня не было времени. Я тащила на себе дом!.. Я была в доме и хозяйкой и хозяином!
 — А я только кассовым автоматом...
 — Не надо! Не надо попрекаты!.. Умение сочинять романы (пускай даже такие, которые кому-то нравятся) — это еще не значит быть настоящим мужчиной!
 — Безусловно, это разные качества. Одно из них крепнет с возрастом и опытом, а другое — увы... Здесь-то и собака зарыта...
 — Не говори пошлости! — И она пустила слезу.
 — Не буду. Но открой все-таки секрет: кто ои?
 — Не выдумывай!.. Просто у меня нет сил. А ты... ты когда-нибудь поймешь, что все твои книжки не стоят и дня настоящей жизни... которую ты так легкомысленно прозевал!
 — Тут ты, пожалуй, права,— сказал я с боязливым холодком внутри.— Но, честное слово, это не зависело от меня...
 — Ну да! «Он знал одной лишь думы власть»!.. Это воспитание твоей мамы! Она и мне внушала, что надо все помыслы подчинять единой цели!
 — Мама учила тебя детей пеленать! И суп варить!.. И вообще оставь ее... А то убедишься, что я растерял не все способности мужчины. В частности — умение дать крепкого пинка.
 Впрочем, расстались мы вполне мирно. Даже подружески. Полюбовно разменяли квартиру, тихо оформили документы.
 — Я буду навещать тебя,— всхлинула Тереза.— А то ведь ты засохнешь один без привычки-то...
 — Очень мило с твоей стороны...
 Ребята отнеслись ко всему этому достаточно спокойно. Лариса — та вообще только плечами пожалала, она жила уже с мужем. Денис малость попереживал, но у него хватало своих забот: учился он в Свердловске, готовил курсовой проект и к тому же первый раз влюбился по уши...
 А он оказался подполковником, преподавателем в местном артиллерийском училище. Моим одноклассником, но не в пример мне бравым, подтянутым. Кстати, давним знакомым Терезы, бывшим ее одноклассником. Он был хороший мужик, мы с ним даже славно выпили однажды на дне рождения Ларисы...
 ...— Что? — встряхнулся я. Сашка о чем-то спросил.
 — Да так... подумалось,— неловко повторил он.— Наверно, интересно, когда отец — писатель.
 — М-м... не знаю, ребята, по-моему, на это не смотрели как на что-то особенное... Лариса, кажется, иногда обсуждала с подружками мои книги. А Денис... он всегда был технарь-одиночка. По всей квартире — рассыпанные «конструкторы»...
 — А кем он сделался теперь?
 — Инженер. Специалист по вибромашинам.
 — А что это за машины?
 — Разгрузочные... Есть в нашем климате такая проблема — смерзшиеся грузы. Скажем, уголь или щебенка. Пришел вагон, и в нем сплошная спекшаяся от мороза глыба. Что делать? И вот ставят на вагон машину, которая создает своим механизмом вибрацию. И груз от этой мелкой тряски разрыхляется.
 — А вагон? — Сашка проявил неожиданный интерес.
 — В этом-то и сложность. Надо рассчитать так, чтобы груз рассыпался, а вагон не пострадал.
 — А если... ну, скажем, корабль или самолет... Если они обледенеют! Можно такой вибрацией корку сбить?

— Трудно сказать... В море или в воздух такую машину ведь не доставишь.

— Да... А я вот что придумал! Если сам корпус заставить трястись? Рассчитать, чтобы дрожал, но не разрушался...

— Идея, наверно, интересная. Только как это сделать? Впрочем, я не разбираюсь. Вот с Денисом бы тебе...

Сашка затолкал Чибу в сумку и встал.

— Пора, наверно, идти...

Я прислушался к себе: нет ли подлого гуденья в голове, нет ли боли в спине и ноге? Нет. Удивительно: третий день без таблеток и уколов... Сашка — человек, приносящий удачу.

— Пойдем, проводник...— я тоже поднялся, подхватил портфель. Сашка вдруг спросил:

— Вы слышали про катамаран «Даблстар»?

— Нет. Что это такое?

— Это... вроде космического корабля.

— Американский?

— Нет, наш.

— Не слышал. Странное название, «Двойная звезда»...

— Потому что у него два корпуса. Ты куда?! — Это опять вылез Чибя. И серым зайчиком поскакал впереди нас. Иногда он оборачивался, и голова у него становилась клоунской: с резиновым подвижным личиком. Он блестел глазками, и высовывался маленький красный язык.

— Он говорит, что не помнит, с какой планеты, — сказал Сашка.— А еще говорит, что ему триста лет и что он был шутком у короля марсианского народа иттов. Такой выдумщик...

4. Грибной дождь

Городок, в который мы пришли, казался игрушечным. Уютный такой, с традиционной площадью и ратушей, облицованной пятнистым мрамором. На ратуше, естественно, башня с часами и флюгером.

Кроме ратуши, каменных домов было немного. А в основном — двухэтажные и трехэтажные строения, обшитые темными досками. Этакий деревянный модерн, которым увлекались в небольших городах в начале двадцатого века. Широкие, часто округлые окна, крутые крыши, мезонины, башенки. Кованые узоры крылец и балконов.

Было оживленно. Спешили тетушки с кошелками (видимо, с рынка), катались на велосипедах ребята. Распирая пузатым телом тесную улочку, проехал троллейбус.

— Городок в табакерке, — сказал я.

— Ага...

Воздух здешних улиц казался коричневатым, и, наверно, поэтому на домах лежал особый налет — как тонкий слой скрипичного лака. Словно мы и впрямь оказались внутри громадной деревянной табакерки. Или внутри музыкального инструмента из разных сортов звонкой ели и клена. Эхо от велосипедных звонков, голосов, дальней радиомузыки и ребячьей переключки звучало, как в пустоте гигантской виолончели...

На невысокой наклонной крыше четверо мальчишек пуляли в высоту из самодельных луков. Оперенные стрелы с шелестом уходили вверх и пропадали в низких просвеченных облаках. Сашка заинтересованно задрал голову.

— А вот ка-ак полетит стрела вниз, — сказал я, — да ка-ак врежет кому-нибудь по макушке...

— У них наконечники мягкие, с липучками... А если хорошо запустить, то и не вернется...

— Прилипнет к каменному своду?

— Одни говорят, что прилипнет. Другие, что улетит... в другое пространство.

— Последняя осталась, — звонко сказал на крыше мальчишка. — Чья очередь?

— Пусть Женька запустит, он меньше всех стрелял...

Ребята дали стрелу самому маленькому.

— Только натягивай сильнее...

Стрела умчалась. Ребята и мы с минуту смотрели вверх.

— Ура! — наконец закричали мальчишки. — Там! Молодец, Женька! — И заприплясывали на краю крыши. Они были веселые, ловкие, смуглые, как мулаты.

— В этом свете все загорелыми кажутся, — сказал я.

— Почему кажутся? Тут такое излучение, ультрафиолет. За час кожа темнеет. Смотрите! — Сашка сдвинул на руке свои часики. Под ними открылся бледный след. Надо же! Я приподнял обшлаг пиджака. В самом деле — кисть руки гораздо темнее запястья.

— Вы домой вернетесь, как из Крыма, — сказал Сашка.

Я промолчал. Не хотел я домой...

Мы прошли улицу, где развлекались маленькие лучники, и вот тут-то вышли на площадь. Переливчато играли часы.

— Что? Уже семь? А у меня...

— Здесь несовпадение по времени. И никогда толком не угадаешь. Бывает, что там утро, а здесь уже вечер.

— Так и правда вечер... Надо, наверно, об ужине и ночлеге думать. А, лоцман?

— Естественно, — деловито сказал Сашка. И повел меня на другой край площади. — А вот смотрите, Каменные Ворота. Это место так и называется — площадь Каменных Ворот.

При выходе на одну из улиц стояли две серые башни. Высоченные, будто колокольни. А точнее — не башни, а две сужающиеся кверху скалы, похожие на чудовищных размеров сталактиты (или сталагмиты?). В двух местах — наверху и посередине — башни были соединены каменными перемышками.

— Впечатляет, — сказал я. — Дело рук человеческих или памятник природы?

— Всеякие легенды рассказывают... Будто бы много лет назад они появились неизвестно откуда. Тогда все и закрылось — долина и город...

— А может, тут в основе какой-то исторический факт?

— Может быть... — сказал Сашка со странной неохотой. И сразу опять оживился: — А улица за Воротами знаете как называется? Улица Грибного Дождя!

— Разве здесь бываю дожди?

— Раз в десять лет... Снег чаще бывает, каждый Новый год. Конденсаторы сгущают туман в снежинки. А дождик делать труднее... Тем более грибной! Он ведь должен быть с солнцем!

После этих слов Сашка задумался на ходу. Мы уже прошли между башнями и шагали по улице Грибного Дождя. Чибя превратился в лохматого, размером с рукавицу щенка и залиvisto лаял на кошек. Сашка вдруг начал скрести в затылке и глянул на меня — с хитроватым огоньком в зрачках. Потом остановился, начал смотреть вверх, а руки заложил за спину (как утром, перед скалой). Что-то зашептал. Мы стояли у штабеля коротких и широченных, больше метра в диаметре, труб из бетона. Они были похожи на серые бочки без крышки и дна. Видимо, здесь собирались рыть колодец или строить коллектор... Чибя-вороненок взлетел на верхнюю трубу и строго сказал оттуда:

— Алексан-д-р, пр-рекрати...

Сашка вдруг быстро стянул кроссовки, сдернул носки, сунул все это в сумку.

— Прячьтесь в трубу!

— Зачем?

— Сейчас начнется!.. Да скорее же!

Я малость струхнул. Поясницей нащупал край

одной трубы, вдвинулся в бетонный цилиндр спиной (черт, брюки порву). Сашка прыгнул сбоку, съехал на меня, нас притиснуло друг к другу. Я подвинулся.

— Что это все значит, уважаемый проводник?

— Лезьте подальше, с ногами...

С высоты ударили отвесные звонкие струи. Я взвыл, въехал поглубже. Влетел мокрый вороненок, сел Сашке на голову.

— Это твои пр-роделки!

— Это твои проделки, Сашка? — строго сказал я.

Он залиvisto захохотал. Высунул из трубы ноги, болтал ими под дождем. А дождь гудел, как в пустой цистерне. И вдруг мне показалось, что пробился сверху, заискрился в струях белый, нездешний луч солнца. Сашка крикнул, не оборачиваясь:

— Во лупит, Эшкин свет! Игорь Петрович, знаете что? Те мальчишки с луком подумают, что это они дождик стрелами вызвали!

— Пусть думают!

— Ага!.. А завтра будет праздник! Здесь всегда праздник после дождя! Потому что деревья делаются гуще и цветет все!

...Ливень кончился через десять минут. Чибя сердито забрался в сумку, а мы с Сашкой пошли по умытому и просветлевшему городку. Прохожие перекликались и поздравляли друг друга.

В конце улицы Грибного Дождя стояла двухэтажная, с хитрыми пристройками гостиница. Видимо, частная, похожая на те, что были в старину. Над дверью торчало железное копые, на нем качалась позолоченная вывеска «Дорожный уют». На первом этаже был зал с обширными столами и баром. За стойкой командовала двумя расторопными парнями дама в белой наколке и синем платье. У нее было острое, как нос клипера, лицо. Ближе от переносицы сидели прицельные, словно два револьверных зрочка, глазки. Она мне показалась похожей на классную надзирательницу из старой гимназии.

— Хозяйка, — шепнул Сашка. — Спросите про комнату...

Я подошел и осведомился, могут ли здесь получить приют утомленные и едва спасшиеся от непогоды путники.

— А этот... босой ребенок тоже с вами?

Босой ребенок светски наклонил голову.

— Да, сударыня, я племянник. — И толкнул меня локтем.

— Есть комната наверху, — сообщила хозяйка с оттенком благосклонности. — Вам повезло. Завтра не будет отбоя от постояльцев. Ожидается карнавал в честь сегодняшнего дождя... Надо же, такое неожиданное чудо!

Знала бы она...

5. Венецианское окно

Наверху, в комнате, Сашка спросил:

— Игорь Петрович, вы не обиделись, что я вам в племянники записался?.. А то эта тетка такая вредная на вид. Пристала бы: «Почему с посторонним, кто такой...» А я не хочу зря болтать, что проводник. Скажешь, и все сразу глаза пелят.

— Ясно... Ты, племянничек, помыл бы все-таки задние лапы, — сказал я. Потому что Сашка с забрызганными в лужах ногами бухнулся на гулкую пружинную кровать; украшенную медными шариками на спинках. Прямо на светлое покрывало.

— Гудят у меня лапы-то, — признался Сашка. — А у вас?

— А у меня... Я весь гудю... то есть гужу.

Но, в отличие от Сашки, я не свалился, а стал осматривать жилье. Кроме комнаты со старомодной

мебелью, была еще крохотная прихожая. В ней дверь, за которой душ, раковина, квадратная «сидячая» ванна и все, что полагается.

— Уютно, хотя и скромненько, — решил я.

— Зато окно во какое! — отозвался Сашка. Он уже не валялся, а возился с оконным шпингалетом.

Окно было роскошное. Овальное («венецианское»), чуть не во всю стену. В узор из гнутых переплетов был включен застекленный квадрат с шарнирами, который Сашка расшатал и открыл наружу. Запахло мокрой сиренью, сырым песком...

— Эй, ты куда! — обмер я.

Сашка юркнул в открытую часть окна, но не пропал. Радостно сообщил:

— Здесь крыша! Как балкон.

Под окном блестела железная чуть наклонная кровля пристройки. Она еще не высохла. Сашка с удовольствием потопал босыми ногами по волнистой жести, подошел к самому краю. Качнулся, махнув локчиками, как лучинки, руками. И ухнул вниз.

Я сдавленно завопил и полез в окно. В этот момент из-за крыши выдвинулись два бруса. А через три секунды между ними возник и Сашка — востропанный и веселый.

— Во! Лестницу нашел! Там такой сад глухой...

— Ты с ума сошел? Сигаешь очертя голову!

— Да тут не высоко! И песочная куча. — Он ладонями сбил с коленок прилипший песок. — Теперь у нас отдельный вход-выход, как в собственном доме.

— Зачем он нам? Я не собираюсь пускаться в авантюры.

— Как знать, — философски отозвался проводник. В комнате он по-хозяйски оглядел углы. Щелкнул выключателем. Зажглась трехрожковая люстра со стеклянными тюльпанами. Это было кстати: за окном густел коричневый вечер. Из Сашкиной сумки выбралась черная летучая мышь, взлетела и закачалась вниз головой на люстре. Сашка показал ей кулак. Потом увидел у двери витой шнур с кистью, почесал в затылке, дернул за кисть. Где-то далеко отозвался колокольчик.

— Ой-ей, — обеспокоенно сказал Сашка. Скромненько сел в кресло. Чибя упал с люстры на кровать и притворился тряпичным клоуном. Потому что на лестнице послышались шаги.

В дверях возникла хозяйка.

— Я вас слушаю, — сообщила она тоном королевы.

Ехидно глянув на присмирившего Сашку, я со всей учтивостью поинтересовался, нельзя ли в этой прекрасной гостинице заказать ужин в номер.

— А то, понимаете ли, идти с мальчиком в зал... Возможно, там вино, шумные посетители...

— У нас не бывает шума и всегда все прилично, — ответствовала хозяйка. — Но, если вам угодно, ужин я пришлю.

Скоро молоденькая смешливая горничная принесла ароматное мясо с вареными бобами, хрустящие хлебцы и в большой фаянсовой кружке — теплое кипяченое молоко.

— Это для мальчика, — сообщила она и хихикнула.

Сашку передернуло. Едва девушка ушла, он вылил молоко в раковину и демонстративно вымыл кружку.

6. В гостях у месяца

После ужина мы, слегка осоловевшие, сели перед окном: я в кресло, Сашка верхом на стул. Совсем стемнело.

— Смотри-ка! Звезды! Откуда они здесь?

— Не-а, не звезды это. Просто светлячки такие летучие, они в облаках водятся. Потому что люди же не могут, чтобы совсем без звезд... Скоро еще и не такое будет! Раз предпраздничный вечер, он обяза-

тельно вылезет... Вон, смотрите! — Сашка пришпорил стул и подъехал ближе к окну. — Сейчас...

Небо над черными крышами засветлело. Из-за кровельных гребней и башенок быстро выплыл и повис большущий розовый месяц. Зацепился нижним рогом за узорчатый флажок флюгера...

— Он, что? Тоже искусственный?

— Не искусственный он! — Сашка, по-моему, слегка обиделся за месяц. — Он природный... Только не тот, что на нашем небе, а здешний. За скалами живет. А когда хочет, подымается.

— Чудеса...

— Ага... Хотите его поближе посмотреть?

Я не знал. То есть вроде бы и хотел, но ведь придется вставать и снова идти куда-то...

— Он недалеко, — сказал Сашка.

— Это, наверное, не разрешается, соваться к нему, — опасливо заметил я. — Вот поймут нас...

— Кто? Чтобы поймать, надо дорогу знать...

Идем? — В Сашке пружинками звенела энергия, будто и не уставал.

— Ох, лоцман. Один раз ты уже втравил меня в дело. С сундуком...

— А вы жалуете?

— Злодей ты...

— Не-е! Я проводник. Значит, обязан показывать «клиенту» все интересное.

— А если «клиент» вот-вот ноги протянет?

— Ничего, — хихикнул он. — Зато крепче спать будете.

— Ты бессовестная личность.

— Ага... Лезьте за мной, — и он сунулся в окно.

— Куда?! Нормального хода нет, что ли?

— Нету, — сообщил он уже с крыши. — Надо здесь идти, а то я ориентир потеряю.

«Связался, так терпи», — подумал я. И вспоминая Решку, лезущего в чужой огород, закричал в окне. Эх, если бы в самом деле стать Сашкиным ровесником, гибким и легким пацаненком. Чтобы прогнать усталость и облегчить путь.

«Решка, вперед! — велел я себе. И, видимо, не мысленно, а шепотом. Потому что, когда спустился по лестнице, Сашка вдруг спросил:

— А это вас так в детстве звали — «Решка»?

— Откуда ты знаешь? — смутился я.

— Ну... а тогда, в хронофоне...

— А-а... Да, звали. Были когда-то и мы... жеребята...

— А почему вам такое имя дали?

— От «Игоря»... Игорёшка, Рёшка, Решка... Наверно, еще и от фамилии... А может, потому, что неудачливый был. Когда монету бросаю, одним чаще орел выпадает, другим и так и сяк, наполовину, а мне почти всегда решка. Вечное невезение...

— Вот это невезение! Сколько книжек написали!

— Это еще ничего не значит... И к тому же я ведь про детство говорю. То и дело со мной всякие истории случались. И драться я не умел. Бывало, колотили и дразнили...

— Это хоть с кем бывает, — тихо сказал Сашка.

— Неужели и с проводниками? — не сдержался я. Сашка посопел на ходу и отозвался сумрачно:

— А что им с того, что ты проводник? Вот если ты по-каратэшному умеешь лягаться или кассетник у тебя японский — тогда ты человек.

— Сашка, ну не все же такие!

— Не все... Только те, кто не такие, заступиться не могут. Ни друг за друга, ни за себя...

Сашка повел меня по переулку, где разноцветно светились квадратные и полукруглые оконца. Потом городок остался позади. Мы двинулись по тропинке среди каменных глыб и кустов, которые все еще сыпали с листьев дождевые капли. Сашка ойкал. А месяц приближался, вырастал на глазах. Но скоро его закрыл от нас черный скалистый гребень. Тропинка

пошла вверх и оборзалась перед каменной осыпью. Щебень и плитки застучали у меня под ногами. А Сашка присел и схватился за ступню.

— Ёшкин свет... Камни острые. Раньше их не было...

— Понесло тебя босиком!

— Я не знал, что здесь столько насыпалось.

— Эх ты, лоцман. Давай перенесу через камни.

В полумраке я лишь угадал, что Сашка надулся.

— Ну да! Не хватало, чтобы проводника на ручках несли.

— А я не как проводника, а как племянника. Ты же сам так в гостинице отрекомендовался.

Сашка посопел, потом хихикнул:

— Ну, ладно. Это недолго.

Я подхватил его за спину и под коленки. Показалось, что весу в проводнике, как в пачке вермишели. Даже позвонки у меня не заняли. Я понес притихшего Сашку по шуршащей и хрустящей щебенке, а он вдруг щекочуще прошептал мне в ухо:

— Слышите, камни говорят: «Реш-шка, Реш-шка»...

Я почему-то смутился и хотел ответить, что камни говорят «обор-рмот», и не мне, а проводнику. Но из-за гребня вылез неожиданно громадный рог месяца. Сашка брыкнул пятками, прыгнул с рук, ухватил меня за рукав и потащил вверх по гранитным уступам. И прежде, чем я возмутился и запыхался, мы оказались на зубчатой, похожей на хребет древнего динозавра горе.

Месяц висел перед нами. Не лунный шар, освещенный сбоку, а именно месяц. Этакий великанистый, высотой с трехэтажный дом, светящийся банан — изогнутый и с острыми концами. Розовато-желтый, со светло-серыми проплешинами. Бока его были украшены ослинами небольших кратеров. Выпуклый край казался довольно ровным, а внутренний — словно изгрызен чудовищами. От нас месяц был буквально в десяти шагах. Нижним рогом он цеплялся за кривое, похожее на карликовую сосну деревце.

Сашка снова потянула меня за собой. И мы оказались рядом с деревцем. Нижний рог торчал в ветках на уровне моего плеча. Он был теперь совсем неярким, и казалось, что светится не изнутри, а отражает свет мягкого абажура.

— Потрогайте, — прошептал Сашка, — он не горячий.

Я потрогал. Месяц был тепловатый и состоял словно из спекшегося пыльно-желтого и розоватого шлака.

Несколько секунд месяц терпел мои касания, потом кончик рога гибко шевельнулся, освободился из веток. Громада месяца передвинулась и медленно стала подниматься.

— Эй, подожди! — Сашка подпрыгнул и ухватился за рог двумя руками. Месяц пошел вверх быстрее. Не успел я опомниться, как Сашкины ноги оказались у меня над головой. Я перелуганно вцепился в его щиколотки. Сашка отпустился и с размаху сел мне на плечи. Я замычал от колючей боли в пояснице.

— Ой, простите, пожалуйста! — Сашка скатился с меня, сел.

— Акробат, будь ты неладен...

— Я маленько не рассчитал... — Он показал месяцу маленький, с поцарапанными костяшками кулак. — У, рогатина...

Месяц был уже метрах в двадцати над нами. Он склонился верхним рогом, и на внутренней стороне его четко проступило лицо — с круглым носом, пухлыми губами и прищуренным глазом под нависшей бровью. Глаз хитро скопился на нас, а изо рта высунулся длинный малиновый язык. Очень похоже на Чибу.

— Еще и дразнится, — обиделся Сашка. Он сидел на каменной площадке, раскинув ноги и опираясь сзади руками. Месяц быстро поднимался и делался все ярче. Высвечивал Сашку, как желтую бабочку на темном листе. И словно сыпал на его волосы и льняную ткань искрящую пыль.

— Ушибся? — спросил я.

— А зато у меня вот что! — Сашка вытянул руки, разжал кулаки. Я увидел на каждой ладони по рыхлону, слепленному из шлаковых крошек комочку.

— Отломил?!

— Они сами откошились... Здесь они не светятся, а в темноте будут как огоньки... — Один камешек Сашка сунул в нагрудный карман, а другой протянул мне. — Возьмите на память.

Я взял. На Сашкино плечо упал с неба вороненок. — Домой por-pal

...А камушек в самом деле засветился. Я проверил это, когда легли спать и выключили люстру.

Глава шестая

УЛИЦЫ СОВМЕЩЕННЫХ ПРОСТРАНСТВ

1. Желтая сирень

Даже не думал, что бывает такая. Она сияла ярким цветком одуванчиков и лютиков. И все же это была именно сирень — по форме цветков, гроздьев и листьев. Правда, гроздья — более пышные, чем на привычных кустах, листва среди них была почти не видна. А запах был, хотя и знакомый, но послабее, чем у обычной сирени. И это хорошо. Иначе мы про-

сто задохнулись бы. Потому что цветущие лимонно-солнечные груды окружали нас, нависали над нами, заслоняли собой все пространство. Желтая сирень крепко взяла в плен развалины серого каменного амфитеатра, в котором оказались мы с Сашкой... Эти заросшие руины были похожи на остатки древнего греческого театра: вверх уходили ракушечные полукруглые лестницы — ряды скамей, а внизу сохранилась заваленная кусками мрамора площадка.

А над площадкой — утреннее небо. Не желто-волоконистый свод Подгорья, а яркая синева и умытое солнце...

Мы оказались здесь без всякого заметного колдовства. Теми же переулками, которыми вчера добрались к месяцу, вышли за город. Перевалили холм с торчащими камнями на гребне. А когда стали опускаться, золотистый туман поредел, глянула голубизна и брызнули лучи. Скоро небо совсем очистилось, и Сашка по тропинке среди высокого белоцвета привел меня сюда.

— Где это мы?

Сашка ответил радостно и чуть лукаво:

— Это самая лучшая стартовая точка! Я даже и не думал, что мы так легко на нее попадем. Вам повезло...

Он улыбался. Лицо его было припудрено желтой пылью. Он слизывал ее с губ. Мой пиджак тоже был в пыли. Я провел языком по губам — они были сладковатые. Мне стало хорошо, будто я маленький Решка и ясным утром выскочил на крыльцо, радуясь, что впереди бесконечный летний день.

— А что дальше, Сашка? Куда пойдём?

Он хитровато приложил палец к губам, прислушался. Крутнулся на пятках, так, что его расстегнутая рубашка взлетела коротким золотистым плащом. Рубанул воздух ладонью, будто рассек пространство:

— Вон туда!

Я увидел в камнях и желтых зарослях проход. Сашка потянул меня за рукав. И мы оказались на улице Смоленской.

На той, по которой я когда-то бегал в школу. На той, которая потом исчезла, уступив место пятиэтажному крупноблочному кварталу. Сейчас она была опять. Та — и не та. Дом, в котором жил тогдашний рабочий командир Славка Смолин, оказался выше, красивее, с чердачной надстройкой, похожей на капитанский мостик. У заборов, прямо среди крапивы и лопухов, цвели высокие пунцовые георгины. Часовенка на углу, всегда обшарпанная, со сбитой маковой и ржавыми листьями кровельного ската (в ней была сапожная мастерская), сейчас блестела позолотой и белизной стен. Из-за нее вышла бодрая бабка с ведрами на коромысле. В ведрах голубела не вода, а букетики незабудок: видимо, бабка спешила на рынок, в цветочный ряд...

— Вы ведь хотели в книжные магазины, — напомнил Сашка.

— Да. Но здесь поблизости их нет, я знаю.

— Как это нет! — Он потянул меня за угол, на улицу Чехова, тоже старую, деревянную. А потом в проход между забором и кирпичной стеной-брандмауэром. Я знал, что этот проход ведет к маленькому стадиону «Локомотив», мы с ребятами раньше часто бегали туда. Но порой (особенно в предвечерние часы) мне казалось, что этот глухой переулок может вывести еще куда-то. К неведомому. Только я ни разу не пробовал проверить. То не было времени, то не хватало решительности. А теперь, с Сашкой, ярким утром я вышел на улицу незнакомого города.

Она была похожа на улицу Старой Гавани. Синим блеском отражали небо стекла верхних этажей. Светился на солнце мрамор барельефов, атлантов и тяжелых балконов. А внизу вдоль тротуаров — серые колонны, арки галерей, террас, переходов... И там раскинули свои прилавки торговцы книгами.

Множество пестрых, одетых по-южному людей спешило по тротуарам, но к букинистам подходили немногие. Я пошел (а за мной и Сашка) вдоль рядов, где лежало несметное книжное богатство. Здесь были средневековые сочинения, напечатанные готическим шрифтом и украшенные гравюрами с крутобокими кораблями и панорамами городов. Могучие кожаные тома и крошечные пухлые книжки, которые открывались со скрипом, как засохшие деревянные табакерки. Вместе с академическими изданиями Пушкина лежали томики забытых поэтов. Среди подшивок газет столетней давности желтели карты первых плаваний вокруг света. Между тяжело переплетенных «Нив» и «Живописных обозрений» светилась позолота французских первоизданий Жюль Верна... Здесь можно было увидеть все, что угодно. От Корана до «Евгения Онегина» на португальском языке, от рукописного «Откровения Иоанна Богослова» до «Сочинения шевалье д'Арно о новейших приемах искусного боя на шпагах и рапирах».

Даже тысячную долю невозможно было купить и унести с собой. Да и куда? Зачем?.. Мне было достаточно той радости, с которой я листал книжные редкости и удивлялся неожиданным находкам. Я трогал и разглядывал книги под мудрыми, понимающими взглядами седых продавцов. Эти старички-букинисты не обижались, что человек смотрит и ничего не покупает. Их радовал просто мой интерес. И, может быть, они были даже довольны, что я ничего не беру, не лишаю их ни капельки этих богатств...

Сашка беспокойно поглядывал на меня и наконец спросил:

— Что? Разве ничего интересного?

— Все интересно! Сроду не видел такого.

Конечно, я мог бы что-то купить. Например, кожаные томики с жизнеописанием рыцаря «дон Кишота» в переводе Жуковского — кажется, первое русское издание. Или найденный среди самодельных альманахов, девичьих альбомов со стихами и прочих рукописных творений мальчишечий дневник: «Ежедневные записки Тимофея Кольцова, ученика четвертого класса Екатеринбургской мужской гимназии». Но, поколебавшись, отложил и то, и другое. Появилось чувство, что если сделаю сейчас покупку, то это будет искушение судьбы и я навсегда перекрою путь к самому главному: к старой книге о тайнах трехмерных зеркал и к потертой пухлой тетради в коричневом ледерине... Конечно, это смешно. Хотя и бы потому, что ни книги Ришелье, ни тем более Тетради скорее всего на свете никогда и не было...

Сашка тоже иногда брал с прилавка книжки, перелистывал. Но я вдруг спохватился: скучает мальчишка. Мне-то здесь хватит удовольствия до вечера, но с какой стати должен страдать мой проводник?

— Пойдем, я тебе хотя бы мороженого куплю!

Но Сашка сморщился:

— Не хочу.

— Да не стесняйся...

— Я не стесняюсь. Просто я его не люблю. Взрослые думают, что все ребята обмирают о мороженом...

— А ты о чем обмираешь?

— О майонезе!.. Намазать его на мягкий черный хлеб и... — Сашка проглотил слюну.

— Ну, ты чудо природы!..

— Ага, мама также считает. И прячет майонез, говорит, что много вредно.

— Ладно, в обед отведешь душу...

Но до обеда было еще далеко. Мы наконец выбрались с улицы Колумба (так она, оказывается, называлась) на площадь. Ее тоже окружали заросли желтой сирени, а из них поднимались современные многоэтажные башни из стекла. Сновали разноцветные автомобили. А рядом с собой я увидел низкорослую пальму с мохнатым стволом.

— Сашка, это уже явно не Подгорье!

— Конечно!

— А что это за город?

— Ну... — он глянул чуть растерянно и весело. — Это вообще Город... Помните, как вы писали в книжке «Заблудившийся трамвай»? Они наслаиваются друг на друга, города эти, а я выбираю улицы... Вы хотели туда, где книги, ну и вот...

— Ты молодчина, — искренне сказал я.

Он потупился, потом поклонился с дурашливой важностью:

— Фирма гарантирует... — Но, легко учуяв, что шуточка царпнула меня, потупился снова. И вдруг признался: — Почему-то все легко получается, когда я с вами. Будто играючи... Вот смотрите! — Он вскинул голову, обернулся. Я тоже.

За спиной у нас, между двух стеклянных гостилиц, возникла улица, в которой виднелись бревенчатые домишки с палисадниками, а дальше поднимались обшарпанные купола и шатровая колокольня. И мы пошли по этой улице, мимо кривых ворот и лавочек, на которых грелись кошки.

Я отдышал от шума, пестроты и многолюдья...

2. «Плутония»

Улица привела к старой монастырской стене с воротами, на которых красовалась вывеска «Автобаза № 2». Мы пошли вдоль стены и увидели небольшой базар. Женщины за длинными дощатыми столами торговали зеленым луком, яйцами и цветочной расадой. А в тени, где стена могуче нависала над лужайками, расположились торговцы всякой мелочью. Продавали дверные замки, инструменты, малярные кисти, радиодетали и венжики. Сашка смущенно взлохматил затылок:

— Да, кажется, промахнулись. Книжек тут нету...

— Все-таки есть! Смотри...

Привалившись к стене, сидела сонная бабушка в темном платке, перед ней на мешке лежали синие стеклянные блюда для варенья, старые ходики, мясорубка, глиняная собака, а среди них — потрепанные «Хождения по мукам», «Книга о вкусной и здоровой пище» и «Плутония» — роман академика Обручева. Это был пыльно-голубой потертый томик с облезлой позолотой орнамента, в который сверху вписаны слова «Библиотека приключений». На обложке прямоугольная картинка с динозавром. Короче говоря — знакомое с детства издание сорок первого года. Я когда-то души не чаял в таких книжках с узорчатой рамкой на переплете.

Бабка, увидев, как я ухватился, запросила червонец.

— Сашка, читал такую?

— Не-а... Я у Обручева «Землю Санникова» читал, а про эту только слышал.

— Здесь про путешествие в подземный мир. Почти как в Подгорье...

— Ух ты!

— Держи. В подарок.

Сашка заулыбался смущенно, полистал, погладил переплет

— Спасибо... Теперь вечером будет что читать.

Он раздернул на своей синей сумке молнию, убрал, книгу. Из сумки высунулась кукольная головка в клоунском колпачке, сделала недовольную гримасу, показала Сашке красный язычок и спряталась опять. Чибал! А я про него и забыл!

— Почему сегодня этот хулиган не скачет, не скандалит?

— Кто его знает. У него по настроению... Идем дальше?

— А куда?

— А куда получится! Так ведь интереснее, верно? — И он повел меня в переулочек, где орал на плетне рыжий петух. Потом спустились мы с косогора к реч-

ке, там на плотике сидели мальчишки с удочками. Рядом стояла тетка в синей кофте и полушепотом (наверно, чтобы не распугать рыбу) твердила:

— Петька, иди домой, паразит. С Веркой сидеть некому...

Петька отмахивался колючим локтем.

Сашка повернулся к речке спиной и жестом дирижера, начинающего симфонию... рассек зеленый берег. Да, в травянистом склоне появилась темная щель!

— Игорь Петрович, идемте! Скорее, пока не закрылась!

— В Подгорье? — с пониманием спросил я.

— Нет, что вы... — И потянул меня за обшлаг.

Мы прошли между сырых земляных стен, оказались в бетонном помещении, а оттуда коридор привел нас в подземный вокзал. Шипя и переплетаясь, скользили по спиралям и дугам эскалаторы. Мигали табло. Спешили пассажиры, но помещение было таким громадным, что казалось полупустым. Прямо сюда, как в метро, подъезжали разноцветные электрички.

Мы двинулись по галереям и лестницам, по мраморным залам и наконец наткнулись на дверь с вывеской: «Кафе «Добрый путь». В отличие от обычных кафе, здесь было почти пусто. Веселый официант принес нам комплексный обед. Подмигнул Сашке, подарил ему жевательную резинку с диснеевским гномом на фантике и пожелал приятного аппетита.

— А майонез есть? — спросил Сашка.

— Один момент...

Сашка намазал майонезом хлеб, вытащил из сумки «Плутонию», положил ее в тарелки с борщом и приготовился получить сразу несколько удовольствий...

— Много майонеза вредно, — назидательно сказал я. — А читать за едой — тем более...

— М-м-гм... угу... — ответил Сашка. И открыл книгу.

Из сумки выбрался вороненок, сел на стол и стал клевать у Сашки гречневую кашу гарнира. Ну, никакого понятия о хорошем тоне. Ни у того, ни у другого. Впрочем, Сашка, хотя и читал, с обедом упорядился наравне со мной. Сказал мне «спасибо», шуганул Чибу в сумку.

— Вы не устали?

— Представь себе, не устал.

Пестрота и непредсказуемость событий околдовала меня. Как во сне. Может, и правда сон? Вот проснусь, а там палата и сестра Зоя с таблетками и капельницей... Бр-р...

— Пошли дальше, Сашка!

Мы опять спустились в общий зал. Я увидел киоск со всякой мелочью, вспомнил, что потерял расческу, а тут на витрине такая красивая...

— Сашка, минуточку...

— Ага...

Я заплатил, сунул расческу в карман, обернулся. Сашка исчез.

3. Пантюхин

Испугался я сразу. И очень сильно. Потому что накатило чувство, будто Сашка не просто так пропал. Будто его вообще не было никогда. Совсем! Словно я его увидел во сне, а сейчас вот... проснулся...

От жуткого ощущения пустоты, потери, беды перехватило горло. Только поэтому я не заорал панически: «Сашка-а!»

Куда он мог деваться? Среди редких прохожих затеряться невозможно. Да и не успел бы он отойти далеко... Может быть, побежал к платформе и вскочил в вагон? Но зачем, что за дикая выходка?.. Да нет, и туда он не успел бы. Смог бы добежать только вон до этого ближнего эскалатора. Может, увидел наверху что-то интересное?.. Я шагнул на ступени.

Эскалатор оказался неожиданно быстрым. Он, делал широкие повороты, вынес меня в наклонный коридор, а оттуда я выскочил в стеклянный переход

над подземными путями, где стояли красные и зеленые поезда. Сашки, разумеется, не было. И никого вокруг не было, не спросишь даже: «Не видели мальчишка с синей сумкой?». Надо вернуться! Но где эскалатор, ведущий вниз? Я бросился по переходу, в конце его нашел крутой спуск без ступеней, он привел меня в круглый холл, где толпилось множество ребятшек с учительницами. Некоторые были одеты, как Сашка, и я подбегал то к одному, то к другому, извинялся и вконец перепугал несчастных воспитательниц.

Черт меня понес! Надо было стоять и ждать! Сашка, наверно, вернулся и теперь ищет меня!..

Не понимаю, почему простая мысль найти дежурного и сделать объявление по радио не пришла тогда в голову. Видимо, от великой растерянности. Я метался по лестницам, коридорам, эскалаторам, по холлам и галереям и не мог выбраться к главному залу. Будто здешняя бабка Дар-Овражка водила меня... Я спрашивал людей, мне показывали дорогу, а я все попадал не туда. Просто до отчаяния дошел! Наконец рванул дверь с табличкой «Служебный вход»... и вышел в зал позади киоска, где купил расческу.

Сашка был здесь. Беседовал с каким-то мужчиной. Спокойно, будто ничего не случилось.

Незнакомец был высоким, чуть сутулый, с длинным твердым лицом и короткой рыжеватой стрижкой. В серой куртке с молниями — штурманке. Он слушал Сашку и кивал. А тот говорил быстро и серьезно, что-то прямыми ладонями вычерчивая в воздухе.

— Сашка!

Он оглянулся.

— Игорь Петрович!.. Владимир Евгеньевич, это Игорь Петрович... А это капитан «Даблстара».

— Капитан Пантюхин, — сказал тот, наклонив голову и глянув из-под желтых бровей.

— Очень приятно... — Я изо всех сил загнал внутрь досаду и раздражение. — Дорогой мой лоцман, куда вы исчезли? Я ношусь по всему вокзалу, как перепуганная курица, а ты...

— Исчез? — Сашка округлил рот и часто заморгал. — Я тут все время... Верно, Владимир Евгеньевич?

Тот поглядел на Сашку, на меня, поморщился:

— Это, наверно, я виноват...

— Уж наверно, — неприязненно сказал я.

— Да... Видимо, темпоральная волна. Это излучение липнет в вакууме, сразу не избавишься. Извините, ради бога...

Сашка тоже смотрел на меня просяще. Я ничего не понял и сказал довольно глупо:

— Ладно, замнем...

Пантюхин быстро попрощался с Сашкой:

— Спасибо тебе, ты молодец. Простая идея, а в голову не приходило... Будь здоров. — Тряхнул его за плечо, виновато кивнул мне и ушел, чуть пригибаясь.

Сашка опять посмотрел на меня. Удивленно и обиженно:

— Я правда никуда не уходил.

— Что же, галлюцинация у меня?

Он надулся, затеребил пуговицы на штанах.

Не хватало еще нам поссориться!.. И, в конце концов, главное, что он со мной!

— Ладно... Может, правда, эта капитанская волна виновата... А откуда ты знаешь капитана?

— Ой, да он у нас в Краснохолмске бывал! Пока у них стоянка... В кружке у нас лекции читал, про катамаран рассказывал! — Сашка повеселел. — Это не простой звездолет, а разведчик времени. Он движется не столько в пространстве, сколько по темпоральному вектору. Или даже по кольцу! Понимаете?

— Проще пареной репы, — нахально уверил я. — Пойдем-ка из этого заведения... пока сами не угодили в какое-нибудь темпоральное кольцо.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

В городе вдоль главной улицы многоцветными пятнами красовались картины, выставленные художниками в последний раз,— у деревьев, у стен домов, на волноводах поперек дороги, на столбах энергопередач. Перед картинами стояли люди, вспоминали, тихо радовались, кто-то — неугомонный — затеял спор, а миловидная худенькая женщина горько плакала, повторяя громко: «Обидно... Как обидно!»

Огромный куб музея из неотесанного мрамора весь влажно сверкал под солнцем. Еще издали я увидел перед главным входом большую лестную толпу, а подойдя вплотную — услышал недовольные и разочарованные восклицания. Оказывается, со вчерашнего дня музей был закрыт для посетителей по случаю подготовки какой-то новой экспозиции... Сумятицу усугубляли кибернетические уборщики, которых, видимо, позабыли перепрограммировать, и теперь они бессмысленно блуждали в толпе, пытаясь у всех под ногами, шарахаясь от раздраженных пинков и поминутно вызывая взрывы злорадного хохота своими бессмысленными попытками пройти сквозь закрытые двери. Уяснив обстановку, я не стал здесь задерживаться.

Выйдя из метро на Кропоткинскую, я увидел рядом с табачным киоском это величайшее достижение двадцатого века — красно-желтый фургон спецмедслужбы. Задние дверцы его были распахнуты настежь, и двое милиционеров ввергли в недра клетчатое пальто-перевертыш. Ввергаемое пальто отбрыкивалось задними ногами, а может быть, и не отбрыкивалось, а тщило отыскать под собой опору. Лица я не видел. Я вообще больше ничего я не видел, если не считать очков. Металлическая оправа от очков, — ее деловито пронес мимо меня, держа двумя пальцами, третий милиционер, тут же скрывшийся за фургоном. Затем дверцы захлопнулись, машина выпустила из себя кубометр гнусного запаха и медленно укатила. Вот и все приключение, и спросить не у кого, что здесь произошло, потому что миновали времена, когда такого рода инциденты собирали зрителей. И я пошел своей дорогой.

Перед «Метрополем», как всегда, блеснул никелем и лаком разноцветный строй машин, лакеи в малиновых куртках тащили в подъезд чемоданы, какие-то иностранного вида солидные люди группками по двое, по трое беседовали, дымя сигарами, на мраморной лестнице... В маленьком кафе на другой стороне улицы сидели за столиком трое чинов международной полиции в штатском, они молча и тороп-

ливо насыщались жареными сосисками по-хармонтски и пили темное пиво из высоких стеклянных кружек. Официантка, незнакомая пожилая женщина, стояла в сторонке и время от времени зевала, деликатно прикрывая ладонью раскрашенный рот. Было без двадцати девять...

В конце бульвара у меня екнуло сердце: на дереве болтался повешенный. Маскировочный комбинезон, зеленые лапти, все честь по чести. Но, конечно, это оказалось всего-навсего чучело. Под чучелом деловито суетилась парочка пацанов лет двенадцати со спичками и зажигалками. Я окоротил их: во-первых, десантные комбинезоны не горят; во-вторых, омерзительно, когда жгут даже чучело человека; в-третьих, они похожи сейчас на кукуклуксклановцев, поджигающих повешенного негра. Они удалились на третьей скорости, а я пошел своей дорогой.

Ни справа, ни слева ничего интересного не обнаруживалось. Трех- и четырехэтажные дома, иногда довольно красивые. Выбитые стекла. Некоторые окна заколочены покоробившейся фанерой. На балконах — полуразвалившиеся цветочные ящики, многие дома заплетены жестким пыльным плющом. Большой магазин — огромные, запыленные до непрозрачности витрины, почему-то уцелевшие, а двери выломаны...

Внизу под обрывом величественно несла в своих хрустальных струях ядовитые сточные воды древняя Скорпионка. На той стороне волно раскинулись в лунном свете заливные луга. На горизонте темнела зубчатая кромка далекого леса. Над какими-то мрачными полуобрушившимися башнями, сверкая опо-

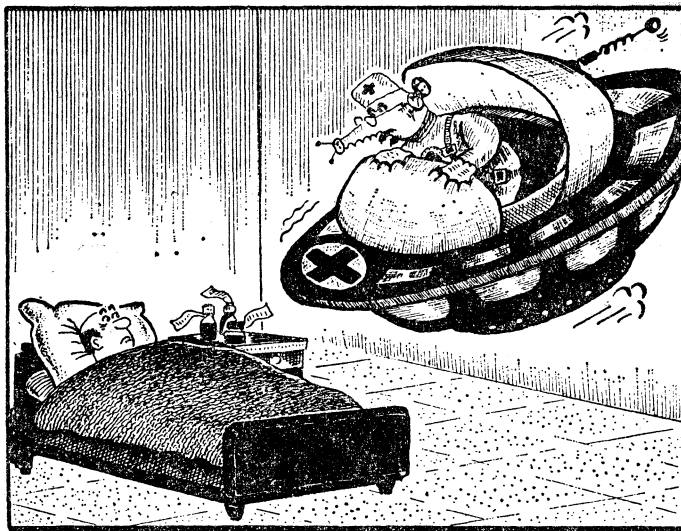
знавательными огнями, совершало эволюции небольшое летающее блюдце.

Здесь было тихо. В дверях убогих притончиков дремали полуголые девки, на перекрестке валялся разбитый мордой вниз упавший солдат с вывернутыми карманами, вдоль стен крались подозрительные фигуры с бледными ночными физиономиями.

Есть в нашем жилом массиве такое симпатичное заведение, расположенное точнехонько напротив районного Дома пионеров. Внешний вид у этого заведения довольно странный, более всего напоминает оно белофинский дот «Миллионный», разбитый прямым попаданием тысячекилограммовой бомбы: глыбы скучного серого бетона, торчащие вкривь и вкось, перемежаются клубками ржавой железной арматуры, долженствующими, по замыслу архитектора, изображать морские водоросли, на уровне же тротуара тянутся узкие амбразуры-окна.

Народу здесь было немного. В углу мрачно веселилась компания серых офицеров — четверо лейтенантов в тесных мундирчиках и двое капитанов в коротких плащах с нашивками министерства охраны короны. У окна за большим узкогорлым кувшином скучала пара молодых аристократов с кислыми от общей разочарованности физиономиями. Неподалеку от них расположилась кучка безденежных донов в потертых колетах и штопаных плащах. Они маленькими глотками пили пиво и ежеминутно обводили помещение жаждущими взорами.

Лил проливной дождь. Смрадом несло из кювета, где в глиняной жиге кисли кучи какого-то

Рисунки С. Кудрявцева (Гусь-Хрустальный Владимирской области)

ЗАОЧНЫЙ КЛФ

зловещего черного тряпья. Шагах в двадцати, на той стороне дороги, торчал, завалившись бортом в трясину, обгорелый бронеход — медный ствол огнемета нелепо целился в низкие тучи...

Дороги как таковой не было. Была река жидкой глины, и по этой жиже навстречу, из города, поминутно увязая, тащились запряженные изнемогающими волами расхлябанные телеги на огромных деревянных колесах, и закутанные до глаз женщины, поминутно оскальзываясь, плача и скверно ругаясь, неистово молотили волов по ребристым боккам, а на телегах, погребенные среди мокрых узлов, среди торчащих ножками стульев и столов, жались друг к другу бледные золотушные ребятишки, как обезьяны под дождем — их было много, десятки на каждой телеге, и не было в этом плачевном обозе ни одного мужчины...

Все вокруг было до тошноты знакомо. Испещренный трещинами неровный асфальт с вечными лужами, и прошлогоднее пятно на нем от пролитой краски перед хозяйственным магазином, похожее на рисунок кроманьонца. Мокрые жалкие прутья садовых насаждений вдоль тротуара, в некоем неприличном контрапункте странно сочетающиеся с гигантским вылинявшим плакатом «Саду — цветы!» на брандмауэре бывшего доходного дома. Отгордившаяся от неба лоснящимися зонтиками терпеливая очередь за обоями в хозяйственный магазин. Прохожие, прохожие, прохожие, все больше тетки с кошелками, с сум-

ками, с бидончиками, с собаками. И машины, машины, машины, господа, сколько нынче в городе машин!

Вроде бы все, как обычно, но чем дальше, тем страшнее мне становилось. Что-то происходило в городе, только я не мог уловить, что именно, и я не знал, как об этом спросить.

Таяли и испарялись крыши, жест и черепица дымились ржавым паром и исчезали на глазах. В стенах росли проталины, расплзались, открывая обшарпанные обои, облупленные кровати, колченогую мебель и выцветшие фотографии. Мягко подламываясь, ставили уличные фонари, растворялись в воздухе киоски и рекламные тумбы — все вокруг потрескивало, тихонько шипело, шелестело, делалось пористым, прозрачным, превращалось в сугробы грязи и пропадало. Вдали башня ратуши изменила очертания, сделалась зыбкой и слилась с синевой неба. Некоторое время в небе, отдельно от всего, висели старинные башенные часы, потом исчезли и они...

II.

А) Любителям библиографических изысканий предлагаем подготовить возможно более полный перечень переводов на русский язык НФ произведений Артура Кларка или Роберта Шекли — на выбор. Расположение материала традицион-

ное: сначала перечислите в алфавитном порядке авторские сборники и отдельно изданные произведения писателя, затем — публикации в антологиях, коллективных сборниках, журналах, газетах. Не забывайте указывать год и номер у журналов, датировать газетные публикации.

Б) Тем, кого не привлекает работа библиографа, предлагаем поискать и систематизировать глобальные катастрофы, приключаящиеся в НФ с Землей и иными — в том числе вымышленными — планетами.

III.

1. Ответьте на один из предложенных ниже вопросов (до 6 очков и по 2 балла за адрес каждой из двух цитат):

А) «Придумать можно все что угодно. На самом деле никогда не бывает так, как придумывают». «Ничего нельзя придумать. Все, что ты придумываешь, либо было придумано до тебя, либо происходит на самом деле». Кстати, что думают о придуманном — точнее, о НФ литературе — герои фантастических произведений?

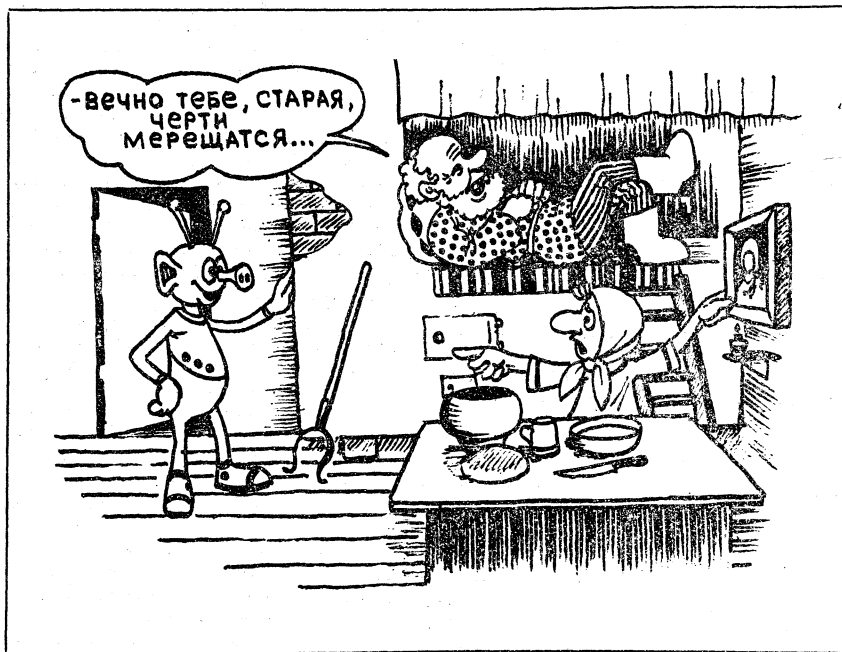
Б) «Вы видите перед собой так называемую монету», — сказал он. — Известный с глубокой древности генератор случайных последовательностей». «Закон гласил, что за первого и второго ребенка плата не взимается. При рождении третьего нужно было уплатить миллион солей». Не встречались ли вам в фантастике другие необычные ситуации, связанные с платежными средствами?

2. Взяв за основу любой из вопросов тура I-A, проведите исследование, подобно заданиям туров III-1 или II-5 (до 8 очков).

IV.

Предложите (на отдельном листке) ваши вопросы для новой викторины. Имейте, пожалуйста, в виду, что для конкретных вопросов нужен полный ответ и ссылка на источник; при этом в крупных произведениях хорошо бы указать и страницу, на которой находится нужная цитата. По-прежнему очень нужны новые варианты для тура I-B (в расчете на традиционные 24-28 баллов).

Ждем также ваших пожеланий, замечаний и соображений по викторине в целом — ее структуре, срокам, системе оценок, уровню сложности и т. д.

Обложка Евгении Стерлиговой

«алмазы шаха», доказать, что ограбление хоть как-то связано с ним, не сможет никто. Он же после дележа добычи получит возможность разговаривать с Леной совсем с других позиций.

Подумав об этом, Фарт продолжал терпеливое наблюдение за кухней.

Часа через полтора, в очередной раз передав бинокль Фарту, Миша подумал: можно начинать. Пока в кухне, кроме старухи, никого не возникло. И вообще, судя по поведению хозяйки, она в квартире одна и в ближайшие несколько часов никого не ждет.

— Никого нет, — Фарт опустил бинокль. — Она одна.

— Тогда все. Кончаем наблюдение, наклеиваем «декор» и подъезжаем. Где «декор»?

— У меня в сумке...

Около двадцати минут оба прилаживали «декор»: иссиня-черный парик и очки, приготовленные для Миши, и пышные усы и короткую бородку клинышком — для Фарта. Оба понимали, что изменить внешность до полной неузнаваемости они не смогут при любом «декоре». И все же, готовясь к ограблению, оба пришли к выводу: чужая растительность должна затруднять опознание. Особенно Миши, который, по их плану, должен будет пойти первым.

Оглядев себя и Фарта и убедившись, что фальшивые борода и усы, а также парик выглядят вполне пристойно, Миша сказал:

— Значит, Фарт, повторяю еще раз. Сейчас подъезжаем туда. Машину ставим чуть не доходя. Пока я выхожу и звоню, ты следишь за окном. По телефону я ей говорю, что я от Володи, бывшего Вероникиного мужа. Он просил передать кое-какие вещи, чтобы она положила их в его комнату. Сам он, мол, сейчас в отпуске, в Прибалтике, и вещи ему мешают. Я ничего не напутал?

— Ничего, все правильно. Володя сейчас в самом деле в Прибалтике.

— Отлично. После этого, если старуха скажет, чтобы я пришел, я поднимаюсь к ней и действую по обстоятельствам. Но, как условились, без мокроты. Привязываю ее к стулу, завязываю глаза, оглушаю. В общем, делаю что-нибудь, чтобы она не увидела тебя, когда ты войдешь. После этого даю тебе знак, то есть закрываю окно. Увидев, что окно закрыто, ты быстро поднимаешься. Мы ищем камни и сваливаем. Все понятно?

— Что тут не понять... — Фарт приложил к глазам бинокль. Миша, заметив, как Фарт застыл, закусив губу, понял: в квартире что-то изменилось. Причем изменилось не в лучшую сторону.

В квартире, кроме хозяйки, появился кто-то еще. Фарт сразу же это заметил. И в одной из женских фигур, мелькнувших несколько раз в дверном проеме, он узнал свою Лену. То, что это именно Лена, Фарт, несмотря на расстояние, понял сразу. Смешно было бы это не понять, ведь

ее тоненькую фигурку и светлые волосы, забранные в «конский хвост», он не спутает ни с кем, как бы далеко от него она ни находилась...

Заметив Лену, Фарт продолжал держать бинокль у глаз, делая вид, что вглядывается в кухню. Одновременно он лихорадочно соображал: говорить ли Мише, кого именно он увидел на кухне, или не говорить. Конечно, сказать об этом он был просто обязан. Но ведь ясно, раз здесь Лена, значит, с ней в Москву приехала и Вероника. И Миша очень даже запросто может отменить всю операцию. И вместе с ним, Фартом, сегодня же уехать в Одессу. Ему же возвращаться сейчас в Одессу никак не с руки, он должен поговорить с Леной именно сейчас, пока еще не все потеряно.

Ладно, подумал Фарт, не буду ничего говорить. Если Миша спросит, скажу, что увидел всего лишь женские фигуры. А там — пусть разбирается сам.

Увидев, как Фарт изменился в лице, Миша спросил:

— Что там? Кто-нибудь есть?

— Д-да... — Фарт продолжал держать бинокль у глаз. — По-моему, к ней кто-то пришел. Какая-то женская фигура...

— Дай посмотрю. — Миша поднес окуляры к глазам. Линзы приблизили кухонный шкаф, плиту, дверной проем. Примерно через полминуты в проеме в самом деле мелькнула женская фигура. Нет, на хозяйку квартиры она была непохожа. Тут же мелькнул и исчез еще один силуэт, в майке и джинсах.

— Ну что? — спросил Фарт. — Видишь кого-нибудь?

Не отрываясь от бинокля, Миша процедил:

— Вижу... Какие-то бабы, а кто, не пойму...

— Молодые, старые? — В голосе Фарта прозвучала плохо скрываемая заинтересованность. Ясно, подумал Миша, Фарт имеет в виду Ленку. Он сам предположил сначала то же самое, но фигуры прошли слишком быстро, и понять, кто это, он так и не смог.

Еще с полчаса Миша продолжал напряженно вглядываться в кухню, но никто больше не появился. Наконец, опустив бинокль, он от души выругался. Конечно, начиная охоту за алмазами, он заранее подготовил себя к любым неожиданностям. И все же сейчас, когда он уже настроился и знал, что будет говорить старухе по телефону и как поведет себя потом, в квартире, — отменять операцию было обидно. Но другого выхода не было, рисковать нельзя.

— Ну что? — спросил Фарт. — Отменяем операцию?

— Конечно. Идти к ней нужно днем, а уже скоро вечер.

— Что ж, отменяем, так отменяем. — Фарт помолчал. — А когда снова подъедем?

— Завтра, с утра пораньше. Если кто и останется в квартире, мы сразу это увидим. Так ведь?

— Так, — согласился Фарт. — Что, снимаем «декор»?

После того, как «декор» был снят и спрятан в сумку, Миша направил «москвич» туда, где, по последним данным, снимал квартиру Костя Дег-

тябрь — в Отрадное. Им повезло, Костя оказался дома. Квартира отличная, двухкомнатная, с телевизором и видеомагнитофоном. После короткого отдыха хозяин предложил пообедать в городе. Предложение было охотно принято, и все трое на Мишином «москвиче» поехали в центр. Дегтярь обещал, что проблем с обедом быть не должно — в Москве у него множество полезных знакомств, в том числе в кооперативных ресторанах.

Дегтярь не обманул, в кооперативном ресторане на Арбате их действительно приняли, как

и, главное, не напиваться до бесчувствия, сел в свой «москвич» и поехал в Отрадное.

В квартире стояла духота, и Миша сразу же распахнул все окна. После этого разделся и принял душ. Затем, включив телевизор, уселся в кресло. Шла развлекательная передача, но он ее почти не видел. Некоторое время он сидел, упершись невидящими глазами в экран и размышлял о досадном утреннем срыве. Наконец, решив, что алмазы они возьмут в любом случае, перешел к более приятным раздумьям, а именно к мыслям о Гале. Полузакрыв глаза, он будто заново ощущал Галины объятия, вспоминал все до одной бес-

родных. Они были посажены в отдельный кабинет и накормлены по высшему классу.

После обеда разомлевший Дегтярь предложил Мише и Фарту «расслабиться», то есть, как он тут же пояснил, провести вечер с девушками. Миша без раздумий отказался, он твердо решил выполнить данное себе обещание и не встречаться ни с кем, пока не сделает «дело». О своем отказе он не пожалел даже тогда, когда знакомые Дегтяря, в самом деле милые девушки, появились прямо в их кабинете. Девушки без особых церемоний заявили, что знакомство им нравится, и для начала они не прочь пойти куда-нибудь потанцевать. Фарт охотно согласился, Миша же, взяв с Фарта обещание особенно не разгуливать

сонные ночи в бунгало, слышал слова, которые она ему говорила... Вдруг он понял: он сейчас еле удерживается, чтобы не набрать Галин номер. Усмехнулся. Кажется, он в самом деле запал наглухо, при одной только мысли о Гале у него начинается судорожно биться сердце. В чем же ее секрет? Непонятно. Она действительно прекрасна. Прекрасна, но вместе с тем как будто неуловима. У нее всегда оставалось что-то свое, скрытое от него. Наверное, именно поэтому его с такой силой к ней тянет.

Все же, вздохнув, Миша сказал сам себе: нельзя вести себя подобно влюбленному юноше. Если Галя в Москве, она в любом случае никуда не денется. Если же нет, значит не судьба.

Сидя рядом с таксистом, согласившимся отвезти его в Отрадное за пятнадцать рублей, Фарт разглядывал летящие навстречу улицы. Он был пьян, бездарно пьян, отлично осознавал это, но ничего не мог с собой поделать. Главное, опьянение не спасало его от бесконечной черной тоски. С Леной все кончено, подумал он, все до конца. Да, теперь он знает это совершенно точно. Черт, зачем только он пошел сегодня к ней... Зачем... Зачем... Достаточно было всего лишь телефонного звонка. Одного телефонного звонка, и все... Ведь он помнит, когда они говорили по телефону, ее голос звучал вполне миролюбиво...

гому... Но ему с той стороны провода ответил мужской голос. Именно с этого момента все пошло вкривь и вкось. Да, именно с этого момента...

Ответивший Фарту мужской баритон был уверенным в себе, даже высокомерным. Конечно, у снявшего трубку просто-напросто могла быть такая манера говорить. Но ведь мужской голос звучал в конкретной обстановке. А именно в огромной шестикомнатной квартире, куда приехали две красивые и в общем-то свободные девушки, до этого отдыхавшие в Рузе... Дураков нет. Ясно, ему в голову сразу же пришло только одно: в квартире на Бережковской сейчас, в этот момент, идет

Фарт восстановил в памяти все, что произошло сегодня вечером. Пойти с Дегтярем и его девицами потанцевать в ресторан он согласился лишь для отвода глаз, ему нужно было прежде всего усыпить бдительность Миши. Он знал точно: если Миша догадается, что он решил позвонить Лене, он просто не даст ему это сделать. Значит, ему нужно было остаться с кем угодно, с Дегтярем, с его приятельницами, но только без Миши. Сначала все именно так и получилось: они легко за получили столик в «Арбате». Здесь, чуть выпив для храбрости, Фарт сразу же вышел в холл. Разыскав телефон-автомат, набрал номер Ларионовых. Черт, подумал Фарт, может, если бы трубку снял кто-то из женщин, все вышло бы по-дру-

вечеринка. И очень похоже, что один из участников этой вечеринки, обладатель сочного мужского баритона — любовник Лены. Впрочем, даже если он лишь рассчитывал стать Лениным любовником, это в принципе ничего не меняло... От одного этого можно было сойти с ума...

Да, он помнит: при звуках уверенного голоса у него буквально потемнело в глазах от ревности. Кое-как сдержавшись, он попросил позвать к телефону Веронику. На вопрос баритона, кто ее спрашивает, сказал небрежно: «Хороший знакомый». Когда же подошла Вероника, назвал себя и попросил позвать Лену.

Он помнит: Вероника несколько секунд колебалась. Сообразив это, он добавил: «Позови, по-

зови». Он как бы дал ей понять, что знает — Лена в квартире.

Ну, а потом... Потом, когда к трубке подошла Лена, его понесло. Лучше бы он молчал... Конечно, он все испортил именно бесконечным потоком слов, безудержным словесным поносом... Чего только он не говорил. Сначала долго убеждал в своей любви. Потом начал допытываться, почему она избегает с ним встречаться. Потом... Потом он просто-напросто устроил ей по телефону сцену ревности.

Что было дальше, он не помнит. Сейчас в его голове все смешалось. Помнит только, что, повесив трубку, поехал на Бережковскую набережную. Дурак! Он сам не понимает, как и почему он это сделал. Ведь он поехал туда, даже не предупредив Лену.

Кажется, в тот момент он был уже прилично набравшись.

Фарт застал. Черт возьми, ведь он же знает Лену. И знает, что она терпеть не может этого. Она терпеть не может, когда люди ведут себя именно так... Приезжают в чужую квартиру не предупредив. Без всякого приглашения... Да еще вдрызг пьяным... Вдрызг...

Ему долго не оставалось ничего другого, реди смотрели на него в глазок. Наконец дверь открылась, но что он им говорил, он опять не помнит. Кажется, он требовал Лену для решительного разговора. Потом... Потом порывался вытащить ее, чтобы этой же ночью увезти в Одессу. Ну, а потом — потом перед ним просто-напросто закрыли дверь. И сколько он ни звонил, уже не открыли.

Ясно, что ему не оставалось ничего другого, как снова вернуться в «Арбат». К Дегтярю и его девушкам. И напиться там уже окончательно.

Более-менее в себя он пришел уже глухой ночью, на Калининском проспекте. Он стоял один на пустынном тротуаре. Как он здесь оказался, уже не имело значения. Единственное, что смутно возникало в памяти: до этого Дегтярь и девушки пытались его куда-то повезти. Но он вырвался и убежал. Дальше снова провал... Потом он поймал такси. Вот это такси, на котором он сейчас едет.

От раздумий его оторвал голос водителя:

— Командир. Отрадное. Где здесь?

Фарт взгляделся: мимо плыли незнакомые ему скопления высотных домов.

— Не знаю... Помню только по памяти.

Дом Дегтяря они отыскивали с превеликим трудом. Расплатившись, Фарт вышел из машины, поднялся на лифте на нужный этаж. Всовывая в замочную скважину ключ, который ему дал Дегтярь, подумал: хорошо бы Миша уже спал. Сейчас он не хочет никого видеть. Особенно Мишу, который наверняка начнет допытываться, что с ним произошло. Он хочет сейчас только одного: забыться. Забыться, провалиться в сон. Это единственное, о чем он сейчас мечтает. А там — будь, что будет.

Захлопнув за собой дверь, Фарт понял: ему повезло. В дверном проеме в свете луны виднелся безмятежно спавший на тахте Миша. Фарт хотел было раздеться, но потом, махнув на все рукой, упал на стоящий рядом с тахтой диван. И тут же заснул.

Проснувшись, Миша понял: чувствует он себя, если не считать легкого раздражения от вчерашней неудачи, отлично. Да и вообще, пока все в норме, так что если он чего-то и желает, то лишь одного: чтобы старуха с самого утра осталась в квартире одна. И тем самым помогла бы ему сделать все именно сегодня.

Обедя глазами комнату, Миша увидел Фарта. Тот лежал на диване одетый, с измятым лицом и спутанными волосами. Наверняка вчера прилично поддал. Ладно, подумал Миша, черт с ним, с Фартом. Зная своего приятеля наизусть, Миша ничего другого от него и не ждал. Лишь бы он сегодня был в норме. Прислушался: в квартире абсолютная тишина. Значит, Дегтярь еще не вернулся. Или уже ушел.

Часы, на которые Миша перевел взгляд, показывали без четверти семь. Если они хотят проверить, остались ли вчерашние гости у старухи и вообще, какая обстановка в квартире — они должны встать на точку наблюдения как минимум до восьми. До момента, когда в квартире начнут завтракать. Так что времени у них в обрез.

Усевшись на тахте, Миша несколько раз потрянул Фарта за плечо. Увидев, что тот открыл глаза, сказал:

— Фарт, учти, у нас в запасе всего полчаса. Надо ехать. Слышишь?

Дождавшись, пока Фарт сядет, Миша пошел на кухню. Поставил чайник на газ и, войдя в ванную, сразу же встал под душ.

Через полчаса с небольшим они уже ехали по Москве в сторону Киевского вокзала. На все Мишины вопросы Фарт или отмалчивался, или отвечал односложно. Это лишь подтверждало, что вчера он пренебрег просьбой и набрался сверх всякой меры.

К вчерашней точке наблюдения они подъехали ровно без десяти восемь. Выключив мотор, Миша взял бинокль. Привычно повел окулярами по длинной стене дома. Вот оно, нужное окно. Раскрыто, как и вчера. Кухня пуста, никаких видимых изменений нет.

Терпеливо изучая дверной проем, Миша вдруг услышал под самым ухом голос Фарта:

— Миша... Слышишь, Миша... Камень...

В интонации Фарта было что-то, что Мише не понравилось. Опустив бинокль, он покосился:

— Д-да? Что случилось?

— Ничего... Просто... Просто я вчера там был. На этой хате.

— Был? — То, что Миша сейчас услышал от Фарта, никак не укладывалось в голове. Фарт же вчера был с Дегтярем. И с его телками. Несколько секунд Миша изучал Фарта, пытаясь понять, что стоит за его словами. Наконец Миша понял: Фарт не врет. Он действительно был вчера там, в квартире Ларионовых. Иными словами, Фарт просто-напросто его наколол. Причем наколол дешево, дешевле не придумаешь. Ну и сука, подумал Миша. Ну и козел. Интересно только, зачем Фарт туда ходил... Зачем... Зачем... Вспомнилось: Фарт смотрит в бинокль. Стоп. Похоже, Фарт увидел вчера в квартире кого-то из знакомых. Точно. Увидел, но ему не сказал.

Вглядевшись в подобострастно-округлые глаза Фарта, Миша все же спросил на всякий случай, чтобы развеять сомнения:

— Зачем же тебя туда понесло, на эту хату? А, Фарт?

— Там была Ленка.

— Ленка?

— Да, Ленка... — В глазах Фарта стояло сейчас все то же умоляющее выражение. — Камень, клянусь, я хотел с ней разобраться...

— Разобраться?

— Ну да... Я же ее люблю... Я просто сам не знаю, что со мной происходит... Из-за Ленки... Клянусь, Камень...

Ясно, подумал Миша. Вчера Фарт увидел в бинокль Ленку, но ни слова ему об этом не сказал. Иуда. Сука. Любит он ее... Да класть он хотел на его любовь. Ведь Фарт вчера не только засветился сам, он засветил и его. Засветил со всеми потрохами. Сломал ему игру, всю до конца. Иуда. Вот тебе и «алмазы шаха». Подумав о них, Миша недобро усмехнулся:

— Значит, продал ты меня вчера, Фарт? Так следует понимать?

— Миша, ты что? Я никого не продал... Я только из-за Ленки...

Говорить дальше было бессмысленно. Взяв Фарта за ворот, Миша выволок его за собой из машины. Убедившись, что Фарт стоит на земле, коротко врезал в живот. Фарт нагнулся, и Миша добавил снизу в челюсть. Кажется, с этим ударом он переборщил. Охнув, Фарт медленно пополз вниз, повалился набок.

Некоторое время Миша разглядывал безжизненно лежащее на земле тело. Подступившая к горлу ненависть постепенно улетучилась. Ясно, Фарт в глубоком нокауте, он отключил его как минимум минут на двадцать. Слабак. Нет, никакой жалости Миша к лежащему на земле приятелю не испытывал. Он лишь холодно подумал: какая же ты подлюка. За такие вещи мало один раз в челюсть. Надо просто убивать.

Постояв, Миша оглянулся. В этот утренний час вокруг было пустынно. Лишь внизу, на набережной, изредка проезжали машины. Еще раз посмотрев на неподвижное тело, сел в «москвич». Подумал: ладно, черт с ним, пусть лежит. Ясно, втаскивать эту мокрицу в свою машину он не будет. И назад, в Одессу, его не повезет. Пусть добирается как хочет. А так — они квиты.

Развернувшись, Миша не спеша выехал на набережную. Здесь, проехав с километр и увидев пустой переулок, свернул в него и остановился.

Около минуты он сидел, пытаясь обдумать свое положение. С тем, что в этот приезд с «алмазами шаха» у него ничего не вышло, придется смириться. Он засвечен, засвечен вчистую. Еще раз выругав про себя Фарта, Миша усмехнулся. Он засвечен, это так. Но кто сказал, что попытку взять камни нельзя будет повторить? Скажем, через несколько месяцев? Следующей весной? А что... Вполне реальный вариант... Надо только все обдумать.

Если «алмазы шаха» лежат сейчас в квартире на Бережковской, они там и останутся. Без со-

мнения... Конечно, за это время их может попытаться взять кто-то другой. Из деловых. И все же вряд ли... Об «алмазах шаха» нужно просто-напросто знать, это во-первых. Во-вторых — чисто технически взять алмазы крайне трудно. Квартира на жучке⁷, это ясно. Так что когда хата пуста, туда лучше не соваться. Если все дома, тоже лучше не лезть. Единственный вариант — попробовать туда сунуться, когда старуха одна. Но кроме своих она никому никогда не открывает. Не тот случай. Значит, тому, кто захочет взять камни, придется разрабатывать сложную и убедительную систему покупки⁸. Вроде той, которую он разработал сейчас, используя информацию о бывшем муже Вероники. Обидно, что все это сорвалось, но теперь он убежден: разработать столь сложную систему покупки сможет лишь тот, кто знает все, что в тот или иной момент происходит в семье Ларионовых. Кроме того, решиться на такой гоп-стоп⁹ — если, конечно, это будет не простой бык¹⁰ — сможет лишь тот, у кого будут гарантии, что после поставки¹¹ он будет наглухо закрыт. Пока всем этим условиям в Союзе отвечает, насколько ему известно, только один человек: он сам, Миша Каменский. Конечно, многое будет зависеть от Фарта. Точнее, от того, как долго он будет держать язык за зубами. Ладно, с Фартом как-нибудь он разберется.

Некоторое время Миша бесцельно разглядывал пустой переулок. Наконец, решив, что надо вернуться и взять с собой Фарта, который наверняка уже пришел в себя, тронул машину с места. Фарт сволочь, и все же, по существу, он становится главным для него человеком. К тому же формально после его удара в челюсть они квиты. Конечно, Фарт будет дуться, но своего приятеля он знает как облупленного.

Увы, вернувшись на прежнее место, Миша Фарта уже не нашел. Особо расстраиваться не стал, в конце концов Фарт в любом случае не пропадет. Ключи от дегтяревской квартиры у него есть, деньги тоже. Если же он, Миша, захочет увидеть Фарта, то всегда найдет его на хате в Отрадном.

Какое-то время Миша сидел, постукивая пальцами по баранке. Кажется, теперь, после того как все отменилось, он с полным правом может позвонить Гале. Сегодня суббота. День впереди совершенно пуст, в кармане у него что-то около пятисот рублей, он свободен, на машине... В самом деле, почему бы не попробовать? Он всего лишь наберет Галин номер и объяснит, что находится сейчас в Москве, скажем, проездом... Да, других причин можно не приводить. Ну и если Галя будет говорить нормально, предложит встретиться. Конечно, может, Галя давно уже в кого-нибудь влюбилась и сейчас не захочет с ним даже разговаривать. Ведь такие девушки надолго без мужчин не остаются. Впрочем, зачем загадывать. Попытка не пытка...

⁷ «На жучке» — на сигнализаторе вневедомственной охраны.

⁸ «Покупка» — обман.

⁹ «Гоп-стоп» — разбойное нападение.

¹⁰ «Бык» — человек, не относящийся к воровскому миру.

¹¹ «Поставка» — ограбление, разбойное нападение.

Включив мотор, Миша выехал на Садовое кольцо. Остановившись у ближайшего телефона-автомата, набрал Галин номер.

Трубку долго не поднимали, наконец мембрана щелкнула. Развязно-сочный мужской голос сказал:

— Ал-ло? Вас внимательно слушают.

Судя по голосу, говорившему было никак не больше тридцати. В лучшем случае это ее брат, подумал Миша. В худшем — любовник. В самом худшем — муж. Совладав с собой, Миша нашел в себе силы сказать сухо:

— Можно попросить Галию?

словами, Миша хотел было повесить трубку. Но вдруг услышал Галин голос:

— Алло! Алло, кто это?

— Галия? — быстро сказал Миша. — Галия, извини, решил тебе позвонить. Это я, Миша.

Некоторое время в трубке раздавалось лишь легкое шуршание. Наконец Галия сказала — как ему показалось, несколько потерянно:

— Миша?

— Да, Миша Каменский. Из Одессы. Не ждала?

— Нет, почему же... Ты в Москве?

— В Москве.

— Галию?

Наступила пауза, в течение которой в трубку изредка прорывалось чье-то тяжелое дыхание и слова: «Дай... Пусти... Это же... меня». Наконец говоривший сказал спокойно:

— Простите, кто ее спрашивает?

— Хороший знакомый. — Сказав это, Миша подумал: все же вряд ли это муж.

— Хороший знакомый... — Трубку опять закрыли рукой, послышался женский смех, приглушенные голоса. Сквозь этот шум Миша услышал наконец приговор сочного мужского баритона: — Извините, молодой человек, Галия занята. Подождать ее я никак не могу. Никак.

Обругав про себя говорившего последними

— Надолго?

— Н-ну... — Миша усмехнулся. — Все будет зависеть от тебя.

Наступила долгая пауза, закончившаяся неопределенным вздохом:

— Понятно...

— Ты что, сейчас занята? — спросил Миша. — Может, перезвонить?

— Да нет... — После этого Галия сказала в сторону: «Ребята, отойдите, дайте поговорить...» — Миша, извини, у меня сейчас друзья.

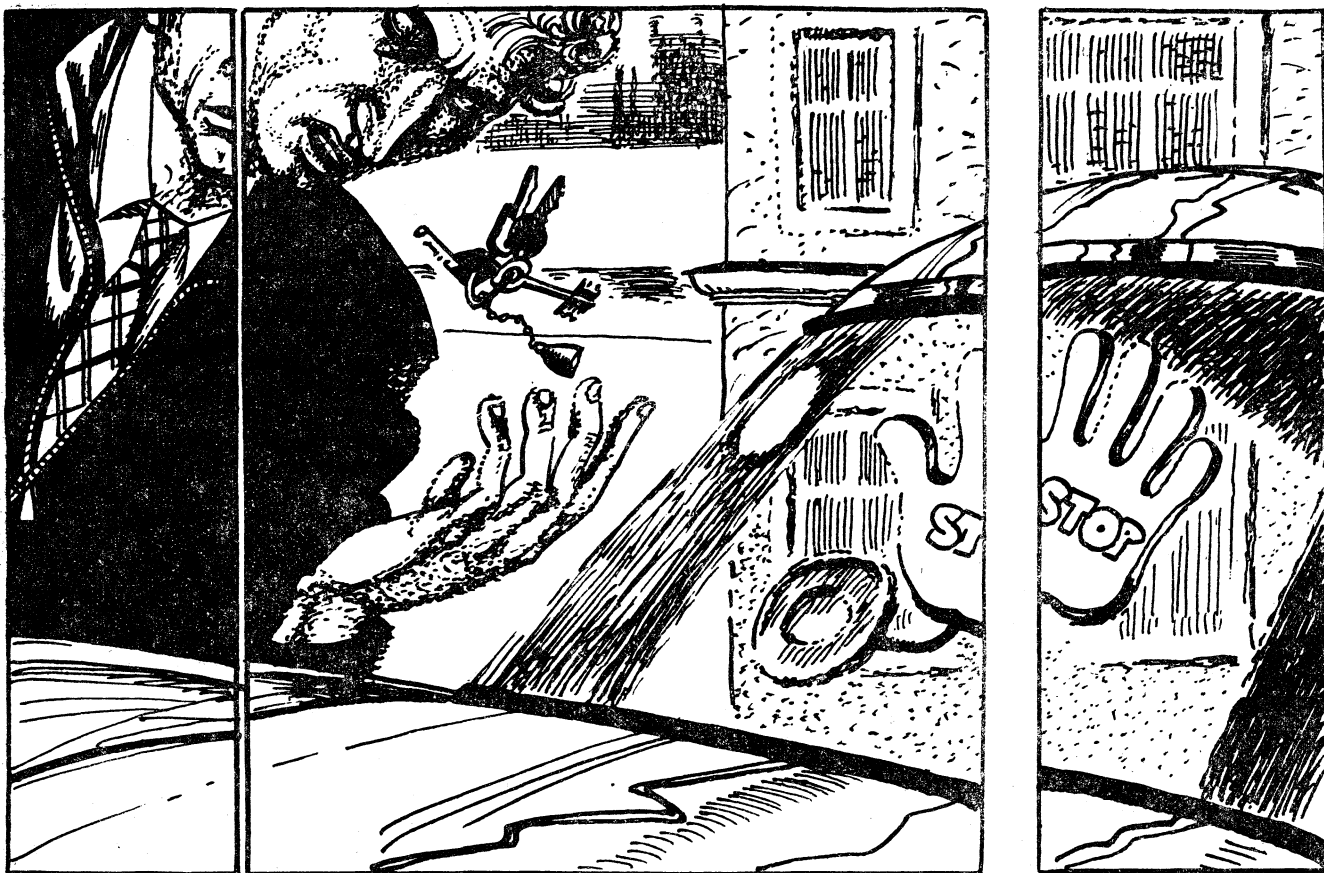
— Ты хочешь сказать, я позвонил не вовремя?

— Нет, просто... Мы только что сдали сессию.

— А-а... — Миша помолчал. — И что?
— Ничего. Между прочим, мы как раз решаем, чем нам сегодня заняться.
— А что решать? Я на машине. Сейчас я за тобой заезжаю и едем за город. А вечером... Вечером куда-нибудь пойдем.
— Например, куда?
— Ну... в какой-нибудь приличный кабак.
У вас ведь есть хорошие кабаки?
— Есть... — В Галином голосе явно сквозила неуверенность. — Только...
— Да, только?
— Понимаешь, Миша... Только пойми меня

— Миша? Я поговорила с ребятами. В принципе вечером они свободны.
— Тогда идем все вместе в кабак?
— В кабак?
— Конечно. Я вас всех приглашаю. Хорошо?
— Вообще-то... — Все же в голове Гали жило некое колебание. — Ты так решил?
— Да, я так решил. Ты ведь меня знаешь.
— Хорошо...

Записав адрес и договорившись позвонить в семь часов, Миша повесил трубку. Постоял, сосредоточенно разглядывая собственную машину. Что ж, в некотором роде он своего добился. Галя

правильно... Друзья, которые сейчас у меня... Две девочки и два мальчика... Они с нашего курса... Живут в общежитии... Ну и... как бы тебе объяснить. Я не могу их оставить.

— Понимаю, — Миша усмехнулся: — Один из мальчиков — твой мальчик?

— Какая чушь. Просто... мы на самом деле договорились этот день провести вместе.

— Ну так давай и проведем его все вместе. Вас пятеро, в машину как-нибудь поместимся. А? Не возражаешь?

— Подожди, я спрошу у ребят.

Довольно долго Миша стоял, прислушиваясь к шороху в мембране. Наконец Галин голос возник снова:

согласилась с ним встретиться. С оговорками, но все же согласилась. В остальном — все пока в тумане. Постояв, Миша усмехнулся. Еще в каком тумане... Например, вполне возможно, Галя как-то повязана с одним из этих «двух мальчиков». Ладно, решил в конце концов Миша, пусть. Вечером все прояснится. Сейчас же ему нужно всего лишь найти хороший кабак. И заказать там столик на шестерых. И все.

Именно в этот момент Миша вдруг вспомнил: у него всего пятьсот рублей. Ясно, сейчас, когда ему помимо воли пришлось пригласить в ресторан целую ораву, он этой жалкой пятихаткой никак не обойдется. Никак. Значит, надо где-то срочно достать деньги.

Перебрав несколько вариантов, Миша, наконец, вспомнил: дядя. Здесь, в Москве, у него есть родной дядя, мамин брат. Так называемый «дядя Володя». Этот дядя вместе с женой довольно часто гостит у них в Одессе. Работает дядя Володя, по последним Мишиным сведениям, оценщиком в антикварном магазине. То есть, практически спит на деньгах. Правда, с просьбами о займе Миша к дяде Володе никогда еще не обращался. Что ж, тем лучше. Наверняка родной дядя не откажет в помощи ему, единственному племяннику. Решено, он звонит дяде.

Трубку подняла жена дяди Володи, тетя Лера. Раздались обычные в таких случаях ахи, охи и приветствия. Естественно, тетя Лера не преминула сообщить, что осенью она очень хотела бы погостить в Одессе у родственников. Заверив тетку, что папа и мама будут очень рады принять дорогих родственников у себя, Миша попросил к телефону дядю Володю.

Довольно скоро он услышал знакомый скрипучий голос. Признаться, этот голос Миша недолюбливал — впрочем, как и самого дядю. Сколько он помнил дядю Володю, тот всегда обожал читать ему нравоучения. Особенно грешил этим дядя раньше, когда Миша был подростком и не мог постоять за себя. Идиотские дядины нравоучения, касающиеся его поведения, прилежания и всего остального, до сих пор стоят у него, как кость в горле.

Ладно, подумал Миша, плевать на нравоучения. Лишь бы дал денег.

— Здравствуй, Миша, — сказал дядя. — Как дела?

— Ничего, дядя Володя. Все в порядке.

— Надолго в Москве?

— Проездом. Сегодня приехал, вечером уеду. Дела надо кое-какие сделать.

— Дела, это хорошо. Билеты-то есть? Знаешь, как у нас с билетами?

— Дядя Володя, я на машине.

— На своей? Я и не знал, что у тебя машина. Давно купил?

— Да... вообще-то это машина с папиного предприятия. Но практически она моя.

— А-а... — Дядя помолчал. — Что ж, и то дело. Ты все там работаешь? У отца?

— У отца. Дядя Володя, я хотел бы обратиться к вам с одной просьбой. Вы не займете мне денег?

— Денег? — Интонация, с которой это было сказано, Мише не очень понравилась. Все же он сказал:

— Да, дядя Володя. Мне тут нужно сделать кое-какие дела. Как только приеду в Одессу, тут же вам вышлю. Займете?

Дядя долго молчал. Наконец сказал:

— Сколько тебе нужно?

— Нужно... — Миша помедлил. — Если можно, тысячу.

— Тысячу? — Сказано это было таким тоном, что Миша обругал про себя дядю последними словами. Вслух же сказал:

— Да, дядя Володя, тысячу. Повторяю: как

только я приеду в Одессу, я вам эти деньги вышлю.

— Понятно. — Дядя погрузился в долгие размышления. — Ладно, приезжай.

— Займете?

— Я же сказал: приезжай. Адрес помнишь?

— Помню. Спасибо, дядя Володя. Через полчаса буду.

Нажав на рычаг, Миша увидел: у телефона-автомата собралась небольшая очередь. Все же, несмотря на нахмуренные глаза стоявшего впереди старичка, он набрал еще один номер — на этот раз Дегтяря.

— Костя, Фарт не приходил?

— Он здесь. Позвать?

— Не надо. Мы с ним немного поцапались.

— Я так и понял.

— Костюнь, будь другом, потом ему скажи: если он хочет, я могу взять его с собой в Одессу. Скажешь?

— Скажу. Вообще-то он иначе и не уедет. Билетов нигде нет напрочь.

— Вот и лады. И еще одно, Костюнь...

— Да?

— Мне нужно заказать на сегодня на вечер столик в кабаке. Желательно в хорошем. Какие у них здесь считаются хорошие кабаки?

— Хорошие? — Костя помолчал. — Да много. Ты с кем пойдешь-то? С телкой?

— С телкой. И с ней еще четверо. Все молодняк. Мне это нужно, понял?

— Понял. Значит, всего вас будет шесть человек?.. Сейчас подумаю... Вообще-то лучше куда-нибудь на окраину. Скажем, в «Казахстан». Или в «Русь». Конечно, если есть бабки.

— Бабки есть.

— Тогда туда. «Казахстан» или «Русь». Там самая крутизна.

— Зацепок у тебя там нет?

— Зацепок? — Костя помолчал. — Есть у меня один халдей. В «Руси». Но сегодня суббота. Так что это будет дорого стоить.

— Вот и хорошо. Мне чем круче, тем лучше. Закажешь?

— Попробую. Но ему нужно сразу катю¹² в задаток.

— Катю, так катю. Договаривайся, я отвезу.

Условившись с Дегтярем, что позвонит ему через час-полтора, Миша повесил трубку и, усевшись в «москвич», поехал к дяде.

Квартира дяди, большая и просторная, располагалась в добротном, постройки сороковых-пятидесятых годов доме, стоящем недалеко от парка Горького. Дверь открыла тетя Лера. Оглядев отделанную деревом прихожую, Миша подумал: с каждым его приездом квартира выглядит все лучше и лучше. Ясно, ведь детей у них нет. Так что все деньги дядя и его жена тратят только на себя.

Тетя Лера, не лишенная еще в свои сорок лет некоторой женской привлекательности, привстав

¹² «Катя» — сто рублей.

на цыпочки, обняла Мишу, дотронувшись щекой до его щеки. Сказала, улынувшись:

— Мишенька, тебя не узнать. Ты прямо с картинки.

Почти тут же Миша увидел дядю — невысокого, с брюшком и обширной лысиной. Выглянув из своей комнаты, дядя, облаченный в майку и пижамные брюки, сказал преувеличенно бодро:

— Привет, Миша, привет. Лера права, ты прямо герой. Добрый молодец. Лерочка, быстро налей-ка Мише чаю. И покорми.

— Дядя Володь, честное слово, я не хочу! — взмолился Миша. — Не нужно никакого чая! Я только что завтракал! Пожалуйста!

Мише сейчас в самом деле до смерти не хотелось сидеть на кухне и выслушивать теткин болтовню.

— Миша, никаких разговоров! — Дядя, взглянув на него, нахмурил брови. — Не хватало еще, чтобы ты ушел от нас голодным! Лера, не слушай его! Поешь, поешь чаю и ко мне в комнату. Там поговорим. Все.

Дверь за дядей Володей закрылась. Посмотрев на нее и решив, что в конце концов ради тысячи рублей можно и пострадать, Миша поплелся вместе с теткой на кухню. Здесь ему пришлось, пережевывая бутерброды и запивая их чаем, выслушивать теткыны соображения по различным проблемам современной жизни.

Наконец, поблагодарив тетку и объяснив, что у него в самом деле времени в обрез, Миша подошел к двери дядиной комнаты и легонько постучал.

Дядя стоял у окна и спросил, не оборачиваясь:

— Миша, напомни, пожалуйста: сколько тебе лет?

Началось, подумал Миша. Дядю и его манеру объясняться он знал наизусть. Сейчас опять пойдут наставления.

Все же он ответил, стараясь говорить как можно спокойней: — Двадцать шесть.

— Двадцать шесть... Насколько я знаю, ты окончил высшее учебное заведение. Кораблестроительный институт. Так, кажется?

Стараясь сдержать закипающую внутри ярость, Миша посмотрел на лысый дядин затылок. Гнида... За свою тысячу он решил вволю на нем поплясать... Ладно, черт с ним. Надо терпеть.

— Так, — сказал он.

— И работаешь по специальности? — Дядя наконец обернулся. — В соответствии с полученным дипломом?

С ненавистью глядя на исполненное собственного достоинства лицо дяди, Миша подумал: может, сразу послать его подальше? Так, чтобы он хорошо это запомнил? Нет, не стоит. Во-первых, тысяча ему в самом деле нужна позарез. Во-вторых, дядя запросто может поднять невыносимую вонь. Со звонками в Одессу, с жалобами матери и отцу. Лучше стерпеть.

Изобразив самую что ни на есть лучезарную улыбку, Миша сказал:

— Дядя Володь, зачем вы все это спрашиваете? В конце концов, я взрослый человек. И сам

могу решить, что мне делать с дипломом. И с моей специальностью. Так ведь? А, дядя Володь?

Понаблюдав за ним, дядя сокрушенно мотнул головой:

— Мишенька... Конечно, ты можешь делать все, что тебе угодно. Но дело в том, что я ведь не чужой тебе человек. Знаю тебя с детства. Знаю, что родители старались дать тебе хорошее воспитание. Помню, ты проявлял способности к языку, к математике... Занимался спортом, играл в теннис, плавал... И вот я смотрю на тебя — чем все это кончилось? Кто ты? Водитель на предприятии отца? И все?

Миша молчал. Видимо, уловив в его взгляде нечто большее, чем просто недовольство, дядя добавил:

— Прости, но кроме меня, тебе это никто не скажет.

Никто не скажет, подумал Миша. Ах ты, гнида... Его, видите ли, волнует, что я работаю не по специальности. А ты кем работаешь? Оценщиком в антикварном магазине? Хороша специальность. Судя по тому, что я вижу, ты воруеть гораздо больше, чем я. По-черному. Так, как не будут воровать даже перед страшным судом. А туда же — лезешь читать мне мораль...

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Миша сказал:

— Хорошо, дядя Володя. Будем считать, я признаю все, что вы сказали. Но давайте отложим пока этот разговор. У меня в самом деле все сейчас расписано по минутам. Честное слово.

— Расписано по минутам, и что? — Дядя усмехнулся.

— Ну... вы ведь обещали занять мне денег. Дядя потер подбородок:

— Подожди, Мишенька. Подожди, не спеши. Давай все расставим по своим местам. Во-первых, я тебе ничего не обещал.

— Как ничего?

— Так ничего.

От дядиного нахальства у Миши перехватило дыхание. Изучив спокойный взгляд родственника, он сказал тихо:

— Но вы же сказали, чтобы я приезжал?

— Да, сказал, но не более того. Собственно, почему я должен занимать тебе тысячу рублей? За что?

— Дядя Володя... Я же сказал, я вышлю вам эти деньги, как только приеду в Одессу. Если хотите, напишу расписку. Написать?

— Не нужно. Дело не в расписке. Начнем с того, что свободных денег в таком количестве у меня просто нет. Но даже если бы они у меня были, тебе, лично тебе я бы никогда их не дал. Твоим родителям — пожалуйста. Но тебе — ни за что. Уж извини.

— Почему?

— Потому что не уверен, что ты употребишь их себе на пользу. Да, да, Мишенька, именно поэтому.

Бросив быстрый взгляд на дядю, Миша подумал: все ясно. Дядя решил наколоть его с самого начала, в этом нет сомнения. Напольные часы у противоположной стены показывают де-

сять минут первого. К дяде он приехал около одиннадцати. Выходит, почти полтора часа он потратил впустую. Причем не просто впустую, а претерпев всевозможные унижения.

Дядя, будто ничего не замечая, покойно и удобно уселся в соседнее кресло. Достал из стоящей на столе палехской шкатулки сигарету. По ободку Миша без труда узнал «Мальборо». Поймав Мишин взгляд, дядя придвинул шкатулку к нему:

— Закуришь?

— Спасибо, я не курю.

— Ну да, я забыл, ты же не куришь... —

Щелкнув «Ронсоном» и сделав несколько затяжек, дядя сказал примирительно: — Мишенька, только пойми меня правильно. Я ведь совсем не желаю тебе зла. Наоборот, всегда готов помочь. Ну, если хочешь, могу тебе кое-что подкинуть. — Выждав паузу, дядя стряхнул пепел. — Естественно, без всякой отдачи. Скажем, рублей пятьдесят. Даже сто. Так сказать, на мелкие расходы. Идет?

Поделом дураку, подумал Миша, изучая полный внутреннего благородства взгляд дяди. Этот улюдок решил отделиться от него, отстегнув ему столик «с барского плеча». Так сказать, за унижение.

— Спасибо, дядя Володя. — Миша встал. — Спасибо. Но все же я постараюсь обойтись своими силами.

— Не понял. — Дядя положил сигарету в пепельницу. — Ты что, отказываешься от ста рублей?

— Угадали, дядя Володь. Отказываюсь.

— Подожди, подожди. — Дядя встал. Подоидя к Мише, покачал головой: — Во-первых, не обижайся. А? Мы же все-таки родственники.

— Да я не обижаюсь. Все нормально.

— Обижаетесь. Ладно, ладно. Я ведь от чистого сердца. Слушай, ты куда сейчас едешь?

— Так, в одно место. А что? — Он в самом деле не знал, куда ехать.

— Подбросишь нас с Лерой к гаражу? Это недалеко.

— Пожалуйста. Почему не подбросить.

Перед тем как выйти, дядя снял телефонную трубку, набрал номер:

— Четвертый? Это восемнадцать-бис. Мы выходим.

Спускаясь на лифте вместе с дядей и тетей, Миша подумал: ничего. Этому лысому улюдку он еще все припомнит.

Высадив родственников около гаража, Миша отъехал немного и остановил машину у тротуара. Место здесь было тихое. Откинувшись на спинку, Миша довольно долго сидел, обдумывая ситуацию. Своим отказом дядя спутал ему все планы. Спутал, но делать что-то все равно надо. Не может же он идти в кабак с такой девушкой, как Галя, и потом подсчитывать, не выйдет ли счет за пятьсот рублей. Ему обязательно нужен какой-то запас. Пусть не тысяча. У него должно быть хотя бы лишних рублей пятьсот, чтобы он чувствовал себя спокойно. Конечно, в принципе, смилив гордыню, такие деньги можно занять у Фарта. Бабки сейчас у Фарта есть, он знает.

Миша покачал головой. Нет, Фарт должен знать свое место. Сейчас, когда от его отношений с Фартом зависит, сможет ли он через какое-то время завладеть «алмазами шаха», занимать у Фарта деньги нельзя.

Но если не у Фарта, то у кого?

Миша посмотрел на собственные часы — болтающийся на левом запястье золотой швейцарский «Роллекс». Вспомнилось: вчера Дегтярь с вожделением рассматривал этот «Роллекс». Дегтярь... А что, почему бы не попробовать... Конечно, сдавать Дегтярю «Роллекс» не стоит. Но можно рискнуть и поставить «Роллекс» под залог. На просрочку, на месяц. Точно, Дегтярь по натуре прижимист и по жадности вполне может клюнуть. Даст ему штуку в долг против «Роллекса» — в расчете, что он просрочит отдачу, а «Роллекс» вроде этого стоит сейчас как минимум три штуки.

Тронув «москвич», Миша остановил его у ближайшего телефона-автомата. Набрав номер и услышав голос Дегтяря, сказал:

— Костя, это я, Камень. Как насчет кабака? Выяснилось?

— Выяснилось. Все в порядке. Значит, так: ты сейчас едешь в «Русь». Разыскиваешь моего халдея, его зовут Коля. Скажешь, от меня. Ну и даешь ему столик...

— Спасибо, Костюнь. Слушай, не хочешь занять мне бабок на просрочку?

— На просрочку?

— Да, под мой «Роллекс».

— Под «Роллекс»?

По голосу Дегтяря Миша понял: клюнуло:

— Ну вот. Мне нужна штука. Отдаю через месяц. Навар сто¹³. Если не отдам в срок, «Роллекс» твой. Делаем все по чину, я пишу капусту¹⁴. Идет?

После недолгой паузы Дегтярь произнес:

— Так, может, ты сразу сдашь мне свой «Роллекс»? Я без звука ссыплю тебе три штуки. И кранты. Все довольны. А?

— Не пойдет. Костюнь, как ты думаешь, если бы я решил сдавать вещь, неужели я сразу бы тебе не сказал? Не хочешь, дело твое. Решай.

Несколько секунд Дегтярь молчал. Наконец сказал:

— Когда тебе нужны бабки?

— Сегодня. Желательно до вечера.

— Просек. Помнишь, где мы вчера обедали?

— Помню.

— Подъезжай туда к трем. Там получишь.

Москву Миша знал не очень хорошо. Но все же к семи, то есть к моменту, когда он должен был позвонить Гале, он довольно спокойно управился со всеми делами. Разыскал ресторан «Русь», где без особых хлопот заказал столик на шестерых. После этого, вернувшись в центр, получил от Дегтяря обещанную тысячу рублей. Заодно пообедал вместе с ним и Фартом. Встреча с Фартом оказалась кстати: во время обеда Фарт под давлением железных аргументов безоговорочно при-

¹³ «Навар сто» — т. е. данная в долг сумма плюс сто рублей.

¹⁴ «Капуста» — долговая расписка.

знал свою вину. Миша же, в свою очередь, сказал, что с утренним нокаутирующим ударом погорячился. Фарт принял объяснение.

Гале Миша позвонил ровно в семь вечера. После щелчка услышал знакомый голос. От беспечной легкомысленности этого голоса у него, как и всегда, все зашло внаутри.

— Миша... — Трубка помолчала. — А, Мишенька... Извини, я совсем забыла. Ты все-таки решил позвонить?

— Ну... а как же иначе? Мы ведь идем?

— Идем? В смысле?

Черт, подумал Миша, вот будет номер, если встреча отменится.

— Так мы же договорились все вместе пойти в кабак?

— В кабак? А, да, да. — Трубка зашуршала. — Помню. Правильно, все вместе. Просто... — Галя помолчала. — Не знаю. Охота тебе тащить в ресторан целую ораву?

Миша тотчас отреагировал:

— Насчет оравы я не настаиваю. Если хочешь, пойдем вдвоем. Как?

— Вдвоем... — Ему показалось, Галя усмехнулась. — Нет, Миша, вдвоем не получится. Исключено. Ребята ведь до сих пор у меня. Я же предупредила, мы договорились весь день провести вместе.

Плохо дело, подумал Миша. Так говорят, когда решают тебе отказать. Все же, стараясь не выдавать себя голосом, бросил небрежно:

— Ладно, пойдем с оравой. Как решили.

— Д-да?... Подожди секундочку, я переговорю. — Выматывающее душу шуршание возобновилось. — Ладно, Мишенька, подъезжай. Через сколько примерно ты будешь?

— ...Минут через двадцать.

— Тогда встань у дома и жди. Хорошо? Мы выйдем.

— Хорошо. Буду стоять.

Галю и ее друзей Миша прождал около сорока минут. Времени было достаточно, чтобы понять: Галя живет в доме высшей категории. Восемьэтажная кирпичная коробка с отделанными деревом лоджиями стояла в тихом переулке недалеко от центра. Тротуар перед домом был без трещин и чисто выметен, трава в палисаднике недавно подстрижена.

Шел уже девятый час, когда из единственного подъезда наконец-то вышла Галя. Вместе с ней четыре человека, два парня и две девушки. Девушки, шатенка и блондинка, были хорошенькими и стройными, больше Миша ничего о них сказать не мог. Один из парней, в очках, был угловат, шел нескладной походкой и, как заключил в конце концов Миша, особой опасности не представлял. Зато второй, бугай с гривой русых волос и с большим крестом, болтающимся поверх стильной майки, вполне мог быть Галиным любовником. Тем более, что шел этот бугай рядом с Галей, изредка незаметно касаясь ее руки.

Подойдя к машине, Галя, одетая в желтую майку и синюю мини-юбку, пригнулась:

— Миша, привет. Извини, мы задержались.

— Ничего. — Сказав это, Миша постарался сделать все, чтобы не утонуть в ее глазах. Кажется, ему это удалось, хотя и с большим трудом.

— Думаешь, мы здесь поместимся? — Галя скептически оглядела салон.

— Конечно. Ты сядешь впереди, остальные сзади. Машина вмещала и больше. — Застыв, Миша подумал: сейчас решается его участь. Во всяком случае, участь на сегодняшний вечер. Если Галя посадит рядом с ним кого-то другого, а сама сядет сзади, рядом с бугаем, ему уже точно сегодня ничего не светит.

— Д-да? — В глазах Гали отразилось колебание. — Ну хорошо, — она обернулась: — Девчонки, кому-то из вас придется сесть на колени. Влезайте.

Сев рядом с ним и хлопнув дверцей, покосилась:

— Едем?

— Я думал, ты скажешь что-нибудь еще. — Повернув ключ, Миша вдруг понял: сейчас он испытывает что-то вроде приступа ревности.

— Например?

— Например, что ты рада меня видеть. Или ты не рада?

В этот момент машина тронулась, и Галя, дернувшись вместе с сиденьем, усмехнулась:

— Почему же, Мишенька, я очень даже рада.

Выруливая из переулков, Миша подумал: похоже, сегодня ему действительно ничего не светит.

В пути выяснилось, что девушек зовут Катя и Лиза, очкарика — Виктор, бугая — Андрей. Компания оказалась веселой, все время шел легкий разговор с приколами и подначками, в который Миша включился с легкостью. Но каждый раз, когда Галя оборачивалась к сидящему за ней Андрею, он ощущал мучительные приступы ревности.

Примерно та же история продолжалась и в ресторане. Особенно невыносимо было смотреть, как Галя и Андрей танцуют. Она позволяла ему лапать себя за все места и едва ли не целовать в засос. Когда же танцевала с ним, была холодна, как ледышка. Во всяком случае, так ему казалось.

К ночи компания разгулялась. За столиком, если не считать Миши, царил всеобщее веселье. Уходить никто не хотел, поэтому, когда уже во втором часу ночи к ним, единственным, оставшимся в ресторане, подошел метрдотель и попросил освободить столик, Миша вздохнул с облегчением: наконец-то мучительный для него вечер кончился.

Рассчитавшись с официантом и не дожидаясь остальных, он вышел из ресторана. Разыскал свой «москвич», сел за руль. Прислушиваясь, как остальные, переговариваясь, идут к его машине, снова подумал: будь оно все проклято. Кажется, сейчас ему все равно, куда сядет Галя. Да, точно. И вообще, единственное желание, которое он испытывает — это включить мотор, нажать на газ и уехать. В ночь, одному.

Открылась дверца, рядом села Галя. Мише по-

казалось, она все еще улыбалась чему-то, сказанному там, вне машины. Посмотрела на него:

— У тебя плохое настроение?

— Да нет.

— Ты знаешь, где наша общага?

— Не знаю. Откуда я могу знать?

— На Трифоновке. Это около Рижского вокзала. Если можно, отвези туда ребят? Хорошо?

— Хорошо. — Он по-прежнему ощущал ее холодность. Вздыхнув, Галя выглянула из машины:

— Ребята, сколько можно ждать? Садитесь. Или мы уедем без вас.

Помедлив, Андрей выдавил неопределенно:

— Д-да?

— Да. — Миша увидел, как Андрей взглянул на Галю. И как она усмехнулась, означая отказ.

— Ладно, Андрюха, выходи. — Сидящая рядом с Андреем Лиза почти силой вытолкнула его из машины. — Чао, Галек. Мы позвоним.

— Чао-какао. Нежный поцелуй всем... — Подождав, пока все выйдут из «москвича», Галя выглянула в открытое окно. Помахала рукой. Все еще отказываясь верить своим глазам, Миша увидел в зеркале: все, в том числе и Андрей, исчез-

Компания с шумом и прибаутками стала размещаться на заднем сиденье.

До Рижского вокзала по ночной Москве они доехали быстро. Свернув по знаку Гали и покрутившись по лабиринту незнакомых улиц, Миша, наконец, по ее сигналу остановил машину. Галя обернулась:

— Ну что, братцы кролики? Счастливо. До встречи на полустанке.

— А ты? — спросил Андрей. Миша видел, как много говорит его взгляд. Этот взгляд просто умолял Галю выйти сейчас вместе со всеми. Галя улыбнулась:

— А что я? Я поеду домой. Миша меня отвезет.

ли в дверях общежития. Черт, подумал он, ну и дела. Выходит, он счастливчик. Нет, он все еще отказывался этому верить.

Галя сидела рядом молча, чуть закинув голову.

— Куда теперь? — спросил Миша.

— Куда... Куда, куда, куда... — Помолчала. — Знаешь, Миш, сегодня ты себя очень хорошо вел.

— Я? — Миша посмотрел на нее. — Не понял. По-моему, сегодня я себя вообще никак не вел.

— Да нет, вел. То есть ты даже себя просто потрясно вел. Честное слово. — Помолчав, вздох-

нула: — Слушай, ты мог бы сейчас проехать еще километров восемьдесят?

— Восемьдесят? Конечно. А куда?

— За город. Это здесь, по Ярославке. Я покажу.

— Ладно. — Раскрутив «москвич» в обратную сторону, он по подсказке Гали свернул у Рижского налево. Проехав минут десять по пустынному ночному шоссе, прибавил скорость. Подумал: интересно, куда это они едут. Впрочем, ему ведь все равно, сейчас он готов ехать куда угодно.

С полчаса они неслись по загородной трассе со скоростью за сто десять, изредка обгоняя по-

жет, все же объяснишь, куда мы едем?

— Ко мне на дачу. Видишь впереди голубой забор? Это моя дача. Там сейчас никого нет. Но у ворот вахта.

Интересно, подумал Миша, выходит, это госдача. Что ж, примерно так он и думал. Чуть не доезжая ворот, нажал тормоз. Сказал, помолчал:

— Значит, я должен перелезть через забор?

— Ну... в принципе мы могли бы пройти и через вахту. Но если тебя увидит сторож, он обязательно стукнет родителям. Тогда может подяться вонь. Страшная. А мне бы этого очень не

падавшиеся по пути машины. Наконец Галя сказала:

— Скоро будет пост ГАИ.

— Понял. — Миша чуть сбавил скорость. — Что дальше?

— Дальше сразу за этим постом повернешь направо.

— Ясно. — Проехав пост ГАИ, Миша свернул направо. Галя покосилась:

— Миш, ты вообще как, умеешь лазить через заборы?

— Через заборы? Что, серьезно?

— Серьезно. — Галя улыбнулась. — Серьезно, серьезно.

— Вообще-то... когда-то получалось. Ты, мо-

хотелось. — Усмехнувшись, Галя дотронулась рукой до его колена: — Понимаешь?

— Понимаю.

— Машину можно поставить чуть дальше. Ты увидишь. Я тебя жду?

— Я хоть найду там твою дачу? За забором?

— Найдешь. Там кроме дачи ничего нет. Пошла. — Выйдя из машины, Галя двинулась к воротам. Подождя, пока она исчезнет за дверью, Миша проехал немного и, увидев небольшой пустырь, свернул туда. Заглушил мотор. Выйдя, огляделся. Забор, освещенный сейчас только светом луны, был совсем рядом, метрах в двадцати. Подойдя и взявшись за верхний край, подумал: высота здесь примерно два тридцать. Легко под-

тянувшись, перекинул ноги и через секунду уже стоял на земле с той стороны. Освоившись, пошел к видневшейся в темноте даче. Вскоре увидел: это большой двухэтажный коттедж с балконами, террасами и солиерием.

Гая стояла у входа, освещенная тусклым наружным бра. Обняв плечи руками, посмотрела на него:

- Все в порядке?
- Да. А у тебя?
- У меня тоже.

Он понял, что ей холодно, и обнял ее. Тут же ощутил, как доверчиво отдалось его рукам ее тело. Сказал хрипло:

- Входим?
- Конечно... Дверь открыта...

За дверь он снова обнял ее и, отвечая на поцелуй, услышал:

— Мишенька, меня так тянет к тебе... Как магнитом...

Проснулся он от легкого прикосновения руки. Открыв глаза, увидел: Гая сидит рядом с ним на кровати. Короткий халат запахнут, волосы мокрые. Заметив, что он проснулся, улыбнулась:

— Привет, как спалось?

— Ничего. — Приподнявшись на локтях, огляделся. Комната с зашторенными окнами. За шторами день, в щелку пробивается яркий солнечный свет. Они у нее на даче. Да, точно. Вспомнился весь вчерашний вечер. И не только вечер, но ночь и утро. Именно утро, потому что они совершенно точно заснули уже после рассвета.

— Ты еще не проснулся? — спросила Гая.

— Да нет, вроде проснулся. Как ты?

— Прекрасно. — Пригнувшись, она поцеловала его. — Знаешь, который сейчас час?

— Нет.

— Двенадцать. Как насчет позавтракать?

— Позавтракать? — Встряхнувшись, он сел на кровати. — Отличная идея. А где?

— Внизу. Завтрак уже готов. Давай одевайся, приведи себя в порядок. А я пойду сварю кофе. Учти, завтракать будем на веранде.

После завтрака на затененной веранде Гая налила ему и себе кофе. Сделав несколько осторожных глотков, сказала будто между прочим:

— Когда ты должен быть в Одессе?

— В понедельник. А что?

— В понедельник, то есть завтра? — тронув языком кофе, она подняла глаза.

— Да, завтра. Я ведь на работе. Ты хочешь, чтобы я скорей уехал?

— Наоборот, я хочу, чтобы ты задержался как можно дольше.

Помедлив, он поцеловал ее, перегнувшись через стол. Усмехнулся:

— Серьезно?

— Серьезно.

— «Как можно дольше» — это на сколько примерно?

— Н-ну... скажем, до четверга.

— Почему именно до четверга?

— Потому что в четверг я уезжаю вместе с театром на практику. И... буду рада, если это время мы проведем вместе.

— Надо же. — Миша поставил чашку. — Что творится. Просто не верится.

— Вот именно, просто не верится. — Она протянула руку. Помедлив, он протянул свою, и их пальцы слились.

В тот же день ближе к вечеру они с Галей решили съездить в город. К «москвичу» Мише пришлось пробираться тем же способом, что и вчера — через забор. Выведя машину на проезжую часть, Миша в ожидании Гали наблюдал за пустой улицей. Сейчас здесь не было ни души, лишь чуть впереди старичок в холщовых брюках и заляпанной краской белой майке, стоя на обочине, лениво орудовал метлой. После некоторого раздумья Миша подвел машину к нему. Спросил через открытое окно:

— Отец, не подскажешь: чья это дача, сзади?

— Сзади-то? — Сделав несколько взмахов, дворник покосился: — А вам зачем?

— Надо, отец. Или это секрет?

— Зачем секрет... Сзади — это которая?

— Да вот, за голубым забором?

Поколебавшись, старик отставил метлу. Достав из кармана пачку «Дымка», протянул Мише; после того, как Миша отказался, закурил сам. Сладко затаившись и выпустив дым, сказал:

— Дача эта, мил друг, Логунова Ивана Трофимовича. Так-то.

— Логунова? А кто это?

— Чудак-человек... Логунов — зампреда-теля Моссовета. Неужели не знаешь?

— В общем-то знаю. — Миша помолчал. — Ладно, батя, спасибо.

— Не за что. Я думал, он тебе нужен. — Старик снова взялся за метлу. Дав задний ход, Миша вернулся к пустырю. И сделал это вовремя: почти тут же из ворот вышла Гая.

Через четыре дня Миша, сидя в своем «москвиче», следил, как на обочине появляются и тут же улетают назад дорожные указатели. Москва осталась далеко позади. Впереди его и дремавшего рядом на сиденье Фарта ждала Одесса.

Наблюдая за потоком машин, идущим по перегруженной южной трассе, Миша ощущал прилив сил. Он понимал: сейчас ему намного легче, чем прежде. Ведь раньше у него не было ничего, кроме безнадежной влюбленности в Гая. Сейчас же многое переменялось — главным образом, конечно, в их отношениях. И благодарить за эти перемены он должен «алмазы шаха». «Алмазы шаха» и свою уверенность в том, что он их возьмет.

Конечно, Гале об «алмазах шаха» он ничего не сказал. И никогда не скажет. Но она наверняка почувствовала, что-то незримое стоит сейчас за их отношениями. Наверное, именно поэтому ему сейчас легко думать о Гале. Ведь теперь каждый раз при мысли о ней он ощущает то, чего раньше не было и в помине: уверенность.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Рисунки Алексея Лебедева

россиянками, и не только в новейшей истории. Припоминаете? Средние века, Италия, город Верона...

Впрочем, все по порядку. Люди пожилого возраста хорошо помнят первое послевоенное десятилетие, когда на многих стройках страны работали тысячи немецких военнопленных и военных преступников. Они строили заводы, возводили жилье, клубы, рубили камень в карьерах и руду в шахтах. Кстати, строили добротнo и качественно. До сих пор архитектурный облик некоторых наших городов определяют именно «немецкие» постройки.

В первоуральских лагерных отделениях № 3 и № 7 немцы тоже в основном строили. Жизнь их текла по накатанному гулаговским рельсам — подъем, развод на работы, отбой. Правда, режим для бывших солдат и офицеров вермахта особой жестокостью не отличался. С питанием активно помогал Международный Красный Крест, иные «зэки» до двадцати посылок в месяц получали. Серые будни перемежались маленькими радостями — а немцы умели сделать настоящий праздник из рядовых именин друга или какой-нибудь круглой даты. На этот случай пеклись торты, устраивалась самодеятельность, а наиболее привилегированные запасались через охрану водкой. Пили, однако, культурно — исключительно чтобы настроение поддерживать. На концерты приглашали и лагерную администрацию: следователей, медперсонал, завхозов, бригадиров.

Но фельдшер Мария Рапопорт не жаловала подобные мероприятия — не потому, что насмотрелась на контингент пленных с войны, с Первого Прибалтийского, где служила медиком в лагере для пленных. Просто всегда находились неотложные дела в лазарете, а если выпадали свободные от дежурства часы — спешила к дочерям. Их было трое: Альбина, Людмила и Эмма.

..Недавно мне удалось в архивах областного суда наружить покорбившуюся от пересушенного воздуха хранилища папку с уголовным делом № 18, заведенным по факту убийства лагерной фельдшерницы Марии Рапопорт старшим зоны № 7 Каасом Вилли Мартином, 1919 года рождения, бывшим унтерштурмфюрером СС дивизии «Райх». И вот тогда-то, зарывшись с головой в трехсотстраничный том, я понял, что речь идет не о рядовой связи стареющей русской женщины с немцем-красавцем (таких случаев старожилы вам вспомнят предостаточно), а о неизмеримо большем — о настоящей большой любви, переросшей в страсть и приведшей обоих — Марию и Вилли — в тупик.

Итак, дело № 18. Из постановления об изъятии документов из личного дела М. А. Рапопорт: «14 марта 1955 года начальник особой инспекции отдела кадров УМВД подполковник Зыков, рассмотрев уголовное дело по обвинению Каас В. М., нашел:

17 января 1955 года в лагерном отделении № 7 совершено убийство сотрудницы лагеря фельдшерницы Рапопорт Марии Александровны...»

Что же произошло вечером 17 января? В этот день Мария дежурила по санчасти, но вечером муж, служивший в этом же лагере старшим следователем, дождался ее с работы так и не смог. Около полуночи в окно поступил вестовой: срочно в зону — ранен, весь в крови старший зоны Каас. А в это время в лагерной каптерке на кровати нашли мертвую Марию Рапопорт. Вены на левой руке были перерезаны, на груди — четыре колотые раны.

Об особом характере отношений Вилли и Марии в лагере стали поговаривать еще с осени 1954-го, когда отбывавший традиционный для того времени двадцатипятилетний срок Каас вышел из лазарета. Там, по-видимому, он и познакомился с Марией. А в лагерь Каас прибыл незадолго до этого — в феврале 1954 года, из Сталинграда. И сразу был назначен на должность старшего зоны — должность довольно значительную, позволявшую иметь негласный штат собственной obsługi. Начальник лагерного отделения старший лейтенант Груднистый так характеризовал подопечного: «К обязанностям относится добросовестно, распоряжения выполняет своевременно, нарушений режима не допускает». Внешность у бывшего эсэсовца была типично арийская: тонкий нос,

МАРИЯ

Геннадий ГРИГОРЬЕВ

Несколько раз невольно ловил себя на мысли: с этой историей я знаком. Слышал или читал. Потом вспомнил: и смотрел тоже. Фильм «Салют, Мария!». Сюжет действительно похожий: русская женщина полюбила солдата вражеской армии, и ничем, кроме трагедии, это кончиться не могло. И это странное совпадение имен — Мария...

Но не в имени тут дело. И даже, осмелюсь утверждать, предвидя возмущенные письма читателей старшего поколения (они уже есть после первой публикации в местной первоуральской газете), не в исключительных обстоятельствах происшедшего. Так уже было. И не только с

волевой подбородок, темно-русые волосы. Осужден в 1948 году ростовским трибуналом за «личное участие в зверствах над советскими гражданами в 1941—42 годах в Смоленске, выразившихся в угоне скота у мирных жителей и участии в расстреле пятерых евреев».

Помощник каперщика Циглер: «В лагере распространялся слух о близости между ними, но мало кто в это верил».

Каперщик Мюнхау: «После выхода из лазарета Каас был возбужден, плохо исполнял свою должность». Значит, были основания для слухов, коли в лагере иные почти в открытую называли Марию «фрау Каас». Быть может, это льстило молодому еще старшему зоны Каасу, у которого дома оставались жена и ребенок.

Да, скорее всего, именно с лазарета завязались отношения между тридцатипятилетним вчерашним гитлеров-

дела. Для меня они — прежде всего документы не юридической и не политической нашей истории, но — документы истории редчайшей чистоты человеческих чувств, которая творится независимо от войн или перестановок в правительствах и которую людям знать, может быть, не менее важно, чем даты битв и дворцовых переворотов. Вот почему, прочитав эти письма запоем, от начала до конца, я решаюсь процитировать их читателю.

Каждое пятое слово в посланиях немца «люблю», «хорошая моя», «кляйне фрау», «навсегда». Писал Вилли Каас по-русски. Цитирую, сохраняя стиль:

«Моя любимая, хорошая Жена. Голубчик мой... Мария, ты для меня все... Если ты не будешь моя жена за все время, я тогда не хочу один минуты жить».

«Уже 1.35 ночи, я не могу уснуть. Я твой, твой, сильно я тебя люблю. Хочу, чтобы была навсегда моя... Я тебе

цем и медичкой из советского исправительно-трудового учреждения. Те самые отношения, которые в следствии будут фигурировать как «преступные». Что это было — бунт почти сорокалетней женщины против нелюбимого мужа? Стремление красивого немца внести разнообразие в черные лагерные будни? Ответить на эти вопросы утвердительно было бы проще всего, если бы не осталось после смерти Марии и осуждения Вилли десятков писем — единственных свидетелей их взаимной и короткой любви.

В них — в этих листках — они называли себя Мужем и Женой. Именно так — с большой буквы.

Читать чужие письма, не спросив авторов, — плохо, тем более — такие. Я не знаю, испытывал ли при этом неловкость следователь, изрисовавший красным карандашом вырванные из школьной тетради листки, подчеркивая важную для следствия мысль, фразу. Но я знаю, что нам, в отличие от него, спросить разрешения Марии и Вилли не удастся; а также — то, что даже «обработав» и подшив письма вместе с другими документами, следователю не удалось превратить их в сухие формальные единицы

уже сказал, что за свою жизнь я первый раз так сильно люблю... Я хочу тебя, хочу быть с тобой, хочу тебя любить, от всего сердца мне хочется быть твоим навсегда...»

«Моя дорогая любимая Мария! Уже более сутки я свою жизнь не видел, не поцеловал, не обнял, что ты делаешь Мария без твоего Мужа... Любовь наш открыл мне глаза и я только чувствую тебя и я не как не хочу тебя отпускать. Я не хочу тебя обидеть Мария. Только с тобой я могу быть хорошим. Никогда тебя не изменю, не забуду. Твой хороший Муж, твой Вилли».

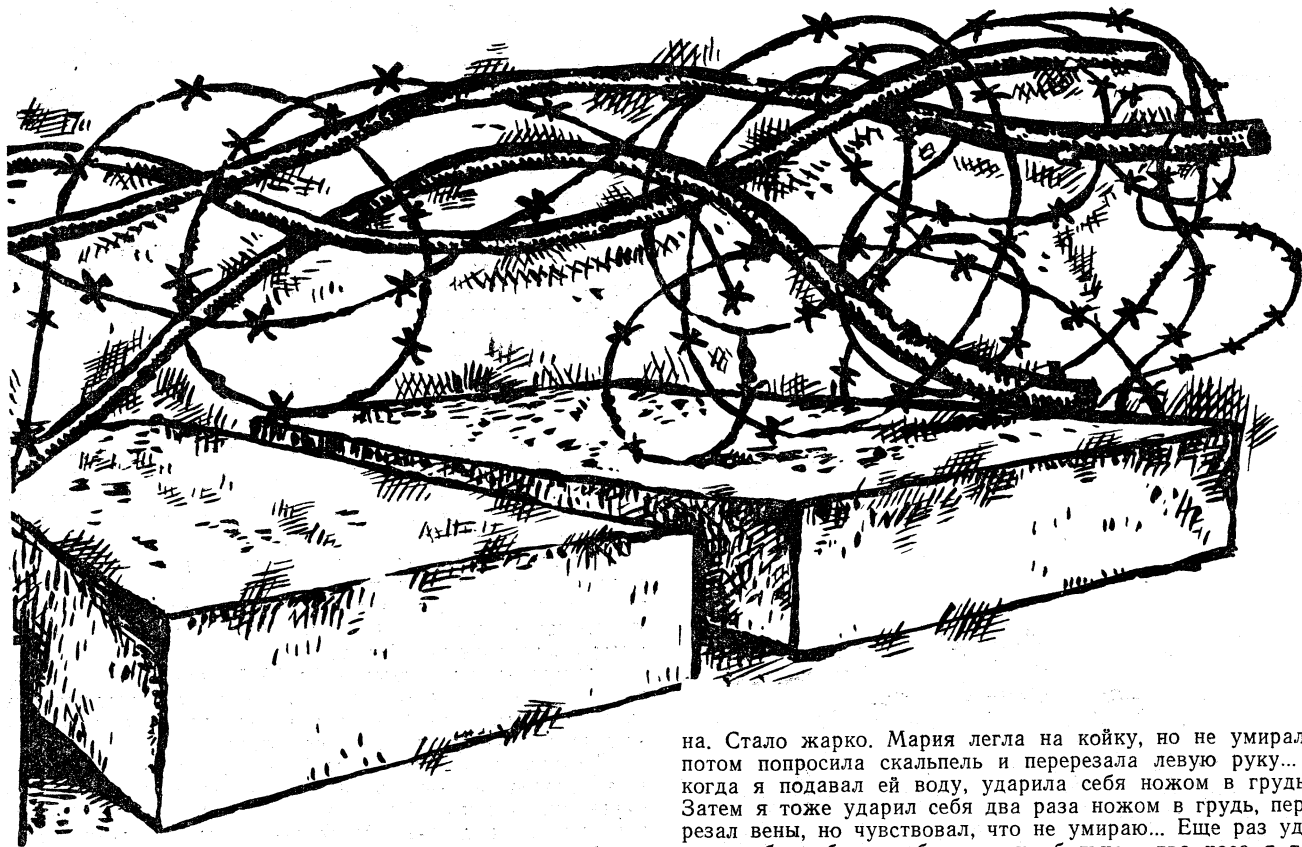
В том же духе отвечала ему и Мария. Есть, безусловно, что-то надрывное в ее письмах, какая-то неестественная жертвенность. Исходило ли это от книг, черпалось ли из романтических фильмов того времени или в этом была ее натура? Ответить на этот вопрос сейчас уже невозможно. Она тоже образчик своей эпохи. Калининская ткачиха, позже трудилась пионервожатой в школе. Затем случай забросил Марию Фенько (девичья фамилия) на север, в Игарский авиаотряд метеорологом. Вскоре началась война, которую Мария заканчивает воен-

фельдшером Первого Прибалтийского фронта, как уже говорилось — лагерей для пленных гитлеровцев. Там, на фронте, в Шяуляе, она встретила капитана-фронтовика Исаака Рапопорта, в сорок пятом вышла за него замуж. И вот — Первоуральск, монотонное фельдшерство лаготделения, изо дня в день медкомиссии, разводы на работу, обходы. Собственно, особо серьезного дела-то не было, основную нагрузку несли врачи из числа военнопленных.

Из служебной характеристики Марии Рапопорт 1945 года: «В практической работе показала себя исключительно с положительной стороны, хорошо знает специальность». А в служебной аттестации 1952 года говорится,

чувство. В декабре — январе я боролся с собой, не зная, что предпринять, поддавался ее желанию, уговаривал ее, потом соглашался с ней, но сам не мог окончательно решить».

«Мария говорила, что без меня не хочет жить, с мужем — не может... Я сказал, что хочу умереть вместе с ней, она уцепилась за эту мысль и больше от нее не отступала. 7 или 8 января она назвала конкретную дату самоубийства, ...11-го или 12-го передала скальпель и яд, кинжал я сделал в лагерной кузнице... В каптерке 17-го января мы растворили в шампанском люминал и веронал. Она выпила стакан с четвертью, я — три четверти стака-

что «Мария Александровна Рапопорт является исполнительным, аккуратным и инициативным работником. С интересом относится к исполнению своих обязанностей. Нарушений по службе не имеет. Идеино-политический уровень повышает, занимаясь в кружке по изучению краткого курса Истории ВКП(б) с привлечением первоисточников с хорошей усвояемостью. В быту скромна, морально выдержана. Умеет хранить военную и государственную тайну».

Казалось бы, жизнь сделала все, чтобы развести эти две трагические фигуры по противоположным полюсам. Но она же и столкнула Вилли с Марией в лагерном лазарете. Развязка наступила в начале 1955 года, ставшего и последним годом пребывания немецких военных преступников на советской земле. Не за горами была амнистия...

Из показаний подследственного Каас В. М.:

«Рапопорт я полюбил как женщину, она понимала наше положение, сочувствовала осужденным... о самоубийстве первой заговорила она. Я согласился, чтобы доказать свое

на. Стало жарко. Мария легла на койку, но не умирала, потом попросила скальпель и перерезала левую руку... а когда я подавал ей воду, ударила себя ножом в грудь... Затем я тоже ударил себя два раза ножом в грудь, перерезал вены, но чувствовал, что не умираю... Еще раз ударить себя побоялся, было очень больно... два часа я так мучился, потом пошел в санчасть...».

Из показаний Г. Нидерера, бывшего санитаря лазарета: «17 января, примерно в подвешенном состоянии, в нашу комнату весь в крови вошел Каас и обратился к врачу Боргарду: «Пауль, дай мне умереть! Почему я не могу умереть?» Мы подумали, что он пострадал в драке. Каас отказывался от помощи, возбужденно требовал, чтобы ему дали покончить с собой».

На три месяца растянулось следствие. Одиннадцать раз вызывали на допросы обвиняемого. Показания его путаны, противоречивы. Если сначала он утверждал, что Мария сама четыре раза ударила себя ножом, то после медицинской экспертизы признался: да, смертельные удары кинжалом нанес Марии он. Нанес, выполняя ее же волю.

Из письма М. Рапопорт Вилли Каасу:

«Вилли, милый мой, родной! Я вся твоя и если надо — я готова. Я уже сегодня одела все чистое белье... Там должна быть миска с водой (в воде кровь быстрее выстужается). Хватит ли у тебя мужества вскрыть вены обоим?.. Только бы не помешали!».

Я борюсь с искушением начать отвечать на ехидные вопросы: «а был ли мальчик?», ставил ли немец своей целью самоубийство или просто хотел избавиться от надоевшей любовницы? Но я сознательно выпускаю этот момент из своего повествования не только потому, что не хочется уподобляться следователю образца 1955 года, без конца повторявшему: «Каас, так почему все же вы остались живы?». Просто сейчас никто уже не сможет сказать, как оно было в действительности. Что ж, Бог судья тому Каасу, вымотанному четырехлетней войной, которую он прошел от начала до конца, потом десятилетием плена. Да и все одиннадцать допросов не проливают на это свет. Следователи особо не пытались копаться в эмоциях несостоявшегося ээка-самоубийцы. Вердикт был предначертан заранее еще исходя из того, что перед ними сидел фашист, пусть вчерашний — но фашист все равно. И этого было достаточно для признания за ним очередной вины. Точно так же было достаточно сразу после войны армейским трибуналом определять в «военные преступники» немецких солдат и офицеров в соответствии с указом Президиума Верховного Совета от 19 апреля 1943 года просто за принадлежность к войскам СС.

Еще раз очень боюсь быть непонятым соотечественниками, для которых слова «СС» и «убийца» — синонимы. Но ведь в жизни все было не столь однозначно. Рядом воевали садисты по убеждению и рядовые исполнители приказов, черную форму носили палачи и солдаты фронтовых подразделений, чья вина и преступление заключаются лишь в принадлежности к тому или иному роду войск. И эту ситуацию, видимо, хорошо понимала фронтовичка Мария.

Сам же старший зоны почти не скрывал своих взглядов. Военными преступниками он считал не заключенных лагунка, а самих энкавэдэшников, что, безусловно, не лучшим образом повлияло на ход следствия.

Следователь: «Как понять вашу фразу: «Сами вы военные преступники и пытаетесь спрятаться за нами. Время придет, и другие рассчитаются с вами?»

Вилли Каас: «Эти слова адресованы всем тем, кто осудил нас, кто содержит в лагере, заставляет работать, по чьей вине мы умираем от голода и мороза».

Все это нашло отражение в обвинительном заключении: «Каас, не изменив фашистской идеологии... питая ненависть к Советскому Союзу и мстя за осуждение, преследуя цель обелить себя перед теми, кто определял его взгляды — путем обдуманных действий довел Рапопорт М. А. до морального падения и убил ее».

Пусть он был неправ или — не вполне прав. Но только ли патологическая ненависть ко всему советскому, точнее — сталинскому, двигала немцем? Конечно, нет, дело в другом. И об этом начальник особой инспекции подполковник Зыков сказал права не имел. О причине трагедии — той самой любви, что случается лишь раз, и от которой сгорают, как в высоковольтной дуге, немногие способные на это люди.

В. Каас: «Встреча с Марией для меня сначала была развлечением, потом мы привязались друг к другу, полюбили».

Но лично мне кажется, что в сложившемся дуэте Вилли — Мария первую скрипку играла все же женщина. И если Каас мог колебаться, сомневаться, то для Марии один раз решенное становится аксиомой. Если любовь — значит надо быть вместе. Если это невозможно — нужно умереть. И остановить ее не смог бы уже никто — ни муж, ни дети, ни даже Вилли. Она боялась одного — остаться живой, попасть в руки «своих».

Вот что она написала перед самой смертью мужу: «Саша! Прости меня за все. Не суди обо мне строго... Вилли я любила всей своей душой, всем сердцем... Он умный, хороший, честный человек... За работой ты просмотрел свою жену, и в этом виноват ты сам».

С завидной пунктуальностью она описывает все, что надлежит сделать мужу после ее смерти, вплоть до того,

кому отбить телеграммы и как распорядиться ее часами. Очень похожи их с Вилли предсмертные письма. Тот тоже дает подробные педантичные указания насчет своего нехитрого имущества. И сразу же, почти без перехода, прорывается крик к друзьям, среди которых старший зоны Каас был так одинок, его, по собственному признанию, немецкоязычные ээки упрекали, что он требует от них даже большего, чем русские офицеры.

«Дорогие товарищи! Я хотел бы сегодня всем пожелать большего счастья в жизни, чем было уготовано мне... Моя жизнь больше ничего не стоит. Вы были хорошие товарищи, но и вы не могли знать, что происходит во мне. Прошу сообщить моим родителям, что я с желанием ушел из жизни... Мои нервы совершенно разрушены. Я знал, что так покончу с собой... кто-то должен жертвовать собой... Живите все счастливо, оставайтесь здоровыми при переводе в другой лагерь, что произойдет еще весной, не теряйте хотя бы мужества. Я больше не могу».

26 апреля в здании областного суда состоялось заседание судебной коллегии, и немецкий преступник Каас В. М. получил еще десять лет исправительных лагерей. Мягкий по тому времени приговор за «умышленное убийство» — еще одно подтверждение того факта, что юристы ощущали зыбкость доводов, на которых строилось обвинительное заключение. Действительно, после того, как переворачивается последнюю страничку «Дела № 18», остается ощущение, что вопросов стало больше.

Похороны Марии Рапопорт прошли скромно и быстро. Народу пришло немного, большинство друзей так и не появилось. Одни обиделись на эпитеты, которыми она наградила их в предсмертной записке (а на черную краску в характеристике администрации лагеря, сотрудничавшей Мария не поспешила), другие не пришли из осторожности — не повредить бы этим своей карьере. Были и те, кто видел в покойнице только «немецкую подстилку», предательницу, изменившую чуть ли не идеалам социализма. Похоронили на городском кладбище, где и сейчас можно отыскать могилку, в которой лежит странная, никем не понятая русская женщина с именем, понятным на всех языках.

Лагерь после январских событий еще долго лихорадило. Народу уволен из МВД Исаак Рапопорт, начальник лагеря Груднистый едва не поплатился должностью за «потерю бдительности». Комиссия следовала за комиссией. Но, как это часто бывает, за последовавшими вскоре бурными событиями (амнистия и отъезд немцев на родину) инцидент стерся и был забыт. Ушел на запад эшелон с помилованными ээками, а на Урале остались опустевшие бараки, построенные немцами улицы, цеха заводов да разбросанные по не приметным местам кладбища. Сколько их умерло на чужбине — не знаю. МВД свято хранит эту «тайну» в своих архивах. В Первоуральске же, с трудом отыскав в лесной чащобе заросшие холмики, многие из которых были разрыты, я насчитал почти две сотни могил — безымянных, с подгнившими столбиками-надгробьями. А через дорогу белели капитальные гаражи, поставленные на месте захоронения других ээков — с русскими фамилиями, узниками гугаговского лагеря еще до военной поры...

Но это уже другая тема. Тогда же, бродя меж этих неухоженных столбиков и боясь наступить на человеческие кости, валяющиеся в траве, я поймал себя на том, что в голове назойливо крутится: «Нет повести печальнее на свете...»

Константин Пахомов:

ВЛЮБЛЕН В... СНЕГУРОЧКУ!

...И растаяла

(Из русской народной сказки)

Письма «на Пахомова»* шли в редакцию нескончаемой вереницей. Обрызганные «Подмосковными вечерами», с украсками-отпечатками на помаженных девичьих губ, разрыванные сплетенными фальшивопунцовыми сердечками... Они, письма, за малым исключением казались нам безотрадной бурлацкой компанией, которая тянула (через шели голубых почтовых ящиков, мимо завалов в отделе писем, к нам, на страницы журнала), волокла за со-

бой некий груз... Хотя, почему «некий»... Обещанное интервью, разумеется... И когда стал угадываться хвост почтовой волны, а за ней — контуры будущей беседы с Костей, нам стало понятно — тональность и глубина интервью уже задана. Задана вопросами, которые в большинстве своем выказывают интерес лишь к внешнему блеску-доску-шику эстрадной жизни и обитателей эстрады.

Да и ладно. Ведь и сам Костя не метит в пророки, в оракулы, в

спасителя душ девичьих. Своей работой, натуга которой и изнуряющее однообразие не видны из фанатеющей толпы, он лишь отвечает на незамысловатый запрос публики: «сделай нам красиво...» Такая, по неглубокой потребности красота мира, конечно, не спасет, но и худого, всего скорее, миру не сделает...

Итак, 18 августа 1991 года на твои вопросы, читатель, ответили Константин Пахомов и его продюсер Алексей Ляхов.

«Костя, в каком стиле ты будешь теперь работать? Прежний оставишь, или что-то изменишь?» Вера Дмитриева, Красноярск.

Костя Пахомов: — Какие-то изменения неизбежны. Но, в принципе, я по-прежнему придерживаюсь того направления, которое избрал с самого начала: веселого таинцеваляного стиля.

Алексей Ляхов: — Я немного добавлю. Изменения будут происходить в сторону «фирменности» стиля, «фирменности» аранжировок. То есть в сторону профессионализма. Мы пытаемся добиться хай-класса («хай», если помните, по-английски «высокий»). Ведь попсу можно делать, едва научившись нажимать на клавиши, а можно придать ей «фирменный» блеск, «фирменное» звучание. Но для этого музыканты должны иметь минимум высшее музыкальное образование, а не изображать из себя гопоту от эстрады.

«Константин, вы не собираетесь поступать в консерваторию?» Аня Лазарева, Ташкент.

К. П.: — Я уже учусь. В Московском институте культуры, на режиссерском факультете. Упреждая вопрос, почему не на эстрадном, отвечу так: самое слабое место в нашей эстраде — режиссура. Хороших режиссеров мало и в кино, и в видео. На эстраде же их вообще считанные единицы. Вот я и решил получить такую специальность, которая позволила бы мне ставить собственные программы, концерты, а не довольствоваться той халтурой, которую предлагают филармонии...

«Не все знают, почему целый год Костя не выступал с концертными программами. Не все знают, что почти годовая разлука с поклонниками была связана со съемками фильма. Что это за фильм?» Татьяна А., Ленинград*.

К. П.: — Действительно, мы возобновили работу на сцене лишь в мае 1991 года. А до этого я снимался в музыкальной молодежной картине «Влюбленный манекен» в роли главного героя. Фильм снят на киностудии имени Горького режиссером Виталием Макаровым. На роль героини была приглашена Аня Тихонова, дочь «Штирлица».

Вместо запланированных трех месяцев съемки растянулись на год. Но, думаю, картина в какой-то мере сможет компенсировать мое годовое молчание, ведь в ней звучат мои песни, одна старая — «Вечер зажигает огни», и две новые, написанные специально для кино.

* Анонс об этом интервью см. в «УС» № 3—90 и № 12—90. Количество писем, пришедших на наше предложение расспросить Пахомова, превысило две тысячи...

«Кто автор твоих песен?» Лена Бушмина, г. Невельск Сахалинской обл.

К. П.: — По-разному складывается... Какие-то песни пишу я. В той программе, что мы предложили Свердловску, было две таких авторских песни: «Лето» и «Сладкий сон»... Какие-то вещи делаются артельно. «Помни меня» мы написали вместе с моим басистом Игорем Козловым, причем содружество было настолько тесным, что сейчас и не разделить, где чей вклад — и в музыку, и в тексты... На этом же концерте мы работали, если помните, нашу новую песню «Вещий сон». Музыку написал Аркадий Укупник, а слова — Кирилл Кристошетский... В общем, ситуация, типичная для многих артистов...

«Пишет ли сейчас Сергей Кузнецов песни для тебя, или он уже не устраивает тебя как композитора?» Ирина Б., Томск.

К. П.: — Мне с С. Кузнецовым больше делать нечего. Сергей пишет, я бы сказал, «майские» песни, потому что его нынешняя «Мама» это тот же «Ласковый май», где мальчики-детдомовцы. Это один и тот же стиль — упрощенный поп. Из того возраста и из того стиля я уже вырос и больше трех лет к той компании не имею никакого отношения. Мы играем более серьезную музыку. Можете сходить на наши концерты и сравнить...

...Некоторые вещи познаются в сравнении. У нас в редакции есть кассета, на которой еще в 1988 году была записана беседа с Костей Пахомовым, начинающим солистом «ЛМ». Тогда это интервью мы не стали публиковать, оно показалось нам откровенно слабым. Сейчас же, думается, некоторые отрывки ИЗ СТАРЕНЬКОГО ИНТЕРВЬЮ придадут портрету эстрадного кумира дополнительные блики и тени, помогут понять, как человек становится самим собой.

— Костя, почему «ЛМ» так популярен?

— У нас очень простая музыка. Как сам Кузнецов говорит: «У нас все очень просто». Может быть, слушатели устали от сложной музыки, может быть, это причина популярности. А в основе нашей музыки лежит мелодия. Еще у Кузнецова интересные тексты. Они детские. Настоящие детские, что трудно поверить, что их пишет 24-летний композитор.

— Эти тексты отвечают твоим взглядам на жизнь?

— Может быть, и не совсем... Наверное, взгляд у меня сложнее.

«Кто обнаружил ваши способности?» Вера Крохалева, с. Аксеново Пермской обл.

К. П.: — Это не месторождение полезных ископаемых, чтобы их «обнаружить»... Если способности есть — они сами начинают проявляться. Если человек заметил в себе нечто, он сам начинает работать НАД этими способностями и С этими способностями.

«В одной из твоих песен («майских») есть такие слова: «...нужно, чтобы повезло в самый первый мой полет...» Как ты считаешь, твой первый полет был удачным (имею в виду «Ласковый май»)?» Лена Чувикова, д. Согра Архангельской обл.

К. П.: — Да, в «первом полете» мне повезло. И не только мне, но и всему «Ласковому маю», который стал суперпопулярным в течение буквально полугода.

«Костя! Мы с ребятами решили создать ансамбль «Переходный возраст». Нам сперва не давали помещения, но мы сходили к депутату и нас пристроили... У нас уже 11 текстов. Я буду в этой группе солистом. Костя, а как ты начинал свой путь в музыку? Что ты можешь нам посоветовать?» Станислав Стариков, г. Усть-Илимск Иркутской обл.

К. П.: — Все началось с обычного школьного ансамбля. Он даже названия не имел, просто ВИА, как это модно было тогда. Мы играли что угодно, начиная с «битлов» и кончая тогдашней современной музыкой. Я был вокалистом. Наверное, этот ансамбль мне кое-что дал. Потому что после 8 класса я смог устроиться на ставку в Оренбургскую филармонию и работал с известной группой «Альфа» (когда там был еще Сергей Сарычев). Одновременно учился в школе. Одновременно же рискнул для «первого полета» набрать высоту покруче — записал альбом в «Ласковом мае»...

«Я считаю, что люди похожи на звезды: есть небольшие и холодные — белые карлики, есть навряд нашего солнца, а есть гиганты и сверхгиганты. Кого из людей ты считаешь сверхгигантом?» Дима Панкратов, г. Качканар Свердловской обл.

К. П.: — Все люди одинаковы в этой жизни. Просто один человек хочет чего-то добиться — и начинает думать головой, работать. А кто-то в жизни просто оттягивается: отсидел в школе, телевизор посмотрел, выпил с кем-то, пошел на дискотеку... Сверхгигантов от рождения нет. Сверхгигантом может стать любой человек, умеющий работать, желающий думать...

А. Л.: — Способности есть в каждом человеке. Просто некоторые не хотят их в себе искать. Хлопотно... А некоторые ищут, находят и ставят жизненной целью эти способности, таланты полностью исчерпать. А совет один, и он до банального прост: работать.

«Костя, судя по ответам Юры Шатунова «Уральско-му следопыту» (№ 5—91), у него не очень лестное мнение о нашем поколении. А у тебя?» Света Тренина, Свердловск.

К. П.: — Какая у нас общественная ситуация — такая и молодежь. Из тинейджеров мне неприятны хамы. Но это было, есть и будет, и от особенностей нашего времени не зависит. Наше общество всегда славилось хамами...

«У вас не бывает такого, что ваши сверстники вас не понимают и подсмеиваются над вашей «ученостью»? Понимал ли вас Шатунов? Какие у вас сейчас отношения с ним?» Н. Курунина, п. Баз-Сызгань Ульяновской обл.

К. П.: — Отношений с участниками «ЛМ» у меня нет никаких. Уже три года. И, видимо, не будет. Ну а тем, кого не понимают сверстники, я могу дать единственный совет: на насмешки не обращать внимания и делать то, что считаешь нужным.

ИЗ СТАРЕНЬКОГО ИНТЕРВЬЮ:

— С Юрой Шатуновым нормальные отношения? Никакой ревности? Никакого дедежа?

— Нет. И не должно быть этого. Если б у него был такой голос, как у меня. А у нас голоса совершенно разные. У него выше... Так что мы не конкуренты.

«В передаче «50/50» М. Сухомлинов сказал, что закапывает деньги. Ты не мог бы назвать это место?» Ира Кушнерова, Гомель.

К. П.: — Я не смогу ни места этого назвать, ни что-то сказать о Сухомлинове и «ЛМ», потому что, опять повто-

рюсь, я уже три года не работаю с этой группой и предпочитаю ничего ни хорошего, ни плохого о них не говорить.

А. Л.: — А мы закапываем деньги на Красной площади...

«Как бы вы поступили, если б случайно увидели, как группа хулиганов избивает А. Разина?» Оксана, г. Набережные Челны Татарской АССР*.

К. П. (после продолжительного веселья): — Леш, как бы мы поступили? Хор-роший вопрос!..

А. Л. (после продолжительного веселья): — Я бы поблагодарил Оксану за такой вопрос. Я думаю, мы попытались бы приостановить драку. Избиение любого человека — плохо. Независимо от того, кто это — Андрей Разин или просто Вася какой-нибудь.

К. П.: — Я тоже хочу поблагодарить Оксану за вопрос. Очень хороший вопрос. Сильный.

(МЫ ТОЖЕ БЛАГОДАРИМ ОКСАНУ И ВЫСЫЛАЕМ ЕЙ ФОТО ПАХОМОВА С АВТОГРАФОМ, ФАМИЛИИ ДРУГИХ ПОБЕДИТЕЛЕЙ В КОНКУРСЕ НА ЛУЧШЕЕ ПИСЬМО ОТМЕЧЕНЫ В ТЕКСТЕ ЗВЕЗДОЧКАМИ... ИМ ТАКЖЕ ОТПРАВЛЕНО ФОТО КОСТИ С ЕГО ПОДПИСЬЮ.)

«Твое отношение к книге Разина «Зима в стране «Ласкового мая». Ольга Ш., Мурманск.

К. П.: — Книгу Разина я видел, но не читал. Можно ее почитать. Но я не думаю, что он там сказал что-то выдающееся. Обычные разглагольствования о «ЛМ» и, как мне сказали, половина книги — это газетные перепечатки.

А. Л.: — Это обычный бизнес. Андрей понимает, что «ЛМ» уходит в небытие, и на последнем вздохе группы он пытается сделать деньги.

«Везде, где я пытаюсь достать твои новые записи, мне говорят, что есть только запись К. Пахомова под названием «Ласковый май-9». Выходит, я должен довольствоваться этим девятым концертом? Других-то альбомов нет?» Ирина Согонова, г. В. Уфалей Челябинской обл.

К. П.: — У меня записано три альбома. Первый — еще в 87—88 году. Это «Ласковый май-2». Второй, который знает большинство моих слушателей, называется «Пахомов-89» (или, как ты говоришь, «ЛМ-9»). Третий альбом — «Пахомов-91» — в тираж не пошел. Мы стали более требовательны к себе и считаем, что некоторые вещи в нем уже не соответствуют хай-классу. А то из альбома, что на наш взгляд получилось, мы все равно решили прежде прокатать в сольных концертах. Посмотреть, как будет реагировать публика, и окончательно определиться, оставлять ли эти песни в репертуаре или нет. Точно так же на зрительях мы обкатываем и совершенно новые песни, и из десяти в репертуаре остается обычно одна-две. Станем ли мы сводить новинки в цельный альбом — не знаю... К идее магнитоальбомов в их чистом отечественном понимании я отношусь уже, пожалуй, скептически. У каждого артиста должен быть просто багаж песен, выверенных по реакции зрительных залов, — и вот эти-то песни должны составлять не магнитоальбом, а пластинку...

«Обнаружила, что меня волнуют 33 вопроса... 19. Есть ли у вас студия для записи?» Анна Лазарева, Ташкент.

К. П.: — Сейчас мы работаем на студии «Гала». Подробнее Леша, наверное, расскажет...

А. Л.: — «Гала» — это большой музыкальный концерт, где делают все — снимают клипы, выпускают пластинки, занимаются продюсерством... Техническое оборудование там на высшем уровне. Наши отношения со студией контрактны. Ни они, ни мы не имеем права выйти за рамки этого контракта. Поэтому работать с «Галой» легко и приятно.

«Как-то в одной передаче вы сказали, что хватит петь о любви, пора переходить к более серьезным песням. Что это за «более серьезные песни»? Татьяна Федянина, Волгоград.

К. П.: — Интересно, в какой передаче я мог это сказать? Вот бы услышать!

А. Л.: — Костя, ты, может, сказал: «Хватит петь вообще о любви, буду петь о серьезной любви?»

«Любишь ли ты, когда публика под твои слова — «бросали мы в волну блестящие монеты» — начинает кидать на сцену копейки? Часто ли это бывает или только в нашем городе?» Светлана Б., Уссурийск.

К. П.: — Иногда и в других городах случается, в тех, где обнаруживаются люди, которые понимают слова песен буквально. Не хотел бы я перед такими буквалистами исполнить что-то типа: «Убей меня, хорошая...» Люблю ли я, когда на сцену летят монеты? Если б только монеты, — а то ведь и металлические рубли летят. Да с такой скоростью, что едва успеваешь защитить глаза...

А. Л.: — А я хочу попросить, уж если швыряете деньги, то швыряйте золотые старинные монеты. Или бумажные купюры, — а чтобы они не разлетались, свертывайте их плотнее и побольше, — и прямо на сцену, там у нас техники, они подберут...

«Слушая твои песни, я заметила, что ты в основном поешь об ушедшем лете и несчастной любви. Это случайно или как-то связано с твоей судьбой?» Елена Павлюченко, г. Саянск Иркутской обл.

К. П.: — Совершенно случайное совпадение. Если прослушать все наши песни — наткнетесь и на счастливую любовь...

«Ты поешь о юноше и девушке, которые все время расстаются. Ты не собираешься их сблизить?» Оксана Барнаул.

К. П.: — Поживем — увидим... Может, и сблизим... А пока наших новых текстов выдавать не будем — это секрет.

«Пермский бард Г. Перевалов спел: «Наше предназначение в этой жизни — печаль...» Согласен с этим?» Светлана Заморина, Пермь.

К. П.: — Нет, не согласен. Сама жизнь — это радость. Выражение «радость жизни» даже стало штампом, но ведь не случайно... Сlišком многие об этом говорили, потому что сама жизнь подталкивала к такому выводу. К сожалению, миллионы людей начинают оценивать жизнь как Радость слишком поздно, под старость, или когда выходят из какой-то кризисной ситуации — болезни, угрозы гибели. А насколько ярче, радостнее, цветнее жизнь, если ее научился любить с молодости, когда есть и силенка, и здоровье...

«Что ты предпочитаешь из классики, и отражается ли это на тебе?» Владимир Белоусов, г. Белгород.

К. П.: — Предпочитаю органную музыку. Баха. После нее чувствую себя абсолютно спокойным. Кроме того, эта музыка дает мне новые толчки к творчеству, как, впрочем, и всем музыкантам, рок- и поп-. В принципе, все западные эстрадники в начале своего творчества слушали Баха.

ИЗ СТАРЕНЬКОГО ИНТЕРВЬЮ:

— Какая музыка тебе нравится больше всего?

К. П.: — Диска. Конкретные исполнители — «Модерн Токинг», «Св. Ся Кэтя», Крисс Норман. «Битлов» люблю. Из отечественных групп интересен «Черный кофе». Ну и из классики кое-что нравится.

«Ты спел всего пять песен, и это за весь концерт... Не считаешь фальшиво подобные концерты?» Светлана Г., Уссурийск Приморского края.

К. П.: — За весь концерт... Смотря какой концерт. На гала-концертах (например, на представлении «Звуковая дорожка») каждому артисту дается определенная квота, определенное время, допустим, 20 минут. Пять песен укладывается в это время — пять песен прозвучит... Если одну песню на 20 минут сделать, длинную, — значит, придется одной ограничиваться... А солильные концерты мы обычно работаем часа полтора — два.

«Способны ли вы давать концерты в маленьких городках, не собрав при этом крупные деньги, но подарив людям радость?» Э. Г., г. Инта Коми АССР.

А. Л.: — Мы можем давать концерты где угодно и для кого угодно. Ни количество зрителей, ни размеры сборов не имеют значения. Но дело в том, что Советский Союз — огромная страна. Для того, чтобы объехать только крупные города, нужно несколько лет. А если захватывать еще и мелкие — наверное, жизни не хватит. В последнее время стали мудро поступать филармонии: они организуют концерты на больших площадках в областных центрах, а из маленьких районных городов народ привозят на автобусах. Так что те люди из маленьких городов, которые хотят нас видеть и слышать, пусть следят за рекламой, обращаются к своим местным властям и требуют, чтобы на концерты устраивались коллективные выезды... А в некоторые городки мы выбираемся сами. Последним таким городком стал Камышов.

«Случайно ли ты держишь шнур от микрофона в форме скрипичного ключа?» Ален Гулеша, г. Капустин Яр *.

К. П.: — Это не скрипичный ключ, а обычная страховочная петля, чтобы штеккер не выскочил из микрофона. Это чисто профессиональные вещи, которые не всем понятны. Но образ красивый...

«Когда ты был солистом «ЛМ», тебя видели в белой футболке (с рисунком), черной кожаной куртке и в штанах с лампасами, в белых кроссовках фирмы «Адидас». Сейчас ты надеваешь желтую майку, белые брюки (кроссовки — те же). Это намек, что ты к «ЛМ» не относишься, что сам по себе?» Тая А., г. В. Уфалей Челябинской обл.

— Смешной вопрос. Какие намеки можно высмотреть в сценическом костюме? Если Алла Борисовна вышла, допустим, в короткой юбке — это что, намек на то, что она перешла к более легкомысленным песням? Мой костюм всего-навсего связан с моим стилем и за рамки этого стиля, танцевального, не выходит.

А. Л.: — Могу добавить, что в гала-концертах костюм один. В солидных же Костя переодевается по несколько раз. Там все подобрано под те песни, которые работают в определенном блоке. А еще костюм должен быть удобен для сцены, должен быть достаточно ярким.

«Тебя один день фотографировали? Как ни посмотришь, ты везде в спортивных штанах, в белой майке и черной куртке. Или одеть больше нечего?» Ирина Соколова, г. В. Уфалей Челябинской обл.

К. П.: — Будьте спокойны, одеть есть что.

А. Л.: — Нет, пожалуйста... Если у кого-то есть суперхорошие вещи, фирменные, — присылайте. Желательно новые, из магазина. И — ящиками, ящиками...

«Перед выходом на сцену ты пользуешься косметикой?» Марина Докучаева, г. Талица Свердловской обл.

К. П.: — Под словом косметика, наверное, подразумевается грим. Грим необходим при телесъемке. Иначе лицо на экране будет бледным, как простыня. Во время теле- и киносъемок я большей частью пользуюсь французским гримом. В основном это «ЛАНКОМ».

«Почему у тебя грустные глаза? Даже тогда, когда ты улыбаешься?» Юнона Любимова, г. Воткинск Удмуртской АССР.

К. П.: — Я себя со стороны не вижу. Лещ, у меня грустные глаза?

А. Л.: — У него хитрые глаза! Даже когда он улыбается!

«Представь, что на концерте, в середине куплета, тебе вдруг неударжимо захотелось чихнуть. Твои действия?» Галина Григорьева, п. Михайловка Иркутской обл.

К. П.: — На сцене таких ситуаций не может быть. Артист настраивается на работу и полностью ею поглощен. А все бытовое, житейское остается за кулисами.

«Как ты относишься к тому, что на тебя смотрят в бинокль?» И. Лозикова, Уфа.

К. П.: — Бинокли используют на стадионах, где артиста не видно, где бегают по сцене маленькая фигурка, а кто это — только в бинокль и разглядишь...

А. Л.: — Смотрите во что угодно, в бинокль, в подзорную трубу, только... не в оптический прицел.

«Константин» — значит «твердый», «постоянный». Обладаешь ли ты этими качествами?» Максим Зуев, г. Качанар Свердловской обл.

К. П.: — Наверное, со стороны виднее...

А. Л.: — Да, он «твердый» и «постоянный». У нас из-за этого иногда возникают рабочие трения, потому что я тоже «твердый» и «постоянный». Но изначально мы договорились, что рабочие споры не будут переходить определенных рамок...

«Сможешь без отдыха сделать 85 отжиманий?» София Боборева, Челябинск.

К. П.: — Смогу. Спортом я раньше занимался серьезно. Дзюдо. Это до сих пор помогает держать форму, хотя теперь спортом занимаюсь только для себя.

«Действует ли на тебя Кашпировский?» Зоя Блохина, Кострома.

К. П.: — Не знаю. Я не слушал Кашпировского. Нельзя сказать, что принципиально. Просто нет времени — его так мало, что драгоценные минуты не убиваешь сидением перед телевизором, стараешься заняться чем-то более существенным.

«Ты веришь в загробную жизнь?» Татьяна Вешкурцева, с. Беркут Тюменской обл.

К. П.: — Да, верю. Это реально. Я знаком с несколькими экстрасенсами, могу сказать прямо — лучшими в нашей стране. С ними я общался длительное время, и они мне очень много рассказали про потусторонний мир. Я не хочу подробно останавливаться на этом вопросе, потому что существует обширная литература на эту тему. Почитайте хотя бы Р. Моуди «Жизнь после жизни». Там вся аргументация...

«Оказывает ли на тебя влияние «чертова дюжина»?» Марина Давыдова, г. Чебоксары.

К. П.: — Я родился 13 января — и этим все сказано... «Твоя любимая книга?» Ольга Галкина, п. Каншфольный Красноярского края.

К. П.: — «Декамерон» Боккаччо. Почему? А вы почитайте... Я же от комментариев воздержусь.

ИЗ СТАРЕНЬКОГО ИНТЕРВЬЮ:

— Что читаешь, Костя?

— Булгакова, Рыбакова. Классику, естественно...

«Твой любимый сказочный герой?» Лена З., Москва.

К. П. и А. Л. (хором): — Сне-гу-роч-ка... (продолжительное веселье).

...Пока подростковый кумир смеется, мы сделаем маленькое отступление. Последний ответ остро напомнил нам то невеселое ощущение, которое появилось после знакомства с «фанатской» почтой. Уже на первой сотне писем показалось, что из каждого вновь вскрытого конверта струится легкий шарообразный дымок. Сродни тому, что поднимался однажды над сказочной поляной, над костром, через который сиганула доверчивая Снегурочка.

Таут поклонницы-девочки-фанатки, таут... Безоглядливо позволяют заманить себя в горяче-кипящее перекрестие эстрадных проекторов. И «плывут»...

«Костенька! Ты такой прелестный. Я тебя люблю с самого первого момента, когда увидела в первый раз. Ты был в синих штанах с лампасами и черной куртке. Я была потрясена. Эти светлые волосы, черные брови, красивенькие губки, маленький аккуратенький носик просто свели меня с ума. Я просто не выдерживаю и реву, когда слушаю тебя...»

Таут поклонницы...

«Мне кажется, от твоих песен исходит какое-то неведомое тепло...»

Таут девочки...

«Подружки мне сказали: «Ты влюбилась в Пахомова!» Я ужасно обиделась на них, на их вечно «Лена+Костя=Любовь». И начала всем хамить — и учителям, и подругам, и родителям. Моя и Костина любовь немного прекратила свой пыл. Все лето я отдыхала от любви, копила силы для новых хамств и надеялась, что все увидят: прекратилась моя любовь к Косте как к парню и начинается как к певцу. Но напрасно! Любовь к певцу мне надоела. Я начала собирать Костины фото, потом сделала альбом, — сейчас смотрю и представляю, что каждую фотографию Костя выслал мне сам. А мои подруги продолжают издеваться надо мной и даже спрашивают, у вас с ним детей-то еще нет?»

Таут фанатки... Кап-кап-кап... И на что-то надеются.

«Я хочу за тебя замуж! Что ты мне на это ответишь?»

Таня А., Челябинская обл.

К. П.: — Ничем не могу помочь.

«Ты своими песнями даришь беспечное веселье девчонкам. Но приносят ли они тебе радость? Наташа Осокина, Краснодар.

К. П.: — Перед свердловскими концертами мы были в Камышловле и Ирбите, проехались с фестивалем по Свердловской области, и там девушки приносили не радость, а только утомление. Когда под окнами собирается толпа, и начинается оккупация гостиницы и песнопение хором — это утомляет. Что они пели? Да весь мой репертуар...

«Читала я о так называемой группе «секс-поддержки музыкантов». Они снимают стрессы и т. д. Сталкивались ли ты с этим и как к этому относишься?» Оксана Ф., п. Северный Московской обл.

А. Л.: — Нет, мы с этим не сталкивались. Секс-поддержка, хм... интересно. Хотелось бы узнать, что это. Если есть такая организованная группа — давайте приезжайте — установим контакт, подискутируем на эту тему...

«Пацаны, каков ваш идеал отдыха? У меня, например, пустынный пляж. Если у кого-нибудь из вас тоже, то это здорово. Я не буду сидеть на песке одна и смотреть на розовый закат под тихий всплеск волн...» Светлана О., Удмуртская АССР.

К. П.: — На пустынный пляж мы бы сходили с огромным удовольствием. Да хоть и не на пустынный... Про море я уже молчу, хоть бы на какую речушку выбраться...

«Нравится ли тебе давать интервью?» Рита Тоболкина, г. Осинники Кемеровской обл.

К. П.: — Нет.

А. Л.: — Интервью, данное «Уральскому следопыту», — это заслуга журнала, корреспондент которого почти два года готовил эту беседу. Поэтому мы откликнулись на просьбу «следопытов» и более полно ответили на все вопросы.

Поблагодарив тех ребят, которые прислали письма нестандартные, интересные, без вклинов и ахов, полные достоинства и уважения не только к начинающему артисту, но и к себе (как это важно!) — мы хотим вновь вернуться к «Снегурочке». Вариантов этой сказки несколько. И не везде дочь суровой снежной страны очертя голову бросается в пламя костра. В том варианте сказки, что записал В. И. Даль, со Снегурочкой тоже происходит приключение. Но девочка Снегурочка выходит из них достойно, и заманчивых голосов не слушает: «Хотел меня медведь унести, я не пошла с ним; хотел волк увести, я отказала ему; хотела лиса сманить, а я в обман не далась...»

Лишь на один голос откликнулась девочка, не такой сладкий, как предыдущие, но жизнью проверенный, в дружбе и службе испытанный...

Чей? — почитайте Дала.

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

«Костя, давай встретимся на игре «Любовь с первого взгляда!» Может, мне повезет?» Марина С., пос. Первомайка Костромской обл.

«Как ты думаешь, кто были твои далекие предки: инопланетяне, обезьяны, слоны, рыбы или певцы?» Аня Н., г. Кыштым Челябинской обл.

«Почему на первой странице вашего журнала напечатана куча денег, а на последней — портрет Кости Пахомова? Нет ли в этом какого-то тайного умысла?» Ольга Ю., Новосибирск.

«Правда ли, что Разин делал вам всяческие ужимки и использовал в качестве растопки на концертах?» Максим З., Свердловская обл.

«Возьми меня на месяц в творческом отношении... Я решила связать свою судьбу только с музыкой, — на большее я не гожусь!» Ирина К., Украина.

«Новью ты едешь в своем «мерседесе», вдруг в безлюдном месте дорогу тебе перебегает кошка, а через несколько метров ты видишь покойника. Твой действия?» Лена Е., Новокузнецк.

«Какую ты бы хотела иметь жену — работающую на сцене или простую работницу?» Марина Б., п. Черемное Алтайского края.

«Тебе нравятся ностянные сексы, которые показывают по телевизору?» Таня А., Челябинская обл.

«Долго ли терпел «разинщину»? Света О., г. Сарапул.

«Ты меня любишь, а я тебя — нет. Твои действия?» Эля Ж., Дуганская обл.

«Как ты относишься к таким девушкам, которые лезут к тебе на шею с букетом, избивая при этом других, рядом лезущих?» Юлия П., БАССР.

«Почему твоя группа без названий? Может, ты ее назовешь «Теплый июль» или «Счастливый август» назло группе «Ласковый май»? Марина Е., Тула.

Эти вопросы мы не стали задавать Косте Пахомову. Почему, думаем понятно...

Юрий ШИНКАРЕНКО

А Я ЛЮБЛЮ ИНДИЙСКОЕ КИНО ...

Светлана
ХЛЫНОВА (РОШАНИ)

Люди чаще всего иронически улыбаются, хихикают, когда я начинаю объяснять, чем занимаюсь серьезно уже на протяжении семи лет. Говорят, что это не свойственно нынешней молодежи — мечтать о романтике, ведь сейчас в моде «чернуха»...

А я обожаю индийское кино! То, которое по праву называют коммерческим — яркое, праздничное, немного наивное. Боже, сколько эпитетов можно подобрать, характеризуя это захватывающее зрелище! И я не одна, по стране разбросано огромное количество таких же «чкунутих».

Индийское кино в нашей стране начиналось с картин Раджа Капура, где, как в любом индийском фильме, главные герои, преодолевая всевозможные препятствия, приходили к счастливому финалу, где злодей раскаивался в своих поступках или погибал от руки благородного героя, а иногда бандита «брала под белы ручки» подоспевшая вовремя полиция.

Тогда все было ново для нашего зрителя: манера поведения индийцев, их красивая музыка, необычные танцы. Но пришло другое время — пришли другие фильмы. Постепенно на первый план вышел молчаливый супермен с грустными глазами, чаще всего мстящий своим обидчикам. В фильмах стали появляться чисто западные черточки — главный герой в джинсах и на коне, героиня в мини и с кольцом в руках. Ну чем не ковбойский вестерн! А когда наступила «эра диско», на экраны вышел шумевший «Танцор диско». С него то я и «заболела» индийским кино. Недели, когда его крутили в городе, стали для меня настоящими праздниками, я буквально не вылезала из кинотеатров. Надо заметить, что в те «послетанцоровские» дни индийским кино увлеклись многие, в том числе и мои друзья.

Увы, постепенно интерес пошел

на спад, я практически осталась одна. Но, так сказать, трудности и испытания выдержала стойко, увлечению не изменила. Более того. Устроила дома грандиозную чистку и, уже не ходя далеко, обнаружила уйму материалов, каким-либо образом связанных с индийским кинематографом. И не только с ним одним. Как-то незаметно «болезнь» моя вышла за узкие рамки, меня начали интересовать любые сведения об Индии, весточки из далекой страны, начиная с серьезных статей о политической обстановке и кончая новенькой оберткой от индийского мыла, лежавшего тогда, слава Богу, везде и без талонов. Я перегрела кучу журналов и газет, прочтала довольно много книг по теме, накопила свою библиотечку, параллельно ведя библиографический справочник, если можно так назвать тетрадку, куда заносила выходные данные изданий и публикаций. Кроме того, завела список индийских имен, названий городов, рек, деревень, блокнот-словарик индийских слов. Когда же осилила «Рамаяну» и «Махабхарату» — древние эпосы, возникла еще одна тетрадь с любимыми четверостишиями оттуда. Так, медленно, но верно, открывалась передо мной дверь в совершенно незнакомый большинству из моего окружения, огромный и удивительный мир древнейшей культуры великого народа.

И все же кино, может быть, не самую глубокую и серьезную, но имеющую право на жизнь и поклонников часть этой культуры, к тому же — первую любовь — я не забывала. Велась подробная фильмография, скрупулезно выписывались подробные сведения о фильмах из киножурналов. Вот только одиночество в своей «болезни» стало потихоньку тяготить. И однажды судьба мне улыбнулась. В журнале «Семья и школа» я обнаружила ответ на вопрос — где можно получить консультацию по изучению индийского клас-

сического танца «бхаратнатям». Спрашивала об этом некая Наташа Нечипоренко. Поразмыслив, я решила, что девушке, задавшей такой вопрос, ничто индийское также не чуждо, и выяснила через редакцию ее адрес. Наташа не просто ответила на мое письмо. Прислала целых две фотографии «звезды» Митхуна Чакраборти! Правда, не самые лучшие — любительские фотографии, но по тем временам для меня это был просто царский подарок! И я по сей день благодарна жительнице маленького украинского городка Шпола и ее подруге-землячке Лиде Рысак за ту первую поддержку и помощь. Ведь они стали моими первыми корреспондентами, и знали бы вы, как радовалась я их письмам, не надеясь даже, что когда-нибудь придут другие. Однако, к немалому своему удивлению, я ошиблась. Убедилась в этом, волею судьбы попав к Наташе и Лиде в гости.

Оказалось, далеко не мы одни по-настоящему «болеем» индийским кино. У моих украинских подруг уже тогда было не пять, не десять — около ста семидесяти корреспондентов во всех уголках страны! А в некоторых городах, как выяснилось, организованы даже целые клубы любителей (любительниц?) индийского кино или одного актера. Между прочим, большой неожиданностью для меня стало известие о том, что в стране существуют как бы два лагеря «фэнов»: поклонники Митхуна Чакраборти — того самого «танцора диско», который, кстати, у себя на родине менее популярен, чем у нас, и отдающие предпочтение Амитабху Баччану (гремел в начале 80-х в амплу молчаливого супермена с каплей грусти). Между лагерьями происходят целые «батальи» — правда, всего лишь словесные, состоящие из взаимных письменных нападок на «врагов» и их кумиров. Но все-таки... Кто бы мог подумать, что столь романтическое и мирное, в об-

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Юлий ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
 [заместитель главного редактора],
Сергей КАЗАНЦЕВ
 [ответственный секретарь],
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Борис СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Марат ШИШИГИН

Художественный редактор
Дмитрий ЛИТВИНОВ

Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
 620219, г. Екатеринбург,
 РСФСР-353, ул. Декабристов, 67

Телефоны отделов:
 22-36-62 (фантастики),
 22-45-01 (краеведения, секретариат),
 22-10-74 (писем, науки и техники),
 22-04-81 (прозы и поэзии, публицистики,
 молодежных проблем)

Рукописи принимаются перепечатанными
 на машинке через 2 интервала,
 60 знаков в строке,
 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки
 обращаться в районные отделения
 «Союзпечати».

Бракованные экземпляры
 отправлять в типографию издательства
 «Уральский рабочий».

Сдано в набор 04.10.91.
 Подписано к печати 26.11.91.
 Формат бумаги 84×108/16.
 Бумага газетная.
 Высокая печать.
 Усл. печ. л. 8,82.
 Уч.-изд. л. 13,50.
 Усл. кр.-отт. 11,76.
 Тираж 320 000 экз.
 (11-й завод: 200 001—320 000).
 Заказ 432.
 Цена 1 руб. 50 коп.

Типография издательства
 «Уральский рабочий»
 620219, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

КТО ВО ЧТО ГОРАЗД

шем, искусство, как кино Индии, может стать ареной для какой-то там «борьбы», склок! Лично я держу устойчивый нейтралитет. Мне нравятся оба актера. К тому же, насколько я знаю, сами Амит и Мит (сокращения от имен) прекрасно уживаются не только в одной стране, но и в одном городе, да еще снимаются вместе, чему пример — фильм «Шахиншах», который, надеюсь, когда-нибудь покажут и у нас. Так стоит ли ссориться?

Но вернусь к моей, а точнее — к нашим киноколлекциям. Хороши они или плохи, вызывают ли уважение со стороны или насмешку — они существуют. Есть такие девчонки — «индоманки», и у них, как и у всех увлеченных людей, налицо большая потребность иметь как можно больше предметов, относящихся к их увлечению. Открыток, например, сувениров, еще чего-нибудь... В Дели, как вы сами понимаете, слетать из нас не может почти никто. Вот и разыскиваем, меняем, покупаем, в конце концов. И думаете, это очень легко? Примерный прейскурант на сегодня (боюсь, как бы цены не утроились, пока журнал увидит свет) в нашем «деле» выглядит так: открытка производства Индии — 7—10 рублей, то же из Пакистана — до 15 рублей; просто цветная «фотка» в зависимости от размеров — от 3 до 5; пластинка, записанная в Индии с музыкой из фильмов — 15 рублей; киноафиша индийская — 65 рублей. Как видите, особо не расколлекционируешься... А тут еще разные, извините, проходимцы опутывают своими сетями начинающих. Один гражданин Грибов чего стоит. Человек этот, всплывший в свое время на страницах весьма солидного издания, под видом создания всесоюзного клуба любителей индийского кино собирал с девчонок деньги — так сказать, вступительный взнос. Где они теперь, те денежки?.. Позже Грибов возник с предложением организовать выставку, посвященную фестивалю Индии в СССР, и просил выслать ему материалы, связанные с этой страной. Высылали — безвозвратно. Кульминацией же его деятельности стали письма, обрушившиеся на головы бедных «индоманок», с обещанием «выслать грампластинки с музыкой из нужного Вам фильма, с фотографиями желаемых актеров на конверте». Оплата, разумеется, предварительная. Тогда на это многие попались. В том числе и мои знакомые украинки. Ухнули ему свои первые стипендии — по 30 рэ. Представляю, каково им было, не дождавись дисков, прочитать однажды, что Грибов — самый обыкновенный аферист! Но мы держимся. Меняем, откладываем, скрепя сердце, проходим

мимо симпатичных сережек в киоске, ищем — и находим... А разве другие коллекционеры поступают не так? Сегодня я переписываюсь с 15-ю девушками, которые, как и я, обожают индийское кино. О чем пишем друг другу? Зависит от корреспондента. Чаще просто новости: что посмотрела, что приобрела, что есть на продажу (обмен). В других случаях — впечатления о последней увиденной ленте, об игре любимого актера (актрисы). Такие письма мне нравятся больше, их приятно читать. Я и сама предпочитаю размышлять, когда пишу, но увы, этого не хватает — должно быть, по недостатку времени. А в конце каждого письма — прощальное намасте, индийское приветствие. И еще один нюанс. У нас принято брать себе псевдоним — на индийский манер, конечно. Вы можете стать Рекхой, Шридеви, Митхулой, в честь полубившегося киногероя, а можете просто Ашой — сходное с русским Наташа. У меня есть мечта: завести бы нам свой журнал, для начала небольшой, рукописный. Или хотя бы газету — чем черт не шутит, может быть, и настоящую, с большими фото? — в которой бы мы, каждый под своим псевдонимом, обменивались информацией, рецензиями, а может — и чем-то большим, что помогает нам жить. Только само собой, без всяких грибовых «помощников»...

И последнее. Пользуясь случаем, несколько слов непременно хочу сказать родителям — на правах подростка уже человека с некоторым опытом. Если вы вдруг заметили, что ваша девочка слишком часто бегаёт в кино, и преимущественно на индийские фильмы, если над ее столом появилась бог весть откуда выдранная фотография индийского актера (актрисы), если вы обнаружили однажды, что из шкафа пропали старые шторы — судя по всему, девочка взяла их, чтобы сделать себе сари, — не торопитесь с выводами и действиями, не обвиняйте ее в дурном вкусе. В конце концов, самый ли это большой грех — ждать своего смурлого принца и плакать по ночам, если он — такой красивый, отважный и благородный — все-таки погибает?

А вдруг вы и сами виноваты кое в чем, и давно не смотрели хорошей мелодрамы в восточном стиле? Может, стоит вам сходить на сеанс вместе с ней? А что, если вообще — поднатужиться, приподняться над бытовыми передрагами, да и махнуть всей семьей, ну, допустим, в...

Впрочем, это я уже чересчур. Такого просто не бывает.

Но вдруг?

